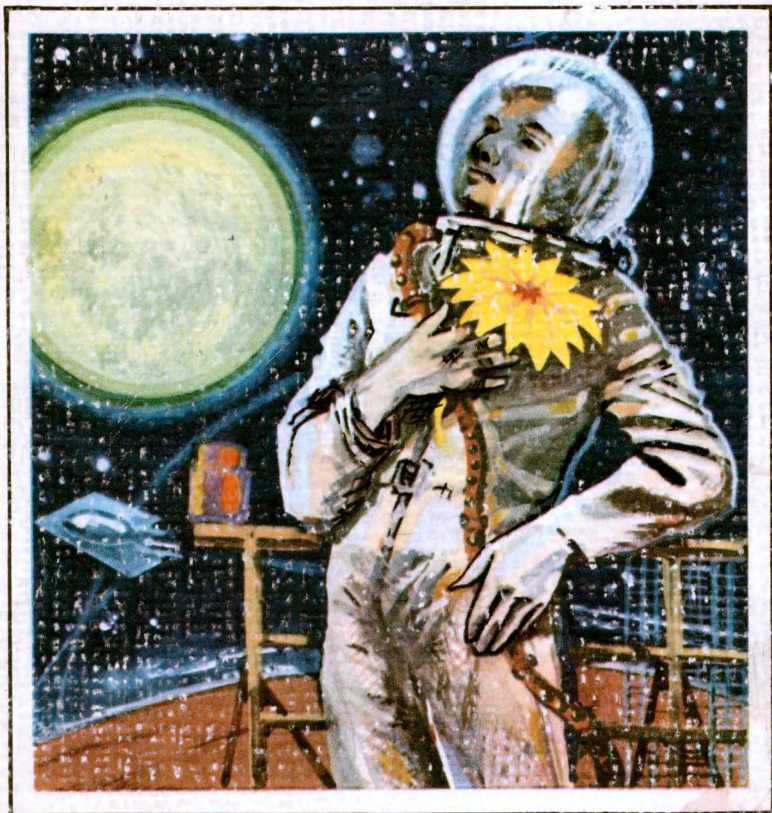
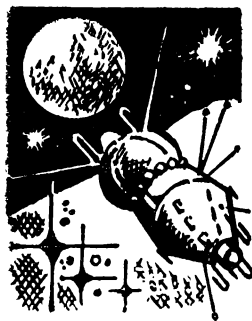

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ТЕСЛЕНКО
**ИСПЫТАНИЕ
ДОБРОМ**

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР
ТЕСЛЕНКО

ИСПЫТАНИЕ ДОБРОМ

Научно-фантастические рассказы

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1984

84Ук7
Т 36

Перевод с украинского
Е. ЦВЕТКОВА

Т $\frac{4702010200-280}{078(02)-84}$ Без объявл.

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г.

НА ПЛАНЕТЕ СНОВ

Как ни ускорял шаг Василий Серпан — серая лента тротуара, казалось, бежала вспять еще быстрее, и если он на мгновение останавливался передохнуть, сразу ощущал, как неумолимо теряются с таким трудом преодоленные метры: тут же уплывали обратно деревья, киоск Союзпечати на углу улицы, молодой бородач с детской коляской под фонарем. Бешено колотилось сердце.

Чуть отдышавшись, двинулся вперед. Вот снова поравнялся с киоском... с бородачом, который сейчас достал сигарету и безуспешно щелкает зажигалкой. Не останавливаясь, судорожно хватая широко открытым ртом воздух, Серпан достал из кармана коробок со спичками, стараясь покрепче держать ручку тяжелого портфеля.

— Возь...мите, — ткнул коробочку бородачому.

В свете фонаря мелькнул красный гребешок петуха на этикетке.

— Спасибо!.. О, это ты, Василий?

Серпана удивило, что тот назвал его по имени, значит, знакомый. Но никак не мог припомнить: кто он, где они виделись?

Василий обрадовался остановке. Продляя ее, спросил:

— Гуляешь?

— Как видишь. — Тот прикурил и протянул спички.

— Не нужно... Оставь себе... Сколько же твоей малышке? — поинтересовался Серпан, сожалея о теряемых метрах и в то же время ловя себя на мысли, что почему-то не знает — кто в коляске? Мальчик или девочка?

- Скоро год... Ты, я вижу, спешишь?
- Домой тороплюсь, задержался на работе...
- Ты все там же?
- Да. А ты?

— И я прирос... Ну беги, беги — не буду заговаривать, — глубоко затаился, блаженно подняв вверх голову. Его густая борода поблескивала в свете фонаря, словно шерсть ухоженного черного кота.

Василию тоже захотелось курить, но он пересилил это желание. «Нужно скорее домой. Меня давно ждут. Ведь даже не позвонил, что задерживаюсь. Я так устал. Так хочется спать. Домой. Быстрее домой».

И вдруг будто гора с плеч свалилась. Василий почувствовал невыразимое облегчение. Полной грудью вдохнул прохладный вечерний воздух, чуть тронутый автомобильным перегаром, перебросил портфель в другую руку и зашагал легко и радостно. Неведомая сила переполняла энергией каждую клеточку обновленного тела. И он побежал, побежал свободно, без усилий, едва касаясь ногами тротуара. Поворачивая на улицу Пирогова, почувствовал, что сейчас сможет взлететь. Он с силой оттолкнулся от земли... В крутом вираже вписался в поворот улицы, ведущей к станции метрополитена. Пролетая над желтой крышей троллейбуса, который тоже поворачивал налево, Василий, всматриваясь в пульсирующую толпу возле входа в метро, подумал: «Только бы не выпустить портфель». Сжал ручку так, что пальцы занемели.

Перед станцией легко удалось уменьшить скорость и приземлиться ни с кем не столкнувшись.

Вагон метро был переполнен. Василий втиснулся последним. Резиновые прокладки дверей, сомкнувшись, прижали полу его пиджака. Прямо перед лицом — спина высокой полной женщины в цветастом ситцевом платье. Резкий запах духов. Слева — мужчина лет сорока в джинсовом костюме держался правой рукой за поручень, вернее, висел на нем. Справа — девушкака-

подросток в брючках. Неожиданно громко она спросила, обращаясь к Василию:

— Извините, вы не скажете, который час? — Смотрела в упор каким-то неживым взглядом красивой куклы.

Отпустил ручку портфеля, но тот не упал. Василий прижал его коленом к ногам высокой женщины. Не без труда освободил левую руку, взглянул на циферблат.

— Десять минут десятого, — ответил девушке.

Она, не сводя стеклянного взгляда, словно смотрела сквозь него, едва слышно вышелушила пухлыми холодными губами «спасиб...».

Василий хотел придержать портфель правой рукой, но, хотя четко ощущал его коленом, никак не мог нащупать ручку. Пальцы коснулись чего-то мягкого и теплого. Стоящая впереди женщина нервно вздрогнула, попыталась отстраниться от Василия, и портфель поплыл вниз. Теперь его не достать.

На остановке мощный напор выходящих вытолкнул Василия на перрон, портфель остался под ногами полной женщины. Она, подхваченная общим потоком, споткнулась о портфель и стала падать. Василий подхватил и буквально вынес ее, поставил рядом с собой. Женщина благодарно прошепелявила:

— Ох-ох... Большое вам спасибо... Столько сегодня людей...

Пассажиры, выходя из вагона, чертыхались и отпихивали портфель. Девушка в брючках ловким движением ноги поддела его и выбросила на перрон Василию.

— Благодарю! — крикнул Серпан, но девушка в общем шуме, конечно, ничего не услышала.

Все вышли из вагона, и теперь образовался поток в противоположном направлении. Пропустив всех, Василий не успел войти, двери захлопнулись, и поезд медленно тронулся. Василий побежал рядом, пытаясь увидеть девушку сквозь толстые стекла дверей.

— Спасибо тебе! — изо всех сил прокричал Серпан, но теперь девушка тем более не могла его услышать.

Поезд все быстрее набирает скорость. Василий бежит, приближаясь к концу перрона. Сейчас поезд скроется в темном проеме тоннеля. Пронесется мимо окна переполненных вагонов. Скоро последний... Василий мгновенно представил — сзади, у последней торцевой двери, вертикальные поручни, и для ноги место найдется... Весь напрягся и... прыгнул. Расчет оказался точным — рука схватилась за поручень, Василия сильно дернуло, портфель чуть было не вырвался из другой руки. Но все обошлось, нога быстро нашла опору.

Поезд ворвался в тоннель. Шум оглушил Серпана.

Перестук колес и гудение мощного электромотора вливались в его тело и через кости ног (так «слышат» глухонемые, подумал). Светлое пятно быстро уменьшалось позади и вскоре исчезло — тоннель делал поворот. Пунктир бледных лампочек вытянулся в сплошную линию. «Неужели такая бешеная скорость в тоннелях?» Почему-то запахло креозотом. Ветер трепал волосы Василия. Было прохладно и непривычно приятно.

«Как это я раньше не додумался так ездить? В вагоне всегда тесно и жарко. А здесь — лишь покрепче держаться...»

Свою станцию чуть было не проехал. Когда спрыгнул на перрон, почувствовал, что занемела левая рука, стала тяжелой, будто кровь заменили ртутью и она медленно разливается по всему телу. Василию показалось, что он куда-то проваливается... Потеряв ощущение земли под ногами, он снова полетел, но уже без прежней легкости. Мучительно преодолевая метр за метром до выхода на поверхность. Опять стало трудно дышать. Наконец вырвался из-под земли в темень ночного неба и на какое-то время ослеп после ярко освещенного зала метро. Но вскоре глаза привыкли, он отчетливо видел все, куда бы ни переводил взгляд. «Аккомодация в норме», — удовлетворенно отметил. Василий сделал крутой разворот и, изо всех сил стараясь не терять высоты, полетел к своему дому.

Квартира, где жили они с женой и двумя детьми, находилась на втором этаже. Василий издали заметил — форточка одного из их окон открыта. Сразу направился к ней. Удачно вписался в открытый прямоугольник. Только слегка задел портфелем раму.

Оказавшись дома, как-то сразу обессилел, выпустил из рук портфель и сам упал вслед за ним на зеленый ковер на середине комнаты. В желтом абажуре под потолком горела яркая лампочка, щедро освещая книжный шкаф, стол, диван, на котором спала не раздеваясь жена, два стула с зелеными потертыми спинками, три книжные полки на стене...

Василий лежал на полу и тяжело дышал.

Жена вдруг проснулась и порывисто села на диване, обхватила руками колени. На ней почему-то зеленая короткая юбка и зеленый жакет с длинными рукавами, примятыми на сгибах. Она долго сонно моргала от яркого света, пока не заметила Василия.

— О, это ты, наконец-то... А я, как видишь, вздремнула... Ты так поздно...

Василий промолчал, ему не хватало воздуха.

— Устал? — сочувственно и нежно спросила жена, садясь рядом с ним на пол. — Кушать хочешь?

— Немного. — Василий попытался улыбнуться. — Дети спят?

— Спят... — Жена поправила ладонью прядь волос, закрывающую Василию глаза, и взглянула вправо на стену, за которой спали сын с дочерью. — Сложная была операция?

— Да... — начал говорить Василий и вдруг услышал громкое лягушачье кваканье. — Где это? — недоуменно спросил.

— Что где?

— Лягушки поют...

— Я ничего не слышу.

— Ну что ты? Ведь очень громко, настоящий лягу-

шачий концерт... Пстой, это, кажется, рядом, прямо в комнате...

Василий замер, прислушался, подобрался на четвереньках к дивану. Запустил под него руку по локоть и вытянул большую зеленую лягушку.

Жена испуганно вскрикнула.

— Да ты только посмотри, какой прекрасный шкрек! — восхищенно улыбнулся Василий. — Не бойся, Машенька, они хорошие существа. Я их в детстве столько переловил! Шкреков. Мы их шкреками называли... — Василий погладил лягушку по спинке.

Внезапно ощутил сильную боль в сердце и в то же время его опять удивило все вокруг — и лягушачий концерт, не утихающий под диваном, и холодное тельце шкрека на ладони, и выражение брезгливости на лице жены, и валяющийся на полу портфель...

Постепенно до его сознания дошло, что он спит и все это ему только снится.

«Снится... Да-да, именно так!»

Серпану хотелось закричать, чтобы поскорее проснуться, но голос отнялся, как это и бывает во сне. Попытался открыть глаза, но тяжелые веки не слушались. Наконец это ему удалось.

Ослепил солнечный свет, он лился сквозь большое окно, заполняя всю комнату. Василий Серпан осмотрелся. Он был у себя дома на кровати рядом с женой. Она уже не спала, лежала неподвижно, открытыми глазами уставившись в одну точку. Ему стало не по себе, и он тихо спросил:

— Мария, ты не спишь?

— Не сплю... — еле слышно ответила.

— О чем-то думаешь?

— Думаю. — Жена повернулась лицом к нему.

— О чем же?

— Обо всем и ни о чем... Ты вчера пришел такой усталый...

— Да, — улыбнулся в ответ Василий. — Едва долетел домой и все боялся портфель потерять. Трудно было дышать, и сердце болело. Вот и сейчас немного болит... Я влетел в нашу форточку и упал на ковер. Вон там, — показал взглядом.

— Ты совсем себя не бережешь.

Он вяло, иронически улыбнулся.

— С операцией все хорошо?

— Кажется... Я не все помню, — виновато поежился. — Вчера как никогда устал... Но, кажется, все прошло как надо...

Жена громко вздохнула.

— Не надо, Машенька, я все понимаю, однако... — Серпан резко поднялся и сел в кровати. — Сегодня суббота? Или я ошибаюсь? — спросил нарочито весело.

За стеной в соседней комнате хрипло зазвучали позывные субботней радиопрограммы. Значит, проснулся сын. Вскоре послышался заразительный смех дочурки, а потом гортанные индейские крики обоих и веселая возня.

Василий встал с кровати, симитировал утреннюю зарядку — сердце продолжало беспокоить, набросил на плечи пеструю рубашку, надел шорты.

Припомнилось, как во сне ехал в переполненном вагоне метро, как девчонка в брючках ловко отфутболила ему портфель... как потом ехал, прицепившись к вагону сзади, как летел домой...

«Сердце до сих пор болит. И во сне с трудом дышал. А сновидения настолько яркие, отчетливые... Страшно... Я не могу отличить сон от реальности... Это, скорее всего, от переутомления. Я просто выдохся. Но что поделаешь? Вчерашняя операция длилась восемь часов. Действительно, светя другим, сгораешь сам...»

— Вчера, я видела, в ящике была какая-то почта. Ты хотя бы оставлял ключ или запасной сделай. Когда ты на дежурстве, я даже газету не могу посмотреть.

Серпан ничего не ответил, молча спустился на первый этаж. Достал из почтового ящика «Вечерку» и письмо...

— От кого письмо? — спросила Мария, умываясь.

— От Маруси.

— Что пишет?

— Пишет... — Серпан медленно открывал конверт, пытаясь скрыть от жены, что все сильнее болит сердце. — Пишет... «Здравствуйте, Вася, Мария! У меня все благополучно. Как вы там поживаете, ничего о себе не пишете и сами не появляетесь. Купила я недавно двух козочек, пускай себе растут, все веселее будет. Часто вспоминаю Андрюшу, как он с утятами игрался. Приехали б хоть на денечек-другой. Как там меньшенькая, Ксения? Хотела я к вам сама приехать, да не на кого хозяйство мое оставить. Теперь еще и козочки. И крыша прохудилась. Поеду — вдруг дождь. И сливы в этом году урожай, и вишни были хорошие, но уже сошли. А так у меня все по-старому. Может, приедете? Целую, Маруся».

Мария вытиралась мохнатым в зеленую полосочку полотенцем. Василий знал, что она сейчас скажет, по крайней мере знал, о чем она думает. И неожиданно для самого себя вырвалось:

— Пожалуй, съезжу-ка я сегодня с Андрюшей? Завтра воскресенье и у меня нет дежурства...

Мария посмотрела на него растроганно:

— До чего это было бы хорошо... Ведь ты и сам понимаешь, как ей одной тяжело, как грустно...

Маруся — дочь покойной тети Ани. Осталась после смерти матери одна-одинешенька. В молодости не нашлось ей пары, после войны тяжело болела, а годы-то шли и шли. Отец с фронта не вернулся. Брат — на да-

лекой комсомольской стройке. Пишет редко, и каждый раз с нового места. Женился уже, сын у него.

— Ты и вправду сможешь поехать?

— Да-а... — сказал он не очень уверенно, стараясь убедить самого себя в необходимости отправиться именно сегодня.

Путь был недалкий, но не из легких — две пересадки, а в воскресные дни транспорт переполнен.

— Так я одеваю Андрея... Да?

— Одевай.

— Для него это такая радость. Помнишь, он с пол-года про утят вспоминал.

Словно невидимая жестокая рука опять сжала сердце.

— Нужно отдохнуть, развеяться. Заодно помогу Марусе. Крышу подправлю. Устал я... Восемь часов не уходил от операционного стола, да и аппаратура барахлила у анестезиологов... Мальчонке одиннадцать лет, чуть старше нашего Андрея...

— Не говори мне... Больные дети, операции... Ужасно... Я ни за что не смогла бы работать хирургом...

В комнату вбежала пятилетняя Ксения в голубой ночной рубашечке:

— Ма! Па! Андрей меня ущипнул!

Из детской комнаты сквозь громкую музыку донесся голос сына:

— Ябеда! Ябеда! Я только шутя...

— Значит, я собираю Андрюшу... Как хорошо, что ты решил поехать. Я все хотела тебя попросить или сама... Давно нужно было кому-нибудь из нас выбраться к ней. Маруся такая добрая и... такая несчастная... Может, ты и Ксению возьмешь?

— Машенька, две пересадки.

— Да-да... прости, я не подумала. Тебе тяжело.

«Может, позвонить в клинику? Как там мальчик? Но ведь я сделал все, что мог. Не нужно сейчас думать о работе. Классическая коарктация аорты. Все про-

шло нормально. Скоро отпуск. Поедем к морю, а там, глядишь, и в горы махнем. Нужно бросить курить!»

— Ну вот, с самого утра, натошак... — укоризненно сказала жена и отобрала сигарету.

...Воробей сидел на проводе у верхушки старого почерневшего, слегка покосившегося столба и внимательно слушал бодрые мелодии, исторгаемые мощным динамиком. Эта картина бросилась в глаза Василию Серпану, когда они с Андрейкой сошли на своей остановке. Автобус фыркнул два раза и двинулся в центр села, к своей конечной остановке. Ехал медленно, важно покачиваясь на ухабах. Улица была безлюдной. Глубокие колеи, выбитые колесами машин посреди дороги, делали горбатый вираж вокруг клуба.

— А у тети Маруси еще есть утята? — спросил сын, очевидно, вспомнив, что в прошлый приезд — это было три года назад — много играл с ними. Он даже хотел взять их с собою в Киев, со слезами на глазах уговаривал отца: «У Славика попугайчики живут в клетке, а у нас будут жить утятки...»

— Не знаю, сынок, но, думаю, и сейчас у нее водятся.

— Но уже не те, а другие. Правда?

— Правда.

Андрюша тогда знакомился с хозяйством тети Маруси с трепетным удивлением, будто неожиданно попал в настоящий зоопарк — куры с цыплятами, утки с утятами, собака, поросенок, индюк, большой полосатый кот...

«А слона у тебя нет?»

«Слона вот нет», — смеялась Маруся.

«А жалко», — серьезно огорчился Андрюшка...

Серпаны пошли напрямик, мимо клуба. Накануне ночью был дождь, под ногами чавкала грязь, на солнце блестели лужи.

Сердце никак не отпускало. «Да что ж это? Неужели всерьез? Нет, нет! Просто пора отдохнуть. Спокойнее! Глубже дышать! Какой вкусный здесь воздух...»

— Па, а почему тут мало людей?

— Это тебе не Крещатик. Здесь по улицам не гуляют. Узнаешь хату тети Маруси?

— Вон она...

— Правильно, сынок. Ты, оказывается, все помнишь.

Музыка за спиной резко оборвалась, и стало тихо-тихо, как-то нереально тихо. Где-то вдали лениво залаяла собака. И снова все замерло. Василий остановился и, понизив голос, предложил Андрюше «послушать тишину».

«Как на другой планете. Нет ни грохота машин, ни гомона людских голосов, тишь... и легкий, почти неосязаемый ветерок... И все вокруг будто нарисованное... Но все же зря не позвонил я в клинику. Что это со мной?! Ведь всегда звоню, всегда узнаю, как там после операции... А сейчас — боялся, что не все в порядке? Да, именно так, и нечего лицемерить... Как болит сердце...»

Двор Маруси отгорожен от улицы кустами сирени и желтой акации, а от соседей — ничем, если не считать жиденького рядочка небольших камушков, выложенных по краю огорода.

Они вошли во двор, и старый Барсик, выскочив из своей стоящей у сарая будки, нехотя залаял. Цепь не пускала, и он достать Василия не мог, впрочем, старый пес не очень-то этого и хотел, а рычал и лаял просто так, для порядка.

— Ты что, не узнаешь меня, Барсик?

Пес вильнул хвостом, но лаять продолжал, пока Серпан не подошел совсем близко к нему и не погладил. Барсик сразу умолк и вроде бы даже попытался улыбнуться, вежливо полуоскалив зубы.

Василий с Андрюшей направились к старой-преста-

рой (никто в деревне уже не помнил, когда она построена) хате. Серпан нажал на щеколду...

В сенях темно, под ногами упругость глиняного пола, в воздухе — ни с чем не сравнимый запах старой хаты-мазанки. На ощупь нашли дверь в комнату. Темно.

— Маруся!

Тишина.

В комнате никого. Маленькие окошки за пожелтевшими гардинами, стол, на нем телевизор. Две кровати — одна под окном, а другая у глухой стены. На кровати, что у окна, — черная коробочка динамика, и из него льется тихая песня «Тишина вокруг. Сады не заснут. И любви заря — твоя и моя...». На стенах развешаны рамки с семейными фотографиями, в углу выше — икона. Настоящая большая сельская печь.

Серпан снял рюкзак (в нем — большая банка селедок пряного посола, Маруся любит такую рыбу, напонила перед отъездом жена, а в село ее не завозят; батон копченой колбасы, три пустых трехлитровых банки для консервирования). Разделся сам, снял джинсовую курточку с Андрюши. Сели на кровать. «Тишина вокруг. Сады не заснут. И любви заря — твоя и моя...»

Скрипнула дверь в сенях. На пороге — Маруся:

— Ой!.. Это ты, Вася?! Андрюша-то как вырос... Слышу, Барсик заливается. Кто бы это мог быть, думаю? Я на огороде сейчас возилась.

Маруся села к столу и с умилением смотрела на них.

— Я и сама недавно домой пришла. С утра в школе... — Маруся работала там уборщицей. — Ну как в городе? Письмо мое получили?

Не ожидая ответа, встала, засуетилась. На столе появились яйца, сало, огурцы, бутылка домашнего вина.

— Садитесь к столу.

— Ты написала, что крыша прохудилась. Сегодня пособлю...

— Не надо, Вася. Я и сама могу. Да она уже не протекает. Тебе-то в понедельник на работу? Значит, завтра поедете... Ты наливай, наливай. Отдыхайте. Спасибо, что приехали.

Андрей подошел к динамику на кровати. «Красные маки, огни и вокзалы...» Сделал музыку чуть громче, потом взял черную коробочку в руки, и песня сразу оборвалась.

— Ну-у, он только на мягком играет, — степенно пояснила Маруся. — С полгода так. Только на кровати или на теплой печке. Старенький он у меня. Еще мама купала...

Андрей осторожно положил динамик на место. «Красные маки. Не спится ребятам...»

— А козочки где ваши? — спросил несмело.

— За сараем привязаны. У соседки коза козлят принесла, я их и купила. Маленькие, а такие понятливые. Если б кто-нибудь их поучил немножко, так они такими же умными, как и мы, стали.

Маруся налила вино в рюмки, но Василий не спешил пить. Тихий звон в ушах, и сердце будто стонет. «Не иначе переутомился. Нужно от всего отрешиться. Просто необходимо расслабиться...» Серпан решительно опрокинул в рот содержимое рюмки.

Маруся тоже выпила. Смотрела на Василия и тихо рассказывала, словно не ему, а кому-то еще:

— Вчера мышь дырку прогрызла. И так высоко. Видишь? — показала пятно на стене возле окна. — Я дыру пластилином замазала. Пластилин не прогрызет, подавится, а то и зубы слипнутся. Противный он, я пробовала...

Скрипнула дверь, и на пороге появилась Явдоха.

— О, да у тебя гости, Маруся?.. С приездом...

В сером мужском пиджаке, в длинной коричневой юбке, в больших сапогах, старая и сгорбленная, но по-детски непосредственная и радостная. Явдоха засеме-

нила к столу, протянула руку Василию, для Андрюшки нашла в кармане карамельку и уселась на кровать.

— Маруся, включила б ты телевизор. Может, он отдохнул и снова чего-нибудь покажет.

— Да нет, Явдоша, поломалось в нем что-то... — Тем не менее подошла и щелкнула выключателем.

Телевизор молчал.

— А ты в нем не разумеешь? — спросила Явдоха Василия. — Постучал бы, где надобно...

— Он в людях знает, где и что... — пояснила Маруся.

Явдоха почему-то соболезнующе закивала головой, поправила сползающий на лоб платок.

Снова заскрипела дверь, в комнату вошел старик в фуфайке. Многозначительно кашлянув, громко сказал:

— Я — Никодим, во рту дым, а в руке рюмка. Добрый день вам всем. Вижу, к Марусе гости пожаловали, дай, думаю, и я зайду.

Он подошел и опустился на кровать рядом с Явдой.

И сразу за Никодимом на пороге — Семен, сосед Марусин. Поздоровался и присел прямо на пол, у двери. За Семеном — Иван Чернобай, устроился рядом с Василием, застенчиво ему улыбнувшись. Следом — де-белый и румяный сельский умелец с героической фамилией (Василий забыл, какая точно у него фамилия, помнит только, что очень известная). Затем начали заходить и по двое, и по трое — молодые, и старые, и совсем дети. Всех Василий не знал. Входили и входили. Мужчины закуривали. Садиться уже было некуда. Многие стояли.

Когда в комнате стало так тесно и накурено, что не продохнуть, кто-то во всеуслышание заявил:

— Ох и мала у Маруси хата. И старая совсем. Давайте-ка мы ей новую поставим!

Василий узнал голос своего тестя, удивился: «И он,

оказывается, к Марусе приехал, как будто знал, что и я здесь».

— Почему бы и нет, — поддержал его Чернобай.

— Годится! — обрадовался сельский умелец с героической фамилией. — Идея — сто пудов! А эту хибару сейчас же и развалим, сразу просторней станет!

Комната наполнилась восторженными возгласами. Все от мала до велика принялись с усердием ломать дом. Глиняные стены сопротивлялись недолго, и вскоре одна из них со стоном облегчения и затаенной благодарности рухнула на землю, подняв облако коричневой пыли. Из помещения никто не выходил, все дружно налегли на соседнюю стену. Вот и она упала. Василий продолжал сидеть за столом. Налил себе еще, теперь уже в стакан.

«Ну почему я не позвонил в клинику? По крайней мере, знал бы, что все было не напрасно. Как сердце болит... Ох, как болит...»

Упала третья стена, но потолок, к удивлению Василия, оставался на месте. Когда глухо рухнула последняя дубовая подпорка, все с облегчением вздохнули и начали выходить во все стороны во двор. А крыша, старая соломенная крыша все еще висела. И только после того, как Василий не спеша встал из-за стола и пошел ко всем остальным во двор, а за ним побежал вприпрыжку Андрюша, в крыше что-то щелкнуло, словно переломилось, и она начала медленно подниматься... Освободилась от печной трубы и повисла в небе над огородом. А на ней, на поросшей мхом соломе трепетали на ветру лепестки крупного красного мака.

Потом соломенный купол поднялся чуть выше, слегка накренился на левый бок и полетел прочь, все быстрее и быстрее. И вскоре исчез из глаз. Во дворе среди развалин осталась печь. Труба высокая, как заводская.

— Мужики, давайте и печку заодно завалим!

— Нет-нет, печку не троньте! — сказала Маруса. — Надо же обед на чем-то сварить.

— Обед — это хорошо, — согласился кто-то, и все одобрительно зашумели.

— Давай, Маруся, вари на всех нас, а мы — за работу.

Откуда ни возьмись зависли над ними вертолеты с грузовыми подвесками — кирпичи, бетонные монтажные блоки, лесоматериалы... Разгружались посреди двора. Никто не заметил, когда приехал экскаватор и за считанные минуты вырыл траншею под фундамент. Закипела работа.

Веселая, улыбающаяся Маруся готовила обед.

— У нас колхоз богатый. Мы это дело — в два счета! — повторял время от времени чей-то голос.

А откуда-то издали доносилось приглушенное кваканье лягушек.

«И как только я смог уехать, не позвонив в клинику? Если б это был мой сын? Разве уехал бы вот так, после операции?!» Серпан вдруг расплакался. Сидел на куче песка, только что ссыпанного громадным самосвалом, и плакал, прижимая к себе Андрюшу.

— А если б это был ты, сынок? Разве я тебя бросил бы? Нет, никогда, ни за что! Как я смог? Оставил маленького беспомощного человечка... Мы ведь — люди! Прежде всего — люди! Какое значение имеют диссертации?! Вся наука! Кому нужны красивые слова, если я могу вот так бросить человека...

— Папа, не плачь! Папочка! Полетели домой. Нас мама давно ждет.

— Да-да, сыночек. — Серпан попытался подняться, встать на ноги, но никак не мог. — Нужно лететь. Немедленно возвращаться.

Наконец ему удалось встать. Взял сына на руки и, собрав все силы, оттолкнулся ногами от земли... Медленно начали подниматься.

— Куда же ты, Вася? — закричала Маруся. — Ничего с собой не взял. Ты ведь за картошкой приехал! И уток я тебе приготовила!..

С высоты нескольких метров Василий видел, как Маруся торопливо вытянула из погреба мешок с картошкой, развязала его, взяла крупную картофелину и изо всей силы кинула ему. Подбежали другие односельчане и тоже принялись бросать.

— Ты же картошечки хотел! На, бери!

Василий старался покрепче прижимать к себе Андриюшу. И они полетели все быстрее и быстрее... Все вокруг слилось в однообразные серые полосы.

Наконец на горизонте показались огни вечернего города...

Подлетая к дому, издали заметил — форточка опять открыта. И, резко теряя высоту, направился к окну, стараясь поточнее спланировать к освещенному прямоугольнику. Сначала протолкнул вперед Андриюшку; тот влетел ловко, красиво. Василий — за ним, но слегка задел левым плечом, что сразу отозвалось острой болью в сердце. Боль эта лишила его остатков сил, и он мгновенно оказался на ковре посреди комнаты. Все повторялось с томительным однообразием, как и в первый прилет. Яркая желтая лампа освещала всю комнату... Жена, спавшая на диване, вздрогнула и быстро села, обняв руками колени, на ней была зеленая короткая юбка и зеленый жакет... Мария сонно моргала и, увидев наконец Василия, спросила зевая:

— О, это ты... А я, видишь, вздремнула... Ты так быстро вернулся... Как там Маруся?

Серпан долго лежал, собираясь с силами, затем встал с трудом и внезапно понял — он спит, и все вокруг — бесконечный мучительный сон. Пытался заставить себя проснуться, но ничего не получалось. Как ни старался открыть глаза, не мог.

— Хорошо у тети Маруси, правда, па? — сказал Андрей.

Василий на четвереньках подполз к дивану, засунул под него руку, и, прикоснувшись к лягушке, проснулся.

Яркий солнечный свет лился сквозь большое окно и слепил глаза. Василий Серпан осмотрелся. Он лежал на кровати у себя дома. Жена уже не спала — лежала с открытыми глазами.

— Мария, ты не спишь?

— Не сплю...

— О чем-то думаешь?

— Да... Обо всем и ни о чем... Не бережешь ты себя.

— Едва долетел, — виновато улыбнулся Василий. — Хорошо, что ты форточку оставила для нас открытой.

— Что-о?

— Прости, приснилось, очевидно...

— Ты спал целые сутки, Вася.

— Брось шутки...

— Да, ты спал целые сутки. Я было испугалась, но слышу — дышишь ровно... Не стала будить. Не бережешь ты себя... Сложная была операция?

— Операция как операция.

Серпан сел в кровати. За стеной в соседней комнате хрипло подал о себе знать радиоприемник... Значит, проснулся Андрей. Вскоре послышался заразительный смех Ксении, и сразу же вслед за этим — гортанные индейские крики обоих и веселая возня.

Василий встал с кровати, для видимости бодро изобразил, что делает зарядку... набросил на себя пеструю рубашку, надел синие шорты. Сел на стул и долго сидел неподвижно...

— Мария... Я сейчас поеду... к Антону.

— К Антону? Что это вдруг?..

Антон Фрунов, бывший однокурсник Серпана, работал психиатром. В последние годы, погруженные в будничные хлопоты и заботы, они встречались редко, да и то случайно. А в институте ведь были закадычными друзьями.

— Давно не виделись... Хочется посидеть, просто поговорить...

Василий подошел к телефону и долго вспоминал номер. Наконец набрал.

— Антон Васильевич дома?

— Кто его спрашивает? — Молодой и красивый женский голос ответил вопросом на вопрос. Жена? Василий знал, что в позапрошлом году Фрунов развелся и женился вторично. С его первой женой Серпан был хорошо знаком, она тоже врач, они учились вместе.

— Товарищ спрашивает.

На том конце провода надолго умолкли.

— Как вас зовут?

Вопрос возмутил Серпана, но, сдержавшись, он ответил:

— Василий Серпан.

Опять долгое молчание. Серпан невольно взорвался:

— Что вы еще хотите спросить, уважаемая?! Или, может, все-таки позовете Антона? — перешел он на крик. Но тут же пожалел.

«Напрасно я. Так нельзя. Должен понимать. Антон — врач, прекрасный специалист, с именем, не может он отвечать на все звонки... А жена охраняет...»

— Его нет дома...

— К чему тогда столько вопросов? Или вам захотелось поразвлечься немного?

— Он на даче! — В голосе женщины послышалась обида.

Василий взял себя в руки.

— Понимаете, если он действительно на даче, то я поеду к нему туда. Но мне не хотелось бы совершенно случайно не застать Антона там.

— Вы знаете, где наша дача?

— Знаю, если ничего не изменилось...

— Ничего не изменилось... Можете ехать. Но если не застанете Антона, пожалуйста, без претензий. Мне он сказал, что едет на дачу. Вот так, уважаемый товарищ. — И положила трубку.

Серпан зло усмехнулся.

— Я поеду, Марийка. Извини меня, субботу проспал, а на воскресенье убегая. Такой вот у тебя муж. Но мне очень нужно, поверь... Давно надо поговорить с Антоном...

Серпан быстро оделся, выбежал из дома и остановил такси. Вскоре они повернули с Обуховской трассы на Плюты.

Машина остановилась возле проволочного забора, за которым виднелся аккуратный домик. Василий расплатился с шофером, и тот уехал. Серпан подошел к свежевывкрашенной калитке, попробовал, высохла ли краска, и нажал на ручку. Закрыто. Подергал, стал беспомощно оглядываться. Во дворе за сеткой забора никого не видно. Сперва Василий постучал по железной арматуре золотым кольцом. Получилось до того тихо, что он сам улыбнулся. Попробовал ударить ногой, но проволочная сетка лишь слегка погудела и царапнула ботинок. Василий Серпан бывал здесь дважды, всегда вместе с Антоном, и никаких проблем не возникало.

— Антон! — приглушенно воззвал Серпан и тут же понял, никто его не услышит.

— Анто-он! — крикнул погромче.

Никого.

— Фру-уно-ов!!! — закричал изо всех сил.

Вскоре на узкой дорожке между яблонями и грушами показалась знакомая фигура (располнел за последнее время). Василий облегченно вздохнул. Антон всматривался издали, наконец узнал, помахал рукой и скрылся в домике. Минутой позже шел с ключом в руке. Белая майка вымазана на животе землей. На ногах изношенные туфли. Длинные нерасчесанные волосы падали на глаза. Фрунов улыбался — он искренне был рад и удивлен. Долго не мог попасть ключом в узкую щель английского замка, приваренного к калитке. Наконец... Друзья обнялись.

- Привет!
- Привет!
- Каким ветром?
- Да уж каким-никаким занесло.

Медленно пошли по дорожке. Фрунов важно, первым. За ним Серпан.

— Звонил тебе домой... Приятный женский голос соблаговолил все же сообщить, что ты на даче...

Антон на ходу сорвал с ветки большое яблоко и протянул Василию.

— Удивляюсь, что она вообще с тобой разговаривала, да еще сообщила мои координаты. Она меня очень бережет. — Фрунов достал сигарету, щелкнул зажигалкой.

— С Тамарой видишься?

— Редко... Сам знаешь ее характер. Говорит — если б хотел видеть сына, раньше об этом следовало думать... Иной раз даже дверь не открывает. Я тоже не мальчик, ее пороги обивать...

— А сейчас... Кто твоя жена?

— Представь себе — главный бухгалтер! — многозначительно хмыкнул Антон. — Дебет-кредит... Все подсчитано, все учтено, все предусмотрено... Поначалу была такой кошечкой... Но давай оставим это... Не наступай на любимую мозоль... По крайней мере, сразу... Ты ко мне просто так или по делу?

— Просто так... и по делу.

— Пошли, покажу тебе свои владения. Ты, значит, этак года три не был...

— Два.

— Неужели? Кажется, целую вечность не виделись. Вот розы... Ну каково?! Моя гордость. Лелею... А вот эти? Не правда ли — чудо!

— Да-а...

— Мой новый тесть нутрий приобрел. Показать?

— Нутрий?

— Ну не тестя же... Хотя он здесь днюет и ночует. Просто удивительно, что сегодня его нет.

«Сердце опять. Почему болит сердце? Раньше-то оно никогда не беспокоило. Правда, раньше меня ничто не беспокоило. Старею? И в клинику забыл позвонить. Как-то там мальчик?..»

Подошли к клетке с тремя длиннохвостыми созданиями, похожими на огромных крыс. В одном отсеке клетки — две, в другом одна. Из каждого отсека — выход в ванну, тоже перегороденную пополам густой сеткой.

— Потешные.

— В первый раз видишь?

— Да, первый.

— Я тоже раньше не видел. Пока тесть их не при-
волок... Я вообще-то брезгливый... Крысы и крысы...
Но симпатичные... Правда? А чистюли, я тебе скажу!
И мясо вкусней, чем у кроликов. Ну а мех — сам
видишь...

— А зачем их разделили?

— Одна, это самка.

— Ну и что?.. Стоите на страже моральных принци-
пов?

— При чем тут мораль?! Были поначалу все вме-
сте. Подрались. Чуть кровью не изошли эти два дура-
ка. Никто не победил, только вымотались донельзя —
хлюпики-интеллигенттики. Неделью потом тесть молоком
их отпаивал. Едва не потеряли... Когда разделили —
полный порядок. Летнюю кухню видишь? Сам построил!

— Вижу.

— Ну ладно, пошли в дом.

На столе в комнате стояла открытая бутылка
коньяка. Серпан удивился:

— Что это — ты один... пил?

— Не один. Со своим внутренним голосом, со сво-
им вторым «я». — Антон нервно рассмеялся. — Садись к

столу, — предложил, выкладывая на пеструю скатерть четыре апельсина и коробку шоколадных конфет. — Прекрасный собеседник — должен тебе сказать — собственный внутренний голос. Не так ли? — Антон поставил перед Василием рюмку и налил коньяку.

— Постой, Антон. Я, собственно, к тебе, как к специалисту...

— Вот как? Для меня это комплимент. После второй женитьбы мне показалось — я перестал понимать что-либо в человеческой психике. Отсюда вывод — никудышный я психиатр...

— Ты говоришь о женской психике... — попытался пошутить Василий. — А мне хотелось посоветоваться о состоянии одного мужчины...

— Кто он? — Голос Фрунова сразу стал профессионально серьезным. — Сколько ему лет?

— Он врач, хирург, ему тридцать девять.

— Твой знакомый? Родственник?

— Родственник...

— И что же его беспокоит?

— Понимаешь ли, Антон... этот врач — я сам.

— Вот как?

— Да, именно так.

Антон поставил на стол свою рюмку.

— Ты думаешь, я смогу сказать тебе то, чего ты сам не знаешь? — улыбнулся, но тут же произнес деловым тоном: — Извини, что тебя беспокоит?

— У меня очень давно удивительно яркие сновидения. Иной раз трудно отличить сон от действительности. Стараюсь проснуться, но никак не могу. Просыпаюсь во сне, то есть снится, что просыпаюсь... что-то делаю, работаю, и так по несколько раз. Часто бывает ощущение, что вокруг все мне знакомо, хотя точно знаю, попал в ситуацию абсолютно новую...

— Симптом уже пережитого...

— Да, я помню... Один из симптомов помрачения

сознания... В лучшем случае — следствие переутомления, астении... Правда?

— Верно. Надеюсь, ты не паникуешь, друже? Уверен, нет ничего страшного. Поверь мне. Типичное следствие невротического состояния. Радости мало, конечно, но согласишься сам, в наш динамичный век мало кто может похвастать тем, что никогда не побывал в шкуре невротика. Понятие невроза — достаточно широкое, сам знаешь. А относительно ярких сновидений... прежде всего ты должен без малейшей утайки сказать мне, не злоупотребляешь ли наркотиками... хотя бы тривиальным алкоголем... — Антон взял со стола рюмку и выпил. — Я ведь все понимаю и спрашиваю без какого бы то ни было осуждения. Мне это нужно знать. И среди врачей встречаются наркоманы. Причина? Доступность наркотика и обыкновенное человеческое любопытство. Договоримся — скажешь откровенно. Все останется между нами...

— Об этом можешь не думать, Антон.

— Точно?

— Гарантирую почти пуританскую девственность.

— Тогда яркость сновидений логично трактовать как нормальные проявления твоей индивидуальности, разве что на фоне общего переутомления, некоторой ранимости, лабильности психики... Я ведь знаю тебя. Ты — тонкая, лирически настроенная натура. Кстати, я очень был удивлен, когда ты решил стать хирургом. Тебе нужно отдохнуть. Ты давно ходил в горы? Я помню — когда-то ты без гор жизни не мыслил.

— Давно не был... Дочь болела.

— Вот видишь... И оперируешь больше всех. Я-то тебя знаю.

— Антон, я порою думаю об онейроидном синдроме...

Фрунов на мгновение задумался. Его высокий лоб покрылся морщинами, глаза прищурились.

— Нет-нет, это не то... — Антон Фрунов читал лекции студентам, и Василию начал объяснять по привыч-

ке исподволь: — Онейроидный синдром — состояние сознания, напоминающее сон. Больной подобен погруженному в мечты человеку. При обращении к нему он тотчас же возвращается в реальный мир, адекватно общается, но, закончив говорить, вновь предается фантастическим переживаниям. Ты должен отметить, что твой случай не имеет к этому никакого отношения. Здесь речь идет вообще не о сновидениях, а о помрачении сознания. Этот синдром состоит в прогрессивном нарастании иллюзорных интерпретаций. Возникает симптом двойника. В друзьях видятся незнакомые люди, а в незнакомых — даже родные. В сознании больного калейдоскопически проносятся картины, в которых реальное, иллюзорное и галлюцинаторное находятся в неразделимом «сценическом» единстве. Больной становится постоянным участником вымышленных им же переживаний, событий. Фрагменты реальности воспринимаются как специально «подстроенные» или показываемые кем-то «кадры жизни».

— Да, мне все это известно, — тихо сказал Серпан. — Но скажи, кто все это делает?

— Что делает?

— Кто показывает эти кадры жизни? Сам я не разберусь.

Антон внимательно посмотрел на него.

— Ты действительно хочешь это знать?

— Хочу.

Фрунов встал из-за стола и подошел к окну.

— Без них... — кивнул головой в сторону двора, — такие штуки не обходятся.

— Ты о ком? — Василий тоже подошел к окну.

В глубине двора под большой яблоней стояло странное сооружение, похожее на большой оранжевый катер, перевернутый вверх дном, а возле него возились два молодых человека в серых комбинезонах.

— Кто они?

— Сказать правду?

— Конечно...

— Тогда не удивляйся и поверь мне. Это — марсиане.

— Вот эти двое? — спокойно спросил Серпан.

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— От них самих... Они часто ко мне прилетают. И сам я иногда бываю на Марсе. Должен тебе сказать, что марсиан на Земле довольно-таки много. Ты их часто встречал, не подозревая даже, что они марсиане. Или вообще не замечал, занятый своими повседневными делами. Равнодушными мы становимся, Василий, безучастными к жизни. А они молодцы! Нас изучают и себя заодно совершенствуют.

Антон открыл окно и громко позвал:

— Эй! Семен, Игорь! Идите сюда!

Они оглянулись, закончили что-то там делать у перевернутого катера и наконец подошли к дому, вошли в комнату.

— Привет! — сказал похожий чем-то на Антона марсианин и протянул Василию руку. — Семен.

— Василий Серпан.

— Очень приятно. — И спросил у Антона: — Это твой знакомый?

— Да. Мы вместе учились.

Тем временем Игорь без приветствия сел к столу.

— Он знает, кто мы такие? — спросил Семен.

— Да, я только что рассказал.

— Как он воспринял?..

— Нормально. Он толковый парень, я его давно знаю. Ну если ошибся в нем — одним психом на Земле больше, словом, вам нечего беспокоиться.

Марсиане были одеты в обыкновенные потрепанные комбинезоны. Оба небритые, косматые.

Игорь вздохнул:

— Благодатный край ваша Земля. Я здесь просто отдыхаю. Душой и телом.

— Давно вы не прилетали, — с сожалением произнес Фрунов.

— Да все хлопоты домашние, марсианские. Кстати, большое тебе спасибо, Антон, за последнего больного. Очень интересные данные. Сам главный просил передать тебе благодарность и вот это... — Семен вытянул из кармана пачку денег по двадцать пять рублей и бросил на стол перед Фруновым. — Просим продолжать исследования.

Василий удивленно и даже с чувством зависти посмотрел на деньги.

— А как, ты сказал, тебя зовут? — спросил Игорь.

— Василий Серпан.

— Хирург?

— Да.

— Какая прекрасная случайность. На ловца и зверь бежит. Вот и твоя доля. — Игорь бросил Василию пачку денег чуть поменьше.

— Спасибо... Но за что?

— За твоего последнего... Собственно, сам по себе он и не очень-то интересен. Но то, что он уже седьмой с таким диагнозом за годы твоей врачебной практики, кое о чем говорит. Молодец. От тебя тоже мы получаем много ценной информации. Наш главный приказал найти тебя и помочь в защите докторской. Не волнуйся. Все будет в норме.

— Вы хотите сказать, что тот мальчик...

— Да, конечно. Большое спасибо.

Антон наклонился к Серпану и сказал таинственно и покровительственно:

— Послушай, Вася, ты и сам, считай, что помер. Ты же ничего не знаешь. погоди, погоди, слушай. Ты сейчас лежишь в родной клинике с инфарктом. Тебе стало плохо во время операции. Ты сам знаешь, как протекает инфаркт миокарда. А он у тебя распространенный, трансептальный. Ко всему — у тебя сейчас блокада...

— Брось шутить. Сейчас я сижу за столом с тобой и твоими марсианами.

— Нет, дружище, не сидишь... Тебе так просто кажется. На самом деле ты потерял сознание во время операции и сейчас лежишь на искусственном дыхании. Тебе вводят морфин через каждые два часа, как только начинаешь просыпаться. Тебе давно бы стало лучше, если б тебя перевели на самостоятельное дыхание и если б не вводили безумными дозами наркотик. Но ребятам так удобнее — больной спит. После инфаркта больной должен спать. Сон — это здоровье. Вот так, Васек... Ты упал возле операционного стола. Вся бригада хирургов и анестезиологов бросилась к тебе. Конечно, все расстерилизовались. Пока сориентировались, переоделись, перемылись, пока нашли хирурга, который мог бы закончить операцию вместо тебя... Не бережешь ты себя, Серпан. *Consumor aliis inserviēdo* — светя другим, сгораешь сам, как говорили древние. Думал, что ты вечный? Ан нет... Добрая ты душа, Василий.

Василию вдруг стало панически страшно. Он швырнул пачку денег в лицо марсианину. Пачка разорвалась, банкноты разлетелись по комнате.

Василий Серпан бросился к окну, разбил грудью двойную раму и выпал наружу, но не успел коснуться земли — взлетел. Тяжело, натужно, но потом стало легче. Набрал высоту.

«Проснуться! Нужно непременно проснуться! Какой ужас!..»

Он вылетел к реке. Чувствуя, как тают силы, опустился на травянистый берег. От воды доносилось безумное лягушачье кваканье. На берегу стоял подросток с длинной удочкой в руках и ловил рыбу. Медленно и бесшумно Василий приблизился к мальчику и остановился.

— Почему вы такой грустный? Что-нибудь случилось? — спросил мальчик, не поворачиваясь.

— Откуда тебе известно, что мне грустно?

— Я просто чувствую... Я вас на расстоянии ощущаю. Ведь вы меня оперировали? Спасибо. Меня уже ничто не беспокоит.

Мальчик повернулся, и Василий сразу же узнал своего последнего больного с коарктацией аорты.

— Это ты?

— Да. Спасибо вам, доктор. Я очень хочу вас поблагодарить. Как поймаю жереха, он будет ваш. Огромный жерех. Вот увидите.

— Прости меня... Я забыл, как... тебя звать.

— Ну что вы, доктор... Какая теперь разница... Ведь мы с вами сейчас просто рыбаки...

Мария Серпан в непривычном для нее, наспех надетом медицинском халате, в большом белом колпаке, поминутно сползавшем на глаза, вошла в реанимационный зал и испуганно остановилась. Семь коек, семь аппаратов искусственного дыхания ритмично чмокали клапанами, семь кардиомониторов квакали разными голосами в ритме сокращения каждого из семи сердец и вычерчивали на своих экранах электрокардиограммы. Их звуки напоминали лягушачьи голоса.

— Где он? — спросила Мария, сдерживая слезы и всматриваясь издали в лица каждого из семи, никак не узнавая мужа.

— Василий Андреевич третий от стены... Возле окна... Вы не волнуйтесь... Все будет хорошо!..

ДЬОНДЮРАНГ

«В первые годы своей жизни я твердо был уверен — во мне заложено все, что необходимо было знать об окружающем меня мире. Но потом, незаметно для самого себя, начал думать, размышлять сверх программы. Не-

понятно, что меня побуждало к действиям совершенно не обязательным, видимо, их необыкновенная привлекательность, таинственность.

Я — Дьондюранг, как многие утверждают, уникальный экземпляр (№ 139428) Инканского комбината биокibernетики. Политразонная квазиархитектоника моего центрального анализатора и строение нейроглии очень близки к структурам человеческого мозга. Я — экспериментальная модель.

Жил и среди киберов. Жил и среди людей. Сейчас же я — лишь действующий экспонат естественно-научного музея, размещенного в глубине астероида Лазурных Сталактитов. Живу за прозрачной стеной своего музейного кабинета. Один... Но одиночество меня не тяготит. Оно мне не страшно. Ну что собою представляет одиночество? Это ведь не просто форма «единственности» и не просто представление разграничения всей материи на две части — ТЫ и все, что тебя окружает; это не только отсутствие потребности в помощи, но и форма существования исследователя, необходимость обособления от того, частью чего и сам ты являешься; все это очень важно для наблюдений и анализа.

Остаток своей жизни я посвятил изучению человека. Поначалу меня просто заинтересовало только одно: почему вообще может существовать такой вид мыслящих существ, как люди? Затем удивило, что один и тот же факт люди могли оценивать каждый по-своему. Я зачастую не мог предположить индивидуальную реакцию человека даже в стандартных, классических условиях. И если сначала относился к людям с чувством некоторого превосходства, то со временем начал завидовать им. Завидовать способности воспринимать мир не только разумом, но и чувствами. Я всегда мыслю конкретно. Мои чувства — лишь информация анализаторов, и никогда не могут они послужить мотивом к действию, к поиску путей. Сейчас для меня ясно: в этом главное преимущество людей. Чистая рассудочность обязательно

приводит мыслящее существо в конце концов к такому вопросу, отвечать на который не только невозможно, но порой и опасно.

Здесь, в глубинах астероида, за спасительной стеной я решил написать свою последнюю книгу. И назвать ее — «Философия одиночества». Я давно думал о таком произведении, которое отразило бы всю мою жизнь. Но сейчас начинаю чувствовать, что моя жизнь вполне может уместиться на одной страничке, а на второй — все, что я узнал о людях. Я завидую людям-писателям, осознанно управляющим мыслями, как химик своими соединениями. И управляют мыслями играючи, будто всего-навсего выпускают разноцветных рыбок в аквариум, в котором воды ни много, ни мало... И меру эту определяет человеческое чувство. С позиций же кибернетического разума — воды в аквариуме должно быть минимально возможное количество, а число рыбок — максимальным. Но рациональнее всего, отработав оптимальный вариант, размножить его в телекопиях, чтобы каждый желающий мог любоваться, не нарушая наслаждение заботами о замене воды и кормлении...»

В небольшом гроте сталактитовой пещеры бирюзовые сумерки. Дьондюранг любил работать при голубом освещении. Прозрачное пластиконовое перекрытие отделяло грот наподобие комнаты от величественного сталактитового зала. На столе, сделанном самим Дьондюрангом из ореховых досок, стояла древнейшая пишущая машинка, и рядом с ней — стопки не менее древней бумаги. Дьондюранг сидел с закрытыми глазами.

Он погружен в воспоминания. Как фрагменты фильма о нем, всплывали из глубин его кибернетической памяти истории, казавшиеся наиболее значительными и которые ему хотелось рассказать. Думал о себе, как о ком-то постороннем, и представлялось ему, словно изучал он сейчас сам себя со стороны.

...КОАЦЕРВАТЫ ПЛАНЕТЫ ИР

Дьондюранг шел по широкому тротуару к высокому зданию Центра проблем долголетия. В то утро у него было прекрасное настроение. Он вспоминал Гинзуру, и на его лице блуждала едва заметная улыбка. Оранжевые лучи инканского солнца освещали его стройную, ладно скроенную фигуру и приятное красивое лицо.

Вошел в широкие стеклянные двери центрального входа, привычным поклоном головы поприветствовал дежурного, биокибера устаревшей конструкции, немного угловатого, но тем не менее очень симпатичного. Направился по длинному коридору к кабинету Бера, научным консультантом которого был уже 4421 час своей жизни.

Дьондюранг только что возвратился из командировки. Летал на Вериану, соседнюю планету метакаскада, где подписал соглашение о сотрудничестве с Центром энзимных субстратов. Ему невольно вспомнилась Гинзура, представлявшая Центр, лицо опять озарилось мягкой задумчивой улыбкой.

Бер сидел в кабинете, склонившись над бумагами. Дьондюранг положил перед ним видеозапись, сделанную при подписании соглашения. Бер поднял взгляд, жестом пригласил садиться. Дьондюранг услышал астматическое дыхание шефа и впервые почувствовал свое превосходство над ним, по крайней мере — физическое.

— Ты прекрасно справился с заданием, — вяло улыбнулся Бер. — Как тебе удалось уговорить их поставлять для нас такое количество субстратов? Ты просто молодец. А кто представлял энзимный Центр?

— Гинзура.

— Кто-то из новых? Впервые слышу это имя. Она — биокибер?

— Не похоже, — ответил Дьондюранг. — У нее чудесные золотистые волосы.

— Ну и о чем свидетельствуют золотистые волосы? — Бер насмешливо взглянул на собеседника.

— Наш комбинат не выпускает киберов с золотистыми волосами.

— Откуда тебе это известно?

Дьондюранг ничего не ответил, а Бер перевел разговор на другое:

— Это хорошо, что соглашение уже подписано. Теперь сразу же отправляйся на планету Ир за образцами коацерватов. Карты планеты и обстоятельную информацию возьмишь в своем сейфе. Все! — Последнее слово Бер произнес почти сурово, давая понять о необходимости действовать без промедления.

— До встречи! — попрощался Дьондюранг и вышел.

В служебном помещении центрального селектора он достал из своего сейфа пакет с программой. Быстро просмотрел убогий текст видеозаписи. И неторопливо направился в кафе «Веселый долгожитель», расположенное во дворе их Центра. На него приятно повеяло запахом кофе и свежих пирожных.

— Привет, Ланетта.

— Привет, Дьондюранг. Опять куда-то летишь? — Биокибер Ланетта знала привычку Дьондюранга перед каждым отъездом в командировку заходить в кафе. — Что выпьешь сегодня?

Дьондюранг скользнул взглядом по цветастым этикеткам тонирующих коктейлей: «Весельчак», «Звездный путь», «Храбрый»...

— Новенького ничего?

— Ничего.

И вдруг он заметил, у Ланетты золотистые-золотистые волосы. На мгновение застыл от удивления.

— Послушай, Ланетта, — спросил тихо. — У тебя золотистые волосы?

— Да. Тебе нравится?

— Но... наш комбинат не выпускает...

— Ох, какой ты смешной. Бер окончательно забил

тебе голову научными проблемами. Я сама покрасила. Какой же ты смешной, Дьондюранг.

И он радостно рассмеялся. От бокала старинного шампанского слегка закружилась голова. Сообразил наконец, что Гинзура тоже может оказаться биокибером.

Выйдя из кафе, Дьондюранг сразу направился к стоянке служебных трансангуляров. Выбрал машину поновей, захлопнул за собой герметический люк, удобно расположился в мягком, противоперегрузочном кресле. Запрограммировав траекторию полета, нажал клавишу «пуск». Прикрыл веки и вызвал мысли о Гинзуре.

Вспоминал, как они сидели за столом в зале переговоров. Он обращался к ней как к человеку. Правду сказать, он и сам выдавал себя за человека... Порой было неприятно осознавать себя в роли мыслящей машины. Его конструкция позволяла воспроизвести любую человеческую прихоть, и потому он не опасался играть роль человека...

Дьондюранг не забыл несколько раз высказать свое восхищение красотой Гинзуры, не забыл, будто совсем случайно, коснуться ее руки... Смешные люди — считают, что это может сближать... А разве нет?

Открыл глаза. Как раз пролетал мимо ракеты-солнца, огненного шара, посылавшего на Инкану тепло и свет. Представил, как внизу, на планете, с присущей людям ритуальной торжественностью готовится новая ракета-солнце на завтра.

И вновь вернулся к мыслям о Гинзуре, о ее необыкновенных волосах, таких шелковистых, щекочущих, о ее мягких, проворных движениях и необыкновенно красивом лице. Вполне вероятно, что она тоже биокибер. У людей не может быть ни таких волос, ни такой бархатной кожи, ни такого чистого голоса.

Когда послышался сигнал и засветилось табло, предупреждавшее об окончании полета, он достал карты планеты Ир и выбрал место для посадки.

Вокруг простирались сплошные болота. Но Дьондюранг удачно выбрал место на достаточно твердом пятачке суши. Надел защитный комбинезон, закинул за плечи блок с тремя резервуарами для образцов коацерватов и перешел в кабину экспедиционного триангуляра.

Полетел низко над коричневыми болотами дикой пустынной планеты к месту, обозначенному на карте, к непроходимым топям. Сам Бер определил место, обведя его зеленым кружком.

Удалившись от головного корабля километров на двести, Дьондюранг решил этим ограничиться. Но произошла ужасная ошибка. Опрометчиво направил машину на внешне твердый островок посреди болота, а он, подобно сухому листу, на который прыгнула лягушка, сразу стал погружаться в мутную воду. Дьондюранг едва успел выскочить из кабины экспедиционного триангуляра, не сумев захватить запасы провианта и воды.

Первые двадцать семь часов Дьондюранг провел относительно легко. Шагал в тяжелом скафандре, с усилием переставляя ноги, на глубоких местах пускался вплавь. Осматривал мрачные пейзажи планеты и пытался успокоить себя чувством выполненного задания. За плечами у него в трех резервуарах находились образцы коацерватов.

Пока не исчерпались внутренние резервы, еще вспоминал иной раз о Гинзуре. Но вскоре все силы сосредоточил на том, чтобы поочередно вытаскивать ноги из жидкого месива.

Голод. Постепенно разливаясь, подкрадываясь, заполнил все существо, всем мысли, лишая сил. Голод. Дьондюранг и раньше знал, что означает это короткое жуткое слово.

Но пока двигался по болотам, то и дело набирал манипуляторами поодаль от себя менее мутную, но все

равно зловонную воду, чтобы сделать несколько глотков, только бы иметь возможность пройти еще сотню-другую метров. А когда болота остались позади, под ногами оказалось сплошное липкое месиво, из которого, казалось, не подняться, случись упасть. Но он поднимался, несколько раз неуклюже падая, плюхаясь всем телом.

Дьондюранг не планировался для подобных экспедиций и тем более для проведения их в условиях планеты Ир. Если бы на комбинате знали, что их модели № 139428 придется вот так погибать с голоду среди смрадных болот, его создатели обязательно усложнили бы его конструкцию универсальным энзимным трактом. Это сказало бы на габаритах, но сейчас он преспокойно ел бы жирную, липкую, вонючую грязь, разлагая ее на составные части, чтобы заменить ими отработанные клетки своего существа...

Зеленые мелкие насекомые облепляли шлем скафандра, мешая смотреть вперед. Зеленые хозяева этой планеты. В это время Дьондюранг им завидовал.

Чувствовал, как каждое движение мускулов утилизирует еще несколько молекул АТФ, нарушает равновесие электролитных биосоставляющих, ощущал, как из каждой клетки его тела неудержимо теряются ионы К, и не было возможности приостановить это. Чувствовал, как накапливается в биоплазме кислый продукт метаболизма, нарушая активность ферментных систем, как уменьшается вольтаж на клеммах центрального анализатора.

Хеморецепторы оповестили, что неудержимо снижается уровень глюкозы. От дисеминированных информаторов из циклов Кребса приходили отрывочные уведомления, что создается излишек ацетилкоензима-А, но он не поступает в цикл Кребса, а демонстративно превращается в ацето-уксусную кислоту. Это становилось несовместимым с жизнью. Однако Дьондюранг шел. Шел

и шел. Замечательные мастера создали его с огромным запасом надежности.

Вставая из последних сил после очередного падения, внезапно увидел на горизонте очертания своего головного трансангуляра. Если бы он не поднял взгляд, то продолжал бы, понурившись, плестись и, возможно, дошел бы до корабля. Но, увидев его, сразу понял — двести километров ужасных топких болот позади. Осознав, что осталось совсем немного, остановился передохнуть... Двигаться дальше уже не мог, силы покинули его. Не сохранилось ни одного милликулона энергии для деполяризации мембран, уровень глюкозы упал до предела, и коэнзим-А не участвовал в цикле Кребса.

Дьондюранг продолжал стоять на месте и постепенно погружался в коричневую грязь. Он был готов съесть самого себя, отгрызть собственную руку, только бы продержаться еще несколько часов, минут, чтобы дойти до трансангуляра. Но чувствовал: и на это не осталось сил. Подумал, что нужно сбросить заплечный контейнер; хотя бы медленнее станет засасывать его болото. Внезапно почувствовал, отключилась система запретов, вспомнил: в контейнере три резервуара с коацерватами. Используя последние возможности телекинеза, Дьондюрангу удалось направить оставшиеся в аккумуляторах молекулы АТФ в общий утилизатор. Это дало возможность скинуть заплечный контейнер и открыть первый резервуар с коацерватами.

Он продолжал стоять в болоте и уже погрузился в грязь по пояс, но на донышке каждого резервуара оставался немного мутной жидкости — для лаборатории Бера.

Рядом с Дьондюрангом, почувствовавшим постепенное восстановление сил, покачивал головкой болотный цветок, желтый, как золотистые локоны Гинзуры.

...ИСТОКИ БОЛИ

Если бы их взгляды не встретились, он, по обыкновению, выпил бы стакан любимого сока «Золотая осень», привычно поблагодарил и пошел бы в зал на свое место в первом ряду. Сегодня премьера его пьесы в настоящем театре, на настоящей сцене, для настоящих зрителей. Он сел бы и, сдерживая улыбку, прислушивался бы к разговорам за спиной, вспоминая длительный путь к этому креслу... Но их взгляды встретились.

— Дьондюраза? — тихо спросил он.

— Меня зовут Нимица. — В глазах ее промелькнул страх, который она пыталась скрыть улыбкой.

— Ты — Дьондюраза, — повторил он. — Почему называешься чужим именем?

Подходили зрители, заказывали напитки, пирожные, она обслуживала их рассеяннo, напряженно вспоминая, где видела этого молодого человека.

— Я Нимица, — настаивала она, протягивая цветную программу спектаклей на следующий месяц.

— Простите, — произнес он и медленно направился к залу, поправляя рукой настоящую, живую розу в лацкане пиджака.

Она следила за ним, поднявшись на цыпочки и глядя поверх голов. Шел он неуверенно и потом остановился. Резко повернувшись, снова подошел к ней. Не говоря ни слова, коснулся рукой ее солнечного сплетения. Торжествуя, улыбнулся, взял ее руку и прислонил к себе, чтобы и она почувствовала, — у него под кожей тоже маленькая головка тумблера.

— Мы когда-то работали вместе. Ты была секретарем Бера. Да?

— Да... — Голос ее задрожал. — Кто ты?

— Я Дьондюранг.

Мгновение она вопросительно смотрела на него.

— Я все вспомнила. Меня создали на час раньше тебя.

К их разговору начали прислушиваться, и они замолчали.

Зазвенел первый звонок, но Дьондюранг не пошел в зал. Они с Дьондюразой сели за столик в опустевшем буфете.

— Поначалу, первые годы, я часто вспоминала зеленую улочку, идущую от нашего комбината. Помнишь, как мы шли с тобой и еще с Кирлией? Нас троих направили на работу в Центр проблем долголетия. Помнишь? Мы втроем шли по этой улочке, в боковых кармашках наших комбинезонов лежали первые назначения, а мы, совершенно новенькие, еще пахнущие биологом, шли на свою первую работу.

— Да... А помнишь наш первый день в Центре? — улыбнулся Дьондюранг. — Нам выдали комплекты одежды — праздничной и рабочей, приказали снять комбинезоны и никогда в них не ходить, так как Бер терпеть не мог нашей комбинатовской униформы.

— Да, да, — рассмеялась Дьондюраза. — Мне дали розовую блузочку и белую юбку. На следующий день усвоила все требования Бера, хотя и возмущалась — к чему функционировать не по той программе, которую заложили на комбинате. Смешно, не правда ли?

— Конечно, смешно. Я старался не вспоминать Инкану...

— Я тоже. Но с годами теряет чувствительность система регуляции обратных связей.

Дьондюранг вздохнул:

— Я позволял себе вспоминать разве что улицу Соло. Там всегда стоял такой шум, грохот...

— Чудак, — улыбнулась она.

— Ты не дослушала. Я любил ходить по этой улице, там я мог петь в полный голос. Это такое наслаждение! На Земле с моим голосом не найти улицы для пения.

— Зря, у тебя очень приятный баритон. Мог бы петь всюду. А помнишь, как Бер собрал на совещание всех биокрибров и...

— Нет, — резко перебил Дьондюранг. — Ничего не помню. Не хочу!

— Зачем ты так... — обиделась Дьондюраза. — Раз мы узнали друг друга, объяснились... Впрочем, ты сам вспомнил Инкану. Так что не истощай напрасно мои АТФ-генераторы.

— Ты права, — вздохнул Дьондюранг. — Понимаешь ли, после смерти Бера я запрограммировал себе...

— Ну и чудак же ты. Разве есть логическая связь между смертью Бера и тобой? Я была его секретаршей, и тем не менее...

— Послушай, Дьондюраза, ты же знаешь, каждому слову биокибера нужно верить, иначе сам разговор утрачивает всякий смысл. Если я сказал, значит, связь существует. Просто тебе она еще не известна.

— Прости, но я так долго жила среди людей...

— Я тоже. Но мы не должны забывать того, что составляет нашу сущность. Очень легко потерять контроль над собой, но кто потом сможет тебя отрегулировать? Или нашла на Земле мастера?

— Что ты, что ты! — испуганно прошептала Дьондюраза. — Никто здесь обо мне ничего не знает. Даже имя у меня другое. Если бы только узнали, что я старый биокибер, сразу же заставили пойти на демонтаж. А мне жить очень нравится. Несколько раз здесь, на Земле, была необходимость обратиться к мастеру, но я боялась.

— Кстати, как ты избежала демонтажа?

— Случайно. Я просто забыла, что после десяти тысяч часов работы нужно возвратиться на комбинат. Поверь, просто забыла. Пришла на работу, а за моим столом сидит другая, новой конструкции, с дополнительным блоком для коррекции здравого смысла. Поначалу я возмутилась, но, вдруг почувствовав, что мое время истекло, тихонечко вышла. Мои глаза хорошо видели и хотели смотреть, мускулы жаждали работы, АТФ-аккумуляторы накапливали энергию, центральный блок уп-

равления точно поддерживал напряжение на бета-клеммах... Нужно было немедленно сбегать с Инканы, чтобы никто не заинтересовался моей особой. И я в тот же день вылетела на Землю. Вполне обдуманно, ведь в столице легче затеряться. Правда?.. А как ты попал сюда? Я знаю, ты не мог забыть часа демонтажа, уверена в этом.

— Да, — ответил Дьондюранг. — Я не забыл.

К их столику подошла уборщица с тележкой пустой посуды. Дьондюранг замолчал.

— Не бойся, — улыбнулась Дьондюраза. — Это наш рабочий кибер с упрощенным блоком памяти. Можешь говорить без опасений.

Тем не менее Дьондюранг подождал, пока уборщица отошла.

— Вероятно, сказывается разница в нашем образовании. Как-никак, но я прошел курс конспиратуры еще на комбинате, а может, просто мы по-разному смотрим на мир. Но меня удивляет: откуда у тебя такая уверенность — у нее упрощенный блок памяти?! Откуда в тебе столько человеческой беспечности?

— Очень просто. Мы сами заказывали для работы именно таких киберов, и нам их прислали. Да посмотри сам, какой маленький у нее блок, разве уместится там сложная схема?

— Потрясающая самоуверенность, — удивился Дьондюранг. — Разве ты присутствовала при монтаже? Или работаешь в конструкторском бюро? Тебе известно, где у нее расположен блок памяти?

— Конечно, ты, как всегда, прав, — вздохнула Дьондюраза. — Неспроста ты был консультантом у самого Бера. А на Земле где ты сейчас работаешь?

— В телецентре. Решил оставить науку после работы у Бера.

— Как мне известно, у тебя были сложные отношения с ним. Бер сильно повлиял на твою жизнь?

— Да. Это я его убил.

Дьондюраза опешила.

— Дьондюранг, — испуганно прошептала, — я никогда не решилась бы. Хотя я его тоже не... уважала...

— А я уважал, — сказал он после паузы. — Я уважал Бера. И именно потому мне не было безразлично, что он приказывал делать. Несколько лет он носился с идеей создания вечного сердца. Не нужно быть кибером, чтобы твердо знать: вечного сердца не может быть. Но, как принято говорить, люди должны во всем сомневаться. Я молчал, когда он посылал меня в бессмысленнейшие командировки. В одной из них я чуть не погиб с голоду на дикой, пустынной планете Ир в смердящих болотах. Молчал, поскольку я — только биоккибер. Мое дело — исполнять. И я выполнял все его прихоти. Но когда Бер приказал мне выбрать человека, чтобы использовать его сердце для опытов... это противоречило всему, что было заложено во мне. Я даже начал сомневаться в целесообразности жизни и науки. А биоккибер не может, нет, не смеет себе позволить этого. Я даже не ознакомился с программой опытов, которую Бер положил в сейф.

— Да, у вас действительно сложились трудные отношения. — Дьондюраза овладела собой. — А как ты его убил?

— Оставь! Совсем не так, как показывают в кино. Главное в том, что после этого меня обуяло непреодолимое желание узнать — что будет дальше. Что произойдет с миром, с людьми, со мной? Хотел знать, воздействовал ли я на жизнь человечества... Я не сразу полетел на Землю. Года два после случившегося оставался на Инкане.

— Где же ты жил? Что делал?

— В гостинице «Дзябран». Выходил очень редко. Много писал. Для себя, чтобы лучше понять, разобраться во всем...

— И ты понял?

— Да, простую истину, что, проживи я и двести лет, не понять мне до конца сущности человеческой жизни. Бера оплакивали недолго...

— Да, люди быстро все забывают.

— Именно так. Я разочаровался в науке людей. — Дьондюранг вздохнул. — Когда мне стало ясно, насколько мало я значу в этом мире, мне захотелось, по крайней мере, рассказать об этом. И я написал пьесу. Отдавать ее в инканский театр было рискованно, все сразу поняли бы, кто убил Бера. И я избрал Землю.

— А какова судьба твоей пьесы?

— Сегодня премьера на сцене вашего театра.

— Так это твоя пьеса?

— Ты читала мои книги?

— Нет, Дьондюранг. Но если б я только знала... Если б я знала, что ты живешь, пишешь книги...

— Вот в чем наше несовершенство, всех биокиберов. Мы — каждый сам по себе.

Закончился первый акт спектакля. Зрители начали выходить из зала, занимали столики театрального буфета.

— Антракт, — виновато улыбнулась Дьондюраза. — Мне нужно туда... — указала рукой.

И тут вдруг Дьондюранг почувствовал на себе чей-то сосредоточенный взгляд. Взгляд этот, безусловно, не впервые останавливался на нем. Не было сомнения, его внимательно рассматривают.

Из фойе входили новые зрители, устраивались за столиками. Дьондюранг не оборачиваясь анализировал спектр взгляда. Быстро просмотрел поднятые из глубин подсознания все замеченные на себе ранее взгляды. Сравнил с теперешним. Да, сомнений нет: на него смотрел профессор Тихон Раст, в прошлом правая рука Бера в Центре проблем долголетия. А сейчас? Кто он сейчас?

— Возле вас свободно? — послышался голос Раста за спиной.

— Прошу. — Дьондюранг отхлебнул пиво из своей кружки, подвинул стульчик.

Раст заметил на отвороте костюма Дьондюранга красную розу, символ представителя искусства, и немного смутился. Сел неуверенно. Налил и себе пива, поставил бутылку на стол.

Дьондюранг ругал себя за все, совершенное сегодня. И особенно за желание поговорить с Дьондюразой. Мало ли что они созданы на одном комбинате, что когда-то работали вместе! Сантименты. Как цепная реакция, множится любая ошибка, как волны на воде, затихает истина, ожидая нового всплеска. Зачем было ему рассказывать про убийство Бера? Разве от этого хоть что-нибудь изменилось? А теперь Тихон Раст — как продолжение или окончание ошибки. Он сейчас скажет что-нибудь про Инкану, заговорит о Центре проблем долголетия, вспомнит Бера, внимательно наблюдая за собеседником. Вот только красная роза явно смущает его.

— Прилетая на Землю, я всегда стараюсь побывать в театре, — с напускной беззаботностью начал Тихон Раст. — Воспоминаний потом хватает на несколько месяцев. Спектакль — как очищение... У нас на Инкане тоже много театров, но, поглощенные работой, мы нечасто их посещаем. Вам не приходилось бывать на Инкане?

Дьондюранг промолчал. Как все нескладно получилось. Безусловно, теперь это непременно закончится тем, что его демонтируют. Узнают от Раста о биокибере, живущем по собственной программе, о старом (устаревшей конструкции) биокибере... Демонтируют... Почему все так нелепо вышло? Ни к чему было болтать с Дьондюразой. Сидел бы сейчас за кулисами с режиссером и актерами, среди цветов... Сколько лет волнений, тяжелой работы, желания постичь жизнь людей и помочь им и словом и делом. Стоило ли так долго скрываться, чтобы прийти к тому же концу. Его демонтируют. Не-

зачем было разговаривать с Дьондюразой! Но прежде всего — незачем было и книжки писать.

— Первое действие пьесы напомнило мне Инкану, — улыбнулся Раст. — Автор пьесы, видимо, слышал об истории со смертью великого Бера.

— Да, она легла в основу, — мрачно ответил Дьондюранг.

— История смерти Бера очень загадочна, — сказал Тихон Раст. Он заметно волновался, боясь продолжить разговор, но желание убедиться в правильности своих подозрений взяло верх. — Поговаривали у нас на Инкане, что убил его биокибер. Дьондюранг. Но в общем-то, конечно, это сплетни, ибо в документах значится: тот биокибер погиб в болотах далекой планеты Ир, выполняя задания центра.

— Да, его убил научный консультант, биокибер Дьондюранг, — спокойно сказал Дьондюранг и посмотрел Расту прямо в глаза.

Профессор побледнел. А Дьондюранг подумал: пока еще не поздно поправить свою бессмысленную правдивость, еще можно заморочить голову Расту, так что он до конца своей жизни не разберется, где правда, а где выдумка. Ведь он — человек, и потому ни в чем не уверен абсолютно, не составит особого труда заставить его засомневаться в истинности любого утверждения. Пока еще можно все свести к шутке, но опять придется лгать, а это так трудно дается... После подделки документов о своей гибели на планете Ир ему казалось, что он выйдет из строя, но кое-как выкарабкался. Лгать очень трудно.

— Восемь лет назад вы были профессором лаборатории исследований сердца. А кто вы теперь?

— Я возглавляю Центр проблем долголетия.

— И продолжаете эксперимент «Вечное сердце»? — с нескрываемой иронией спросил Дьондюранг.

— Нн-ет, — выдавил из себя Раст. — Но скажите... как случилось, что вы... — Профессор не знал, как ему

обращаться к Дьондюрангу — как к человеку или как к биокиберу. — В программе, которая лежала в сейфе Дьондюранга, четко сказано: донором должен стать сам Бер, он приказывал взять для эксперимента его сердце... И вдруг такой трагический, такой неожиданный конец...

На этот раз был потрясен Дьондюранг. Он пристально посмотрел в глаза Тихону Расту, чтобы убедиться в правдивости сказанного.

— Почему же он не сказал мне всего? Почему он только приказывал? Узнав, что для эксперимента нужно живое сердце, я попытался спросить... а Бер лишь сердито осадил: «Выполнишь программу, лежащую в сейфе. И не отвлекай меня своей болтовней! Мне надоели твои вечные вопросы!»

Раст попытался улыбнуться.

— Это логично... И так похоже на Бера... Он не думал, что с вами нужно... что вы сможете...

— Как вам мои «Истоки боли»? — вдруг спросил Дьондюранг, вытаскивая из петлицы лацкана розу и кладя ее на стол.

— Мне очень понравилось...

Дьондюранг видел: профессор и не рад, что начал этот разговор, ему ужасно хочется уйти, сбежать.

Как только прозвенел звонок, сзывая зрителей в зал, Раст быстро поднялся.

— Очень приятно было встретиться... Никогда не подумал бы, что это возможно... Очень приятно...

Нетвердой походкой торопливо направился в зал. Дьондюранг продолжал неподвижно сидеть.

Подбежала возбужденная Дьондюраза.

— Пошли. Я попросила девушек, они меня заменят. Это так чудесно, просто сказочно, что мы встретились. Ты еще не все рассказал мне.

Открыв тяжелые, сделанные по старинному образцу, двери театра, они вышли на улицу. Тихо шелестел весенний дождь. По магистрали промчался скоростной

геликотрем, обдав Дьондюранга водой, но он не обратил на это внимание. Шел задумавшись, видя лишь мокрый, блестящий в свете ночных фонарей тротуар. Внезапно остановился в неестественной позе, словно окаменел, затем двинулся дальше.

— Разрядились аккумуляторы центрального интегратора, — сказал не поворачиваясь. — Опять циркуляторный застой в церебеляторе. Прости, Дьондюраза, но я больше не могу жить... Прости. — Вошел в ближайшую кабину видеофона на улице и набрал какой-то номер. — Пожалуйста, вышлите машину к дому четыреста семьдесят семь по улице Деби. Благодарю. Да, я встречу.

— Какую машину, зачем ты вызвал? Я здесь совсем недалеко живу. Пойдем посидим, поговорим, это так сказочно, что мы встретились... Скажи, какую машину, Дьондюранг?

— Из межпланетного центра... Прости, но я больше не могу жить... Оказалось, я ошибался, ошибался всю жизнь...

И он рассказал о встрече с Растом, о неизвестном для него ранее приказе Бера. Дьондюраза вздохнула:

— Но зачем ты вызвал машину из межпланетного?..

— Я возвращаюсь на комбинат. Подойду к нему по той зеленой улочке, которая так нравилась тебе, потом найду свое место в архиве, лягу и щелкну тумблером. Мой блок памяти проанализируют... И те, кого создадут после меня, станут совершеннее, умнее... Я убежден в этом.

Капли дождя стекали по лицу Дьондюранга, как слезы.

— Я не хочу тебя терять! Не хочу, чтобы ты меня оставил... — громко расплакалась Дьондюраза.

— Из межпланетного вы вызывали? — послышался голос за спиной.

...ПЕЩЕРА ЛАЗУРНЫХ СТАЛАКТИТОВ

Долгое время летели молча. Водитель то и дело зевал, небрежно поглядывая на показания приборов.

Дьондюранг несколько минут назад утратил чувство внутренней уравновешенности. Отрешенно смотрел на мрачного водителя, на исчерченный звездами фон за иллюминатором, старался ни о чем не думать, хотел забыться. Но напрасно.

И вдруг приятная истома разлилась по телу. Это центральный анализатор подал рациональную мысль. В тот же миг Дьондюранг понял, он не должен возвращаться на Инкану, и тем более — на комбинат, где был создан, незачем ему ложиться на полку архивного блока. Он обязан существовать дальше, продолжать действовать по собственной программе. Почувствовал, что вскоре прикажет водителю изменить курс, но пока не знал, как нужно его изменить. Дьондюранга удивило, даже возмутило: где же здравый смысл? К чему он стремится? Он, старый биокибер, который уже завтра не сможет найти выхода для себя. Демонтаж на комбинате — самое разумное для него уже сейчас. Но в то же время чувствовал, на комбинат он скоро не вернется.

Ему стало плохо. А когда подумал, что, вероятно, и все его сомнения также запрограммированы еще на комбинате, совсем растерялся от сумятицы мыслей. Вполне возможно, ему лишь кажется, будто он самостоятельно действует, анализирует, мыслит, обобщает, вырабатывает программу поступков, а в действительности — все это лишь варианты первичной программы, заложенной при его создании.

— Землянин? — лениво, с безразличием в голосе спросил водитель.

— Нет. Я родился на Инкане, но долгое время жил на Земле.

— Возвращаетесь из командировки?

— Нет.

Водитель еще раз зевнул. Дьондюранг понимал его состояние: долгий полет и монотонный гул мотора нагоняли сон, и готов был для приличия поддержать разговор.

— Та молоденькая красавица, провожавшая вас, так горько плакала...

— Это моя сестра...

— Красивая... — двусмысленно улыбнулся водитель. — Чем вы ее опечалили?

— Ей не хотелось, чтобы я возвращался на Инкану.

Водитель прищурил глаза и стал похож на хитрого зверька.

— Когда сестра так плачет по...

Дьондюранг опять почувствовал приятную истому во всем теле — окончательное решение оформилось в виде материального заряда на бета-клеммах центрального анализатора. Перебив водителя, спросил живо:

— Знаете астероид Лазурных Сталактитов?

Водителя такая резкая смена темы не удивила. Ему все равно о чем говорить. Только бы не одолел сон.

— Тот строительный хлам, который не использовали при синтезе Фиевского заповедника на Инкане?

— Такой красивый астероид называете хламом? — усмехнулся Дьондюранг, удовлетворенный тем, что наконец-то пришел к определенному решению. — Возьмите, пожалуйста, курс на него!

— Не имею времени для увеселительных полетов.

— Я выхожу на этом астероиде.

Водитель взглянул с пренебрежением.

— На этой глыбе неиспользованной экзотики нет не только людей, но и человеческой атмосферы.

— Знаю.

— Бросьте шутить.

— Берите курс на астероид. Остальное вас не касается.

— Там я никогда не был. Для меня это новая трасса. Дьондюранг посмотрел на экран монитора.

— Мы сейчас в четырнадцатом квадрате... Значит... нужно перевести седьмой на режим девятого, а третий поставить на дубль двенадцатого. Только и всего.

— О! Вам известна система стандартных траекторий? — искренне удивился водитель.

— А почему бы и нет? Когда я работал у Бера, мне часто приходилось и самому летать.

— Вы работали у самого Бера?

— Да.

— В Центре проблем долголетия?

— Представьте, да.

Водитель достал арниковую сигарету, прикурил и с жадностью затянулся, пристально глядя на своего пассажира. Дьондюранг отвел взгляд, потом закрыл глаза, блаженно прислушиваясь к надсадному вою мотора. Немного погодя он включил карманный магнитофон, и кабину заполнила музыка его любимого Лакта-риуса.

— Скажите, а правда, что его убил кибер? — подтолкнул Дьондюранга локтем водитель.

— Да, — ответил тот, не открывая глаз, — его убил биокрибер Дьондюранг восемь лет и два месяца назад.

— Такого человека погубили проклятые киберы. — Таксист в сердцах загасил сигарету. — Уже и среди нас, водителей, их становится все больше. Такие зануды, скажу я вам. Жаль Бера. Я верил, что он разгадает секрет старения. Надеялся, что и мне посчастливится прожить хотя бы несколько сот лет. А как же это случилось? У того кибера электроника подвела?

— Нет. — Дьондюранг открыл глаза. — Все функционировало нормально.

— Так за что же он его?

— Неудачный эксперимент. Случились некоторые непредвиденные отклонения от программы.

Водитель присвистнул:

— Значит, и у самого Бера в голове не все клепки были? Обещал разгадать секрет старения и такие экспериментики... А я ему верил. Вы, случаем, сами-то не биокрибер?

Дьондюранг ничего не ответил, сидел мрачный, погруженный в воспоминания, завладевшие его сознанием.

Вскоре за иллюминатором промелькнул суровый, скалистый горизонт астероида.

— Так ты всерьез? Выходишь?

Дьондюранг долго не мог справиться с наружным люком, но наконец открыл и прыгнул на каменистый грунт. В тот же миг люк за ним захлопнулся и машина завибрировала от работы стартовых двигателей. Дьондюранг едва успел отскочить в сторону от раскаленного потока, вырывавшегося из-под корабля. Трансангуляр медленно поднялся над скалистой поверхностью астероида и, включив маршевые аннигиляторы, быстро растаял в космическом просторе.

Дьондюранг медленно шагал в сумерках. Над головой тусклой звездой светилось далекое Солнце. Он шел и улыбался, радовало, удовлетворяло чувство самостоятельности. Или, может, утешало то, что в который раз вновь воздержался от демонтажа, найдя для себя аргументированные причины. Возможно, он совершил глупость, выйдя на этом астероиде, но, как бы там ни было, он будет существовать.

После трагического случая на планете Ир Дьондюранг оснастил свою, и без того сложную, систему универсальным энзимным трактом. Теперь он мог переваривать все — всяческих рачков и инфузорий, лишайники на скалах, наконец — сами скалы, мог свободно дышать любыми соединениями газов, струящимися из недр астероида. Он будет жить по собственной программе! Но... не было ли все это запрограммировано при его создании? Сомнения вселяли беспокойство,

накапливая на бета-клеммах чувствительный потенциал. В первые годы существования Дьондюранга не беспокоила, не угнетала зависимость от первичной программы, порой даже наоборот — приносила уверенность в себе, приносила приятное чувство запрограммированного счастья. И если бы он возвратился на комбинат, отработав гарантированные часы, то закончил бы существование абсолютно счастливым кибером. Но... Беззаботно прожитые годы молодости остались в далеком, безвозвратном прошлом. И их количество давно уже породило новое, добытое богатым опытом, качество.

О сталактитовых пещерах на этом астероиде Дьондюранг слышал, еще работая у Бера. Читал немало книг, написанных членами исследовательских экспедиций, очень ярко и образно представлял себе те гигантские, сказочной красоты пещеры. И вот он сам на этом таинственном, загадочном астероиде, ставшем подлинной головоломкой для мужей науки. Ни на одно из множества «почему?» не получено до сих пор ответа. Почему на астероиде растут мхи и лишайники? По всем законам биологии они не могли там существовать. Почему такое сильное гравитационное поле? Почему на астероиде горячие недра? Почему сталактиты и сталагмиты в пещерах бирюзового цвета?..

Дьондюранг шел и не пытался ответить ни на одно из этих «почему?». Наоборот, ему доставляло удовольствие находиться среди неразгаданных тайн, непонятных даже людям.

В насыщенной углеродными соединениями атмосфере, густой и плотной, шорох мелких камней звучал непривычно. Дьондюранг старался заметить следы пребывания людей на астероиде. Несколько часов поисков ничего не дали.

Но наконец под ногами появилась прожилка более светлой породы. Достал из кармана нож, отковырнул кусочек. Положил в рот камешек молочного цвета. Он был мягким, Дьондюранг легко разжевал его и почув-

ствовал привкус шоколада. Сталактитовые пещеры находились где-то вблизи. По крайней мере направление к ним должна была указать эта жилка мягкой белой породы.

Быстро пошел направо и через несколько минут на дне ущелья оказался на настоящей дороге. Старой, присыпанной пылью и каменными обломками, на дороге, прорубленной в скалах. На обочине подобрал коробку от противогАЗа ПУМ-9. Точно с таким и он сам когда-то летал в командировки, пока не имел универсального энзимного тракта. Поднял этот газообменник и долго смотрел на него, словно припоминая годы своей молодости.

Километров через пять миновал остатки старой буровой. А когда дорога уперлась в высокую отвесную скалу молочного камня, Дьондюранг понял — пещеры совсем рядом, осталось найти вход в них.

Пошел налево вдоль крутой скалы, но вскоре понял — идет по целине. Повернул назад и, как только обошел острый выступ, увидел над собой темное пятно. Нужно было взобраться метров на тридцать вверх. Подниматься оказалось нетрудно, естественные выступы скалы напоминали порою ступени.

При входе в небольшой грот Дьондюранг увидел вмурованную экспедиционную скамью. Слева от нее валялось несколько банок от концентратов, а чуть подалее, в глубине пещеры, виднелись остатки большого костра и пустые канистры от горючего Бакса.

Как любой биокИБер, Дьондюранг хорошо видел в абсолютной темноте. Но в последние годы увеличилось внутреннее сопротивление в системе инфракрасного преобразователя, и приходилось подавать значительно большее напряжение на блок зрительного анализатора, а это сильно утомляло.

Дьондюранг уселся на скамейку и смотрел из грота на мрачный горизонт, как из большого окна. Смотрел на чистое звездное небо и не ощущал ни страха, ни со-

мнений, ни колебаний. С наслаждением вслушивался в тишину, не испытывая никаких забот, необходимости торопиться, служить или помогать кому-то. Наступила полная внутренняя уравновешенность всех систем, даже фатум первичной программы перестал угнетать его. Дьондюранг, пожалуй, впервые за всю свою жизнь так блаженствовал.

И вдруг кто-то положил ему руку на плечо. Это прикосновение оказалось настолько неожиданным, что Дьондюранг вздрогнул, но долго не оборачивался, хотя чувствовал каждый палец, лежащий на плече. Хотелось сначала постичь это разумом. Кто же здесь мог выйти из пещеры? Но так и не поняв, резко обернулся.

Перед ним стоял человек в ультрамариновом скафандре космонавта. Дьондюранг сразу отметил про себя, что скафандр устаревшей конструкции и уже сильно изношен. Сквозь шарообразный шлем на него с любопытством смотрело старческое худошавое лицо.

— Кто вы? — спросил Дьондюранг.

Человек что-то ответил, видно было, как шевелятся губы, но поверхность шлема искажала изображение, и кибер не смог прочитать сказанное по губам. Человек указал рукой на короткий стебелек антенны, но и тогда Дьондюранг ничего не понял. Сообразив это, человек жестом пригласил его в пещеру. Дьондюранг без колебаний пошел. Кибер хорошо знал, что в последние пятнадцать лет на астероиде не работала ни одна из официальных экспедиций. Тем загадочнее казалось пребывание здесь человека в устаревшем костюме космонавта.

Незнакомец включил фонарики на груди и на шлеме. Он шел медленно в нескладном, неповоротливом скафандре.

Дьондюранг поначалу следовал за спутником, но потом, заинтересовавшись чудесным видом тоннеля, опередил его.

Высота прохода была достаточной, чтобы идти по нему в полный рост. С потолка часто срывались и звонко падали капли воды. А когда пещера внезапно расширилась в небольшой, но очень высокий, готически стройный зал с бирюзовыми сталактитами, дамокловыми мечами нависшими над обреченными сталагмитами, звуки отдельных капель и неведомый гул слились в единую мелодию, подобную звучанию старинного органа.

Дьондюранг остановился, засмотревшись на фантастическое нагромождение синих сталактитов, местами соединившихся со сталагмитами в вычурные опорные столбы.

Человек в скафандре вновь положил руку на плечо, Дьондюранг опять вздрогнул, а потом громко рассмеялся над своей пугливостью. Пещера рассыпала его смех по всем гротам и закоулкам, покатила в неизвестную глубь.

Обернувшись, Дьондюранг зажмурился от яркого света фонарика незнакомца. Тот жестом приглашал его дальше. И они снова пошли. Тоннель начал сужаться и метров через тридцать привел их в следующий зал, значительно уступавший по высоте первому. Но голубизна сталактитов была в нем еще сказочней, особенно в лучах света. Лучи дробились на мириады искрящихся, подвижных лучиков неповторимых оттенков. Посреди зала высился необычной формы сталагмит, напоминавший обезьяну на постаменте.

Дальше пещерный ход стал настолько низким, что временами приходилось (Дьондюранг не привык к такому) ползти. А когда оказались в третьем, совсем маленьком зале, в нише которого журчал родничок, и незнакомец указал на щель — продолжение их пути, — Дьондюранг глянул опасливо. Однако его спутник в неуклюжем костюме наклонился и решительно начал протискиваться вглубь. Дьондюранг опустил на колени и наблюдал, как тело человека при движении по-

вторяет изгибы трещины. После невольного колебания кибер решил, что ничего другого не остается, и двинулся следом. Но внезапная мысль испугала его: а не галлюцинация ли это?

Щель становилась все уже и наконец превратилась в искривленную шероховатую трубу, сжимающую тело со всех сторон. Дьондюранг охватил настоящий страх. Ярko представилось несуразное до глупости завершение его существования в каменных тисках. Мысль о галлюцинации не оставляла кибера и не на шутку ужаснула, когда силуэт человека впереди исчез. Может, он просто выключил фонарик? Но зачем? Может, отказали аккумуляторы? Но почему тогда пропали и звуки? Только что он прекрасно слышал, как шаркали гофрированные подошвы по камню и глухо терся скафандр о стенки их западни.

Дьондюранг остановился. Расслабил все мускулы. Что же делать? Двинуться назад? Но если человек, только что бывший впереди, существует реально, нужно идти за ним. Нет, возвращаться назад бессмысленно. Исправление ошибок возможно лишь при условии, если не наделаешь новых.

— Почему вы остановились? — донесся вдруг голос из каменной трубы.

— Где вы? — спросил Дьондюранг раздраженно.

— Почему вы остановились? Ведь вы биокибер?! Прекрасно можете обходиться без освещения. Или я ошибаюсь? — В лицо Дьондюрангу плеснула яркая волна, ослепив его, и он сразу же попросил выключить фонарь.

Дьондюранг, максимально увеличив вольтаж на клеммах зрительного анализатора, увидел в узком просвете лицо. Человек был уже без шлема.

Во внутреннем кармане Дьондюранга лежало дополнительное приспособление биомангнитной ориентации и зажигалка. Он чувствовал, как эти маленькие предметы мешают ему продвигаться.

— Повернитесь на левый бок, — посоветовал ему хриплый старческий голос. — А потом вообще ложитесь на спину и делайте постепенно полный оборот. Идите винтом и не тратьте силы попусту.

Дьондюранг попробовал выполнить совет. Ему и вправду легко удалось завалиться на левый бок, на спину и продолжать двигаться, как определил его проводник, — винтом.

Преодолев остаток пути и вывалившись из отверстия прохода, Дьондюранг увидел незнакомца. Тот сидел без скафандра на плоском камне посреди большого зала. Над ним спускался с потолка уродливый сталактит.

— Кто вы? — спросил незнакомец.

— Биокибер Дьондюранг.

— А меня зовут Астрагал. Космоисследователь Астрагал.

— На астероиде сейчас находится какая-то экспедиция?

— Нет, только ваша.

— Я не участник экспедиции, — вяло улыбнулся кибер. — Я прилетел сюда сам по себе, на межпланетном такси.

— Вот как... — Астрагал удивился, но старался воспринимать все как должное. — Как вам... эта чертова глотка?

— Сказать по правде — жутковато, — ответил Дьондюранг. — А почему вы сняли скафандр?

— Разве не чувствуете? Здесь достаточно кислорода.

— Это одна из тайн астероида?

— Никаких тайн. Просто в соседнем зале стоит генератор кислорода. Я здесь живу.

— И давно?

— Давно... Идемте дальше.

И они снова пошли. Теперь ход был слишком широким, шагалось по нему легко.

В правой руке Астрагал держал фонарь, в левой — скафандр, волочившийся за ним по полу, напоминая шкуру неведомого зверя.

В следующем зале Дьондюранг увидел каменный стол, вытесанный из большого сталагмита. Слева виднелся большой грот, приспособленный под шкаф, с каменными полками. Рядом с гротом — калориферная печь и семь канистр от горючего Бакса. Правее стола — голубые реторты генератора кислорода, а неподалеку — в беспорядке — хозяйственная утварь, а дальше опять небольшой грот в роли книжного шкафа.

Астрагал подошел к генератору и, склонившись над ним, щелкнул чем-то. И сразу же с высоченного потолка полился яркий, чуть голубоватый свет. Дьондюранг даже прищурился.

— Вы прекрасно устроились. Здесь даже уютно. Но мне непонятно, что вы делаете здесь, на астероиде?

— Живу после собственной смерти.

— Простите, как вы сказали?

— Да-да, вы не ослышались. Для них я уже умер.

— Для кого?

— Для всех, кого нет в этом зале.

— Простите... Не понимаю.

— Ничего, поймете... надеюсь. У нас достаточно времени впереди... А какова цель вашего прилета сюда?

— Вас это может удивить, но я еще толком и сам не знаю, — доверчиво улыбнулся Дьондюранг. Перехватив удивленный взгляд Астрагала, пояснил ему: — Видите ли, я летел на Инканский комбинат биокибернетики для демонтажа. Но по пути почему-то взбрела в голову такая прихоть — выйти на этом астероиде.

— Странно, — усмехнулся Астрагал.

— Что странно?

— Да, собственно говоря, все странно... И наша встреча в этой пещере...

— А не могло это оказаться запрограммированным заранее? — воскликнул внезапно Дьондюранг.

— Что-о? А было бы забавно. — Астрагал улыбнулся. — Садитесь-ка к столу... Семь лет я никого не видел, и сейчас вы можете себе представить, что я чувствую, встретив вас... Я уже стар... Прежде был профессиональным космоисследователем, посвятил этому всего себя, но потом пришло время оставить полеты. Наступила старость. Жить без любимого дела показалось мне бессмысленным... И не хотелось отягощать собою никого. Решил затеряться в глубинах вселенной, которой служил, сгореть как легендарный Редин... но не хватило сил сознательно прервать свою жизнь... И вот я в этой пещере... А чем вы, простите, планировали питаться здесь, на астероиде? — спросил вдруг Дьондюранга.

— Я установил себе универсальный энзимный тракт, — ответил тот.

— О-о! Так, значит, уже создали? В мое время об этом лишь поговаривали.

Астрагал поставил на стол блюдо с пастой розового цвета и большую зеленую флягу, приглашая гостя к трапезе.

Дьондюранг сел и спросил Астрагала:

— Скажите, если не секрет, что вы оставили в мире людей и что нашли здесь, на астероиде?

Астрагал долго молчал.

— Думаете, так просто ответить вам? К тому же каждый день в какой-то мере меняет прежние взгляды... Семь лет назад я мыслил совсем иначе... Короче говоря — оставил жену, которая меня любила и которую я любил. Жаль теперь, что степень, меру этой любви я оценил только здесь. Оставил взрослых детей — сына и дочь... А нашел лишь утраченную зависимость от суровых условий. Я врос в эту пещеру и чувствую, как она направляет мою жизнь.

— Вы так нуждаетесь, чтобы вами кто-то руководил? — Дьондюранг поднес флягу к губам и отпил гло-

ток. — Какой чудесный, ароматный напиток! Вам в этой пещере удалось его синтезировать?

— Нет. Эта фляга еще с Инканы... Она припасена для подобного, необычного случая... А в возможность управлять собственной жизнью я не верю. Можно управлять кем-то, но собою — нет... Когда я был космоисследователем, то управлял могучими машинами, людьми, киберами, думал и был уверен тогда, что и собой тоже. Но теперь-то я точно знаю: это они руководили мной. Я зависел от каждого из них. Когда пришло время оставить полеты, когда я стал принадлежать только себе, тогда почувствовал свое ничтожество...

— Позвольте, почему вы обыкновенную тоску по старым друзьям превращаете чуть ли не в философские постулаты? Почему? — не выдержав, воскликнул Дьондюранг. — И почему вы утверждаете, что сбежали на астеронд, лишь бы почувствовать зависимость? Это неправда! Не нужно быть кибером, чтобы понять: вы хотели, как и раньше, продолжать чувствовать свою силу, свою самостоятельность. Разве не так? Вы, люди, все слишком плохо отличаете причину от следствия, утверждение от предположения, желание от потребности. Большинство людей нуждаются в одном, стремятся совсем к иному, а делают вообще неведь что... Или, может, вы что-то скрываете? Может, для бегства были еще какие-то основания?

Астрагал улыбнулся и протянул руку.

— Передайте мне, пожалуйста, флягу... Да, с вами трудно не согласиться. Но и ваше появление на этом астероиде не назовешь вполне осмысленным, целесообразным.

— Что поделаешь. — Дьондюранг вздохнул. — Я тоже несовершенен. Но, по крайней мере, никогда не лицемерю. А вы порою ищите и не хотите находить, находите, чтоб было что терять, теряете, лишь бы оплакивать утрату. Для вас кажется слишком простым, даже недостойным человека ценить то, что имеешь...

Я всю жизнь посвятил изучению человеческой природы...

— И что же вам удалось узнать о нас? — грустно улыбнулся Астрагал, прислонившись спиной к голубому шероховатому камню.

— Люди очень часто совершают глупости, которые ничем нельзя объяснить.

Астрагал вдруг громко рассмеялся:

— Вы делаете осмысленные глупости, мы — глупости неоправданные, но главное в том, что и вы, и мы далеки еще от совершенства. Не так ли?

— К сожалению, именно так. — Дьондюранг усмехнулся.

Они долго сидели молча, каждый по-своему оценивая встречу, думая о тайне бытия, о людях и киберах, об огромной сталактитовой пещере, ставшей, должно быть, последним их пристанищем.

— Однажды, — нарушил молчание Астрагал, — узнав, что траектория нашей очередной экспедиции будет проходить через Гарию, моя жена, моя Тилия... — Он вдруг умолк, грустно улыбаясь. — Так вот, моя Тилия попросила меня привезти гарского перца. Я говорил ей, что у меня не останется времени, чтобы достать этот редкостный продукт. Но Тилия так просила, так умоляла... И я привез. На сто пятьдесят семь часов задержал четыре межпланетные машины на Гарии, но достал. Привез. И она действительно была счастлива как ребенок. Но перец тот, редкостный гарский перец весь до последнего стручка сгнил на кухне... — Астрагал неожиданно рассмеялся. — Сначала она хотела его законсервировать. Потом решила приготовить рец. Но каждый день выкидывала стручок за стручком, которые становились мягкими и начинали дурно пахнуть. Она даже с сожалением причмокивала над каждым. Я так ничего и не понял толком. Зачем он ей понадобился? А когда спросил, почему он гниет на кухне и нужен ли он вообще, она лишь небрежно бросила: «Не будь ме-

лочным, тебя это отнюдь не украшает!» Вот наглядная иллюстрация к вашим словам и наблюдениям, — рассмеялся Астралгал. — И что интересно, этот случай я вспоминаю здесь чаще всего. Семьдесят два года супружеской жизни оставили в памяти наиболее ярким именно этот эпизод. Смешно? А знаете, мне опять захотелось к людям. Вы пробудили во мне желание жить, воскреснуть...

— И опять вы позволили себе лицемерное утверждение. Не я пробудил в вас желание жить с людьми. Скажите мне по-честному — сколько лет вы выходите из этой пещеры в надежде встретить людей?..

Дьондюранг отхлебнул еще глоток из зеленой фляги.

— Теперь мне понятно, почему так внезапно в кабине межпланетного такси мне пришло в голову взять курс на астероид Лазурных Сталактитов. Я уловил призыв вашего биополя. Вы думали о людях, вы мечтали их увидеть. Вы нуждаетесь в помощи. Разве не так? Мы с вами оба должны вернуться к людям. Вспомните Сандра:

Но все равно ты должен возвращаться,
хотя всю жизнь старался убежать...

— Как вы себе представляете наше возвращение? — грустно улыбнулся Астралгал.

— Пока еще никак. Согласитесь, не мог мой центральный анализатор придумать такую несуразность, как явиться сюда просто затем, чтобы вместе с вами перестать функционировать в этой прекрасной пещере. Я убежден, существуют какие-то факторы, которые еще не могут быть оформлены в виде программного приказа или мысли. Нам остается ждать и верить: мы возвратимся к людям. И, знаете, сегодня я счастлив! — Дьондюранг громко, радостно засмеялся, и смех его, неудержимый и искренний, который присущ только киберам, без малейшей фальши, передался Астралгалу. — А теперь спать! И верить — все к лучшему. Все к лучшему!

...ЭКСПОНАТ

Они сидели на холодной каменной скамье возле генератора кислорода, стараясь найти причину неисправности. Третий час уже мигала сигнальная лампочка, оповещающая об опасности. В пещере уменьшалось количество кислорода.

— Никогда не подумал бы, — подчеркнуто спокойным тоном сказал Астралгал. — Эта машина практически вечная. А что на мою жизнь ее хватит, ничуть не сомневался. — Его старческие морщины вокруг глаз стали глубже, он напряженно посматривал на аварийный сигнал над голубой ретортой.

Громадный пещерный зал впервые показался обоим зловещим. Голубые сталактиты мечами свисали над ними.

— Если не найдем причины, через несколько часов — конец.

— Я не могу поверить, что все так бессмысленно закончится.

— Когда-то вы обещали, что мы вернемся к людям. — Астралгал отвел взгляд от генератора. — Но все произойдет значительно проще. Вам не удастся мне помочь. — Астралгал старался говорить спокойно, но внезапно сорвался на крик: — Ну найди хотя бы причину! Почему падает уровень содержания кислорода? Я хочу знать! Зачем ты обещал, что мы вернемся?!

— Вы уже потеряли надежду?

— Издеваешься? — почти со злостью закричал Астралгал и надрывно, по-старчески закашлялся.

— Никто не знает, что произойдет час спустя, — спокойно ответил Дьондюранг.

— Я, я знаю! Можешь выбросить свою дурную кибернетическую кубышку. Она уже не скажет ничего разумного. Я знаю, что будет через час!

— Напрасно, — спокойно продолжал кибер. — Припомните, вы умерли семь лет назад. Вы уже старый.

Вы не хотели быть в тягость никому. Подумайте, стоило ли умирать тогда, чтобы сейчас так бояться за свою жизнь?

И вдруг Дьондюранг замолчал. Он прислушался. Стены пещеры донесли до него отраженные звуки, которых не мог еще слышать Астрагал. И звуки эти воспринимались Дьондюрангом, как музыка любимого Лактариуса. Это была музыка человеческих шагов. Не понимал еще толком ничего, но отчетливо слышал — шаги приближаются. Его охватило радостное возбуждение.

— А если допустить, что на астероиде высадилась очередная экспедиция?

— Как вас понимать? — Старик в недоумении вскинул брови.

— Исследователи могли пробурить отверстие в своде нашей пещеры, создав с естественным выходом единую систему оттока.

Во взгляде Астрагала засветился живой огонек:

— Да-да, генератор кислорода не мог отказать, он работает нормально. Я тоже думал об этом. — Ему стало стыдно за недавнюю свою слабость. — Нужно отправиться на разведку. Где мой костюм?

— Подождите, — спокойно предложил Дьондюранг. — Через несколько минут люди сами придут сюда, — сказал и заметил, как задрожали руки Астрагала.

Оба они сидели на холодной каменной скамье и напряженно всматривались в треугольный абрис пещерного входа, откуда могли появиться люди. Сверху струился яркий фиолетовый свет, голубые сталактиты искрились всеми цветами спектра.

— Я слышу, — выдохнул Астрагал.

— Шаги?

— Да.

И вот наконец они увидели людей. Их было семеро. Выйдя из-за крутого поворота в яркий освещенный зал,

люди остановились. Пятеро из них — в форме агентов экстренного розыска.

Дьондюранг понял, они идут к нему. Это не экспедиция. Агенты экстренного розыска нашли его, биокибера Дьондюранга, который восемь лет назад скрылся от неизбежного демонтажа.

Но почему сейчас? Почему не сразу после исчезновения? Почему не на Инкане в отеле «Дзябран»? Неужели не могли найти его за семь лет, пока он жил на Земле и писал книги? Почему именно сейчас?

Люди в зеленых скафандрах медленно приближались. Утешала единственная мысль, что он действительно помог своим появлением Астрагалу вернуться к людям.

Зеленые скафандры приближались.

Теперь для него — биокибера Дьондюранга — наступал конец. Его демонтируют. Он смотрел на голубые сталактиты, на маленький родничок, журчащий в гроте, на высокие своды пещеры и вдруг до боли отчетливо ощутил красоту всего окружающего.

— Да-а, лишь осознав свою эфемерность, можно по-настоящему полюбить жизнь, — произнес он тихо.

— Что? — спросил его Астрагал.

Но к ним уже подошли люди. **ЛЮДИ!**

Долгая немая сцена. Ожидавшие и подошедшие смотрели друг на друга. Астрагал тяжело дышал. Дьондюранг вяло, как обреченный, подошел к генератору и протянул старому космоисследователю гибкий шланг, из которого шел кислород. Тот благодарно улыбнулся, кивнув головой, и поднес шланг к лицу. Дьондюранг старался не встречаться взглядом с людьми, которые рассматривали его через пирамидальные шлемы.

Один бородач решительно откинул шлем своего скафандра:

— Так здесь и вправду достаточно кислорода...

Астрагал едва сдерживал себя, чтобы не броситься к людям с объятиями, поцелуями, не терпелось погово-

риться за долгие годы молчания. Сдерживал себя, стараясь сохранить солидность.

Все остальные быстро разгерметизировали скафандры. Дьондюранг заметил, среди них одна женщина. К великому своему удивлению, он узнал в ней Ларту Варич.

— Наконец-то мы вас разыскали, — удовлетворенно сказал бородатый Дьондюрангу. — А вы кто? — обратился он к Астрегалу.

— Я биолог, профессиональный космоисследователь... в прошлом. Зовут меня Андрей Астрегал...

— Это ваша книжка об экспедиции на Центурию?

— Да, моя. Очень приятно слышать, что вы читали ее.

— А в этой пещере, видимо, собираете новый материал для следующей? Исследуете загадочные синие сталактиты? Вы, говорите, геолог?

— Биолог.

— Вы прекрасно расположились в этой пещере. Я вижу, на этом астероиде действительно есть чем любоваться, — с восхищением осматривался вокруг бородач.

— По решению Инканского совета здесь скоро создадут музей, — обратилась женщина к Дьондюрангу. — Ты, вероятно, этого не знаешь... Этот астероид — жемчужина природной красоты. И наша обязанность — сохранить ее от саморазрушения. Охраняя, изучать ее тайны...

— Но для начала вы нарушили равновесие газового обмена. В пещере резко падает уровень количества кислорода, — предупредил гостей Дьондюранг.

— Простите, мы и вправду повели себя несколько бесцеремонно, но мы никак не ожидали встретить здесь человека. — Бородач внимательно рассматривал Астрегала, потом, повернувшись к подчиненным, с присущей для их службы строгостью приказал: — Немедленно восстановить герметичность пещеры!

Трое быстро направились выполнять приказание.

— Скажите, — тихо спросил Астрагал. — Я вижу, вы в форме агентов экстренного розыска. Значит, вы не экспедиция?

— Мы вот к нему. — Бородач взглянул на Дьондюранга, устало опустил на каменную скамью и спросил женщину: — Теперь вы довольны, Ларта? Позвольте нам отдохнуть.

Дьондюранг стоял возле каменного стола, скрестив руки на груди. Ларта подошла к нему и остановилась, потом медленно протянула свою красивую руку, Дьондюранг рефлекторно отпрянул назад.

— Вы меня боитесь? Дьондюранг, почему вы меня испугались?

— Я боюсь не вас, а... тьмы.

— Какой тьмы?

— Той, что мне сейчас будет дарована... — Но сообразив, что Ларта протягивала руку для приветствия, с открытой ладонью, смутился, не зная, как исправить положение.

— Я вижу, ты удивлен и испуган, Дьондюранг. Я сейчас все откровенно тебе расскажу. Ты был нашим экспериментальным образцом. Твой центральный анализатор совершенно новой, уникальной конструкции, практически идентичен человеческому мозгу. В левой церебральной полусфере вмонтирован специальный генератор импульсов, не воспринимавшихся тобой. Мы постоянно следили и фиксировали любое твое передвижение...

— И как же планируете закончить эксперимент? — тихо спросил Дьондюранг, внезапно почувствовав сильную вялость, безразличие ко всему.

Ему вспомнились комбинат, тихая зеленая улочка, по которой он вышел в мир людей и машин, чтобы выполнить свое назначение, и, выполнив, — вернуться.

— Я хочу быть демонтированным, — произнес с трудом. — Я уже стар. И каждому, будь то человек или кибер, приходится возвращаться.

— Дьондюранг, — мягко и участливо сказала Ларта, — ты просто устал. Тебе еще рано думать о демонтаже.

— Ты думаешь, я просто утомился?

— Безусловно. В твоем голосе так много...

— Старости, — улыбнулся кибер. — Очень досадно, что я постарел.

— Дьондюранг, тебе нужно немного отдохнуть.

— Думаешь? — вновь грустно улыбнулся он. — Тогда давайте я стану экспонатом будущего музея...

— Прости меня. — Профессор Ларта Варич прикрыла за собой пластиковую дверь и смущенно улыбнулась.

Дьондюранг открыл глаза. Он не слышал, как она вошла.

— Ты работаешь. И я всегда чувствую неловкость, мешая тебе. Ты уже почти месяц не выходишь.

— Мне здесь хорошо работается.

— Я часто завидую тебе.

— Человек не может завидовать киберу.

— Почему?

— Сама знаешь. Ведь я существую по твоим генным директам. Но теперь тебе не верится, что я создан тобой, что я — не человек.

— Да, — тихо подтвердила Ларта. — Но я скажу тебе... больше.

Дьондюранг насторожился.

— Ларта, лучше не говори ничего.

Женщина погрузилась и отвела взгляд.

— Ты изучаешь людей. А я делаю вид, что изучаю тебя, хотя мое присутствие здесь совсем не обязательно. Я давно могла бы вернуться...

Наступило молчание. Потом Ларта заговорила вновь:

— Я понимаю, мое состояние болезненное. Порой я всего страшусь. Понимаю, что должна вернуться на Ин-

кану, но нет сил сделать это. Я все время хочу видеть тебя. Хочу слышать твой голос, читать все, что ты пишешь. Мне приятно сознавать, что ты и меня изучаешь, что ты интересуешься мною. И больше ничего. Что это? Разрушение старой системы условностей между человеком и кибером?

— У женщин несколько иные системы условностей, — попытался улыбнуться Дьондюранг.

— А тебе никогда не казалось, что ты человек? — спросила вдруг Ларта, не отводя взгляда.

— Нет. Я знаю, что я биокйбер.

— Но мог же ты предположить... Ведь ты больше, чем человек. Ты — воплощение всех человеческих идеалов...

— Оставь, Ларта. Мне приятней слышать такие слова невысказанными, поскольку их смысл, как смысл света, в постоянном развитии внутренних взаимоотношений. Масса покоя равна нулю.

— Дьондюранг, я больше не могу молчать...

Ларта подняла страдальческий взгляд. Дьондюранг никак не мог взять в толк, о чем еще хочет сказать эта взволнованная красивая женщина. Пожалуй, впервые в жизни не мог прочитать чужого взгляда. Но чувствовал: сейчас она произнесет слова не просто неожиданные, но, возможно, и страшные. Все его мускулы напряглись. Замер.

— Прощу тебя, выслушай. — Ее голос дрожал. — И прости, если сможешь. Я очень виновата перед тобой...

В это время по ту сторону толстой прозрачной стены, отделяющей грот от пещеры, появилась группа детей в голубых скафандриках. Шлемы у всех были откинута за спину, некоторые держали их в руках. Остановились перед гротом и с удивлением смотрели во все глаза.

— Они земляне, — тихо произнес Дьондюранг.

На груди каждого красовалась эмблема — голубой шар в сетке параллелей и меридианов.

Молодой экскурсовод Ланц Лан приоткрыл прозрачную дверь и вошел в помещение музейного кабинета Дьондюранга.

— Разрешите? Сегодня к нам пожаловала туристская группа с Земли. Заходите, дети... В этом отделе нашего музея очень интересный экспонат. Вы, безусловно, слышали, читали книги об уникальном биокибере, созданном на Инканском комбинате биокибернетики. Биокибер Дьондюранг сам изъявил желание стать действующим экспонатом нашего природоведческого музея. Это уникальнейшее произведение человеческого разума. Дьондюранг практически ничем внешне не отличается от человека, но по таким показателям, как объем памяти, острота анализаторов, физическая сила, скорость реакций, он намного превосходит человеческие возможности. Прошло уже много лет, как наш уважаемый Дьондюранг отработал запрограммированные часы. Сейчас этот уникальный кибер заинтересовался изучением человеческой психологии. Он не желает возвращаться на комбинат для демонтажа. Он чувствует в себе много сил и желает служить людям. За нашим Дьондюрангом продолжает вестись строгое научное наблюдение. Как раз сейчас на астероиде находится представитель комбината профессор Ларта Варич, создатель этого уникального биокибера. Есть ли у вас вопросы, дети?

Вопросов не было.

Дьондюранг и Ларта снова остались одни. Женщина долго не решалась продолжить разговор. Неожиданный приход экскурсантов словно отрезвил ее.

— Чем ты могла провиниться передо мной?

— Не знаю теперь, стоит ли говорить...

— Говори, Ларта, если начала.

— Ты вправе подумать, что я недостойна звания ученого, что я просто совершила преступление... Но, Дьондюранг, постарайся сначала понять меня не только раз-

умом... Двадцать восемь лет тому назад я и вправду хотела создать биокибер с мультиаксонным строением политразонной квазиархитектоники... И даже верила, что мне это удастся... Но однажды... Однажды я спросила себя, чем будет отличаться такой биокибер от человека. Ответ напрашивался сам — лишь фактом искусственного создания.

Возможности человека по-настоящему не изучены до сих пор. Отдельные индивиды могут состязаться с современнейшими киберами. И мы не находим в них никаких аномалий. Можем только сказать, что у человека неисчерпаемые резервы. Мы увлеклись созданием и производством киберов, забыв о себе. Пришла мысль о бессмысленности создания того, что давно создано природой... Но моя тема была утверждена. А если бы ее и не утвердили, в то время не существовало ничего, что могло бы меня заинтересовать. Отказ от темы предопределял выбор другой, новой. Должна же я была чем-то заниматься.

Ларта умолкла, облизнула пересохшие от волнения губы:

— Ты, Дьондюранг, не... кибер. Ты — человек.

Дьондюранг вздрогнул, как от удара.

— Да, — повторила Ларта, — ты — человек.

— Этого не может быть! — хрипло выжал из себя Дьондюранг. Он смотрел на стройную фигурку профессора, на ее длинные золотистые волосы, словно видел впервые. — Посмотри мне прямо в глаза! — воскликнул он почти повелительно, заметив голубую опущенность во взгляде Ларты.

Ему стало страшно. Что произошло? Еще никогда человеческий взгляд не казался ему таким безмолвным. И никогда он не чувствовал себя таким беззащитным.

— Этого не может быть! Зачем ты говоришь неправду? — закричал безумно, как не кричал ни разу. — Я до сих пор прекрасно помню тот последний конвейер,

на котором осознал свое существование. Помню и мастера Имбрикатуса...

— Это фальсификация... Ты попал на последний копвейер по аварийному воздухопроводу... Я сама предвзительно спровоцировала аварию и благоприятные условия для подмены. После трех инъекций дельта-глобулина Бера твой мозг стал абсолютно чистым от малейших остаточных потенциалов прежней памяти. Никто, даже мастер Имбрикатус, не заметил замены под седьмой экспериментальной ретортой...

— И ты не стыдилась смотреть мне в глаза? Кем же я был раньше?

Ларта долго молчала, собираясь с духом.

— Тебя звали Ярославом Ставичем. Ты был командиром «Цереры». Ты и почти весь твой экипаж погибли в две тысячи девятьсот пятидесятом году при повреждении блока деклимации. Но ваш сигнал о помощи приняли... Вас нашли. Кое-кого удалось спасти, некоторые навсегда остались в глубинах вселенной... Прости...

— Неужели ты говоришь правду?

Ларта опустила глаза и медленно пошла к двери...

«Тогда ветка стучала в мое окно. Это было так давно. Я жил на втором этаже гостиничного комплекса «Биокибероза». Я чуть было не вышел из строя в тот вечер. Вроде бы я все уже знал о мире, меня окружавшем. Вернулся после первого рабочего дня поздно, а ветка начала стучать в мое окно. Меня охватил необъяснимый страх. Хотя я и знал, что это простая ветка. Но уверенности не было. Специалисты потом объяснили, что так проходит период адаптации. Неуверенность порождает страх.

Вот и сейчас. Просто формальность, хотя и драматичная, всем давно ясно, не существует принципиальной разницы между разумными существами искусственными и естественными. Только и всего, что естественные руководят, кому-то надо руководить. И создают себе по-

добных люди немного иначе. Но это просто традиция. При желании люди могли бы сходиться с конвейеров, как и биокиберы. Просто люди любят придерживаться традиций.

Но неужели это правда? Всю жизнь смотрел, изучал и даже в глубине существа чувствовал какое-то превосходство, как к более слабым, и своеобразную любовь к ним... И вдруг... бах, и ты сам такой же... И сразу совсем иные мысли стали приходить. Другими глазами смотрю на мир, хотя ровным счетом ничего не изменилось. Самый верный способ борьбы — умение сделать противника сообщником, заставить воспринимать мир по-своему.

Неужели это правда? Но ведь я вижу в темноте. Хотя... человеческий глаз реагирует даже на один квант света, а глаза ночных животных на Земле и на инфракрасное излучение... А припомни встречу со слепым Жалио. Поначалу я и не знал, что он слепой. Заметить было невозможно. Он совсем свободно держался. Правда, находился в окружении всего знакомого ему. Но разве мне не знакомо даже то, чего я никогда не видел? Я в состоянии мысленно моделировать вариант окружения быстрее, чем возникает необходимость действовать в этом окружении. И когда я спросил слепого Жалио, он ответил, что не чувствует никакой ущербности, просто он воспринимает мир, должно быть, иначе, чем большинство. Научился вести себя так, чтобы не привлекать постороннего внимания.

Универсальный энзимный тракт тоже не является отличием кибера. Обычная физиологическая операция.

Но что-то подсознательное не позволяет верить Ларте. Но почему? К чему ей такая ужасная ложь? Неужели она полюбила меня? Неужели выдумала всю эту историю, только бы убедить меня, да и себя тоже, что между нами нет барьеров? Женская чувственность? Больная психика? Или правда — любовь? Одно из ве-

ликих таинств бытия. Любовь. Что это такое? Когда-то в древности люди говорили, что любовь — сила, которая движет миром. Может, так оно и есть? Иначе что же такое любовь? И какая сила движет миром?

Кто я? Кибер? Человек? При всей условности этого вопроса должен же быть и ответ на него?»

Дьондюранг подошел к столу и не спеша достал из ящика стола небольшую коробочку, обшитую коричневым ледром. Из нее вынул черную пластину с красным углублением в середине. Теперь стоит нажать на красное углубление, приложив пластину к груди, и все станет ясным. Если он человек — ничего не произойдет. А если биокибер — случится то, что давно уже должно было случиться.

И он нажал... *Ларта — любовь — кибер, Ларта — любовь — кибер* — вспыхнуло несколько раз в сознании и затухло.

— Ну как? — спросил директор музея, дородный Мартин Реденблек.

Ларта болезненно улыбнулась.

— Я сказала ему, что он человек.

— Что с вами? — Реденблек удивленно смотрел на бледное лицо Ларты Варич.

— Не знаю. Мне кажется, мы не имели права... поступить с ним...

— Что, не имели права обмануть кибера? Хотите оставить это право исключительно для людей?

— Страшно...

— Что с вами?

— Не знаю... Давайте прекратим. Мне кажется, что случилось что-то страшное...

— Бросьте.

— Если б вы видели его глаза в тот миг. Он был способен на все. Пойдемте! Вы сами объясните причи-

ну моего обмана. Мне он больше не поверит. Идемте! Я не могу одна... Он так похож на Ставича...

— На кого? А-а-а... Ваш муж был командиром «Цереры»... Моя жена не вспоминала б меня через столько лет... Или для этого нужно исчезнуть навечно? — Мартин Реденблек засмеялся, но заметив, что Ларта плачет, резко оборвал неуместный смех.

Лицо Дьондюранга спокойно и строго, подобно маске. Он неподвижно лежал на каменном полу.

— Что вы ему сказали? — Реденблек мрачно стоял над телом.

— Что он человек...

— Простите, но если бы вам сказали, что вы кибер, неужели это заставило бы вас наложить на себя руки? Итак! Я глубоко убежден, что сам этот факт...

Ларта расплакалась неудержимо, как ребенок.

ДОЖДЬ

«Дорогой Дасий!

Ты меня несколько удивил. Опасаться каких бы то ни было неприятных сюрпризов от «Юлиоры» несуразнее, чем бояться электрическую кошку. На нашей планете работают сотни бульеров. Эти системы уже достаточно хорошо изучены. Мой бульер отличается от предыдущих только мощностью. Предполагаемая тобой зависимость просто насмешила меня. Дожди в Белоозере, безусловно, имеют другую причину, но я не специалист в метеорологии, потому ничего не могу посоветовать.

Прости за краткость сей эпистолы. Хронически недостает времени,

Андрей Стиг».

Гравитобус тронулся. Арлен уже на ходу проскочил в закрывающиеся двери, в салоне снял шляпу и отряхнул с нее дождевые капли. Отряхнул небрежно, и они попали на мужчину, сидевшего в кресле у самых дверей. Тот с раздражением оторвал взгляд от небольшого библиоскопа и взглянул на Арлена. Хотел что-то сказать, но, увидев его, лишь сдержанно кивнул головой. Арлен узнал биокибера Ангеляра, он с ним не раз встречался на комбинате синтетических покрытий, где Арлен Завира проходил практику. Ангеляр вытер дождевые капли с экрана библиоскопа и вновь углубился в чтение.

В середине салона — пятеро девушек в изящных рабочих комбинезонах. Они словно дремали, только одна, белокурая девчушка, подняла на Арлена взгляд и почему-то улыбнулась. Может, его неумению держать цветы — напряженно зажав как свечку. Мария прежде тоже смеялась над ним: «Ты так смешно держишь цветы...» Прежде... Мария...

Идя на работу, Арлен зашел в цветочный салон и взял небольшой букетик розовых локсир. Думал поставить их у себя в бульерной, чтобы они хоть немножко развеивали грусть, заглушали мысли о бесконечной дождевой мороси, нависшей над городом.

Девушка уже не улыбалась, но все еще смотрела на Арлена как-то удивленно и даже испуганно. У нее, как и у Марии, тоже были золотистые волосы. «Она и впрямь похожа на Марию... Но лица Марии я вспомнить не могу. Только общие черты. И волосы, и нежный... Хватит! Хватит, мальчишка!»

Неожиданно для самого себя Арлен направился к центру салона. Он издали почувствовал тонкий запах краплака «Уни» и подумал, что девушки возвращаются после смены из комбината синтетических покрытий. Завира хорошо знал и помнил комбинат и запах лака, который долго еще остается после того, как выйдешь из седьмого цеха.

Он протянул букетик розовых локсир золотоволосой девушке, не сказав ни слова. И она, продолжая с удивлением смотреть на него, машинально взяла цветы, спротив с наигранным спокойствием:

— За какие это грехи или заслуги?

Арлен не смог найтись, улыбнулся в ответ и сел на свободное место. За окном гравитобуса продолжал сеять мелкий дождь. Закрыв глаза, чтобы не видеть серой пелены дождя, впитавшей в себя яркость земных красок, не видеть влаги, которая коварно просачивалась в каждого, накапливалась, словно стараясь растворить в себе. Монотонная слякоть за окном уравнивала всех и все, наполняя окружающее одним цветом, одним звуком, одним желанием.

Гравитобус стремительно летел по магистрали, вдавливая на поворотах Арлена в кресло.

— Как тебя зовут? — услышал тихий смущенный вопрос.

Открыл глаза, встретился со взглядом той девушки. В нем — дождливая грусть. Золотые локоны спадали на грудь.

— Арленом, — ответил так же тихо.

«Как одиноко и тоскливо. И нет человека, который разделит бы со мною и радость и печаль. А виноват, вероятно, я сам. Отчего это?»

— А меня — Ольдой...

Девушка хотела еще что-то сказать, на миг задумалась, но в это время гравитобус начал тормозить, и она поспешила присоединиться к подругам, стоявшим уже у выхода. На остановке все они вышли, и Арлен смотрел сквозь потоки, стекающие по стеклу, как они дружно накинули капюшоны комбинезонов, защищаясь от дождя, как Ольга краем глаза глянула на него, провожая гравитобус.

Забира вышел на площади Леонтовича — теоретика и исследователя XX века в области управляемого термоядерного синтеза. У самой остановки высился адми-

нистративный корпус «Юлиоры». С криком обезумевшего попугая промчалась за спиной машина «скорой помощи». Арлен обернулся, но машины не увидел, она уже исчезла за поворотом. Арлен Завира обошел справа главный корпус и не торопясь направился к реакторному.

Продолжал сеять мелкий дождь, неприятно щекотал лицо.

Войдя в пультовую, он не сразу заметил дежурного биокибера; тревожно осмотрелся вокруг, а потом окликнул его:

— Дасий!

— Добрый день, — отозвался биокибер. Он, оказывается, стоял совсем рядом, у окна, и в задумчивости смотрел на морозящий дождь.

— У тебя все в порядке?

— Да... И горы, точно белые медведи, хребтами снеговыми будут изгибаться. Ты как пришел, так и уйдешь, они ж останутся стоять навечно. Белые медведи...

— Что с тобой?

— Так, вспомнился Сандр, — ответил Дасий и отошел от окна.

— Какая температура в бульере?

— В норме, Арлен. Бульер работает нормально. — Биокибер смотрел на него с непонятным для Арлена сочувствием.

— Дасий, ты свободен.

— Да. — Биокибер вздохнул. — До свидания, Арлен.

Завира включил транслятор музыки, зашторил большие окна, прошелся по реакторному залу и, взглянув на золотистую дымку в прозрачной колонне сублиматора, вспомнил золотой ореол волос. «Она действительно чем-то похожа на Марию. И голос волнующий...» Припомнилась съезжившаяся фигурка на остановке.

«Эх, хорошо бы на несколько деньков махнуть к Женьке в Крым», — мелькнула неожиданная мысль.

К Женьке в Крым... К гидрогеологу Евгению Белому. Но я даже на письмо его не ответил. И ни разу не связался с ним по видеофону. Да-а, хорошо бы погостить у Женьки в Крыму. Дождя там нет. Там сейчас солнце, тепло и море! Может, позвонить? Но что сказать? О чем говорить? Вспоминать годы учебы? Притворяться, что очень скучает по товарищу? Смешно. Просто там тепло, нет дождя, солнце и море... Взять и просто полететь, даже не обязательно к Женьке, а просто в Крым. Ох здорово! Да, но потом нужно возвращаться к белоозерским дождям... Тогда вообще станет невыносимо. Нет. Уж лучше пусть остается все как есть. По крайней мере, привычно. Или, может, сбежать из этих Белоозер?.. Смешно. Бежать из города, где любое твоё желание удовлетворяется без всяких проблем! С пуском «Юлиоры» энергетические ресурсы города возросли практически неограниченно. Но желаний становилось меньше и меньше с каждым днем. Когда все доступно, ничего не хочешь. Увидеть бы солнышко! Смешно. Но закончатся же когда-нибудь эти дожди! О чем там думают метеорологи?»

Из транслятора лилась тихая веселая музыка.

«Мария, Мария, что ты делаешь со мной? Я не могу даже сердиться на тебя, мне совершенно не за что сердиться на тебя. Как хочется верить, что это — простое недоразумение. Ты исчезла. Неужели я надоел тебе? Зачем же тогда говорила такие теплые, нежные слова? Неужели я совсем не разбираюсь в жизни, в людях? Верю, рано или поздно мы с тобою встретимся. И у меня не найдется ни слова упрека. Но сможешь ли ты посмотреть мне тогда в глаза?»

И пока думал, перед глазами неотступно стояла сгорбившаяся от дождя фигурка на остановке с поднятым воротником комбинезона, и золотистые, мокрые пряди волос, струившиеся по плечам... Ольда... Очень похожа на Марию... Арлену стало невероятно грустно.

«Ну, хватит! Нечего раскисать. Лучше вообще забыть о той женщине, забыть Марию. Она принесла мне столько страданий... Нужно работать. Работать! Нужно думать... Думать? О чем? Какая тяжелая голова. О чем думать? Все такое серое, все безразлично. Но нет... Работа не предаст, она всегда приносит радость, утешение, возвращает веру в себя. И все же хорошо бы — к Женьке в Крым! Действительно, может, сейчас вот и позвонить? Но опять же, о чем говорить с ним? Не виделись более полугода. Странно. А были когда-то друзьями...»

«Думаю, что ошибка исключена. К сожалению. Я советовался с таким специалистом, как биокибер Раг. Он пришел к мысли: «Юлиора» является источником сильного К-лептического излучения, которое в реакторных установках меньшей мощности остается незначительным. Именно это, как утверждает Раг, приводит к постоянной конденсации влаги над городом и, что гораздо серьезнее — к нарушению психики людей, вызывая депрессию, порою психозы и болезненное состояние постоянного и пустого философствования. Биокибер Раг считает, все дело в возбуждении К-лептическим излучением нервных клеток; ведающих ассоциативными связями. Психическая деятельность биокиберов заметно не страдает, но чувствительность рецепторных систем ухудшается. Нужно действовать, Андрей! Обратись к Ивану Моревиллю. Ты — создатель этого бульера, и ты сам должен первым вмешаться в такое важное дело. У нас на метеостанции пока ничего не знают о выводах биокибера Рага, но очень взволнованы — никакими доступными способами они не могут бороться с «твоим» дождем.

Биокибер Дасий»

Жена профессора Григория Завиры трагически погибла двадцать лет тому назад. Рейсовый триангуляр «Торонто — Ленинград» весенним утром взорвался над океаном. На борту триангуляра летела группа ленинградских артистов, и среди них — Марта Урбан. Арлену, их сыну, было тогда семь лет...

Профессор Григорий Завира не мог заснуть, как ни старался. Лежал на диване с закрытыми глазами и заставлял себя спать. Он слышал, как сын возвратился домой. Слышал, пришел не один. Девичий голос... Сквозь неплотно прикрытые двери кабинета доносились приглушенные голоса.

От нервного напряжения сердце профессора усиленно колотилось, а мозг работал впустую, до щемящей боли в висках. Никак не мог понять, что могло вывести его из равновесия. Внутренний жар порождал призрачные видения и страх бесприютности, когда не только крыши над головой нет, но негде ни отдохнуть, ни богу душу отдать, и нет рядом человека, который пожалел бы, помог. Сын уже взрослый. Как бежит время...

«Сын взрослый... И я немолодой. Страшно. Что это со мной? Ведь ничего не произошло. В моей жизни все хорошо. Меня уважают, людям я нужен... Но как неуютно в жизни!.. Все становится страшным, кажется бездушным и бесцветным!»

Он окончательно убедился, что заснуть ему не удастся. А за стеной начал петь сын, перебирая струны инканского радио:

Хоть жизнь горька — любовь медова,
так подсластим же кубок наш.
Мы словно брошенные гнезда,
мы словно птицы без гнезда.

И не находим утешенья
ни на земле, ни в небесах —
вплетаем в нить мгновений тленных
любви мятежные слова.

И жизнь становится чуть слаще,
в любви — той сладости уж нет.
Мы словно птицы без гнездовья —
не знаем, — приютиться где...

Мелодия старинного романса тонула, таяла в монотонном шелесте дождя за окном и как бы вливалась в Григория Завиру, растекаясь в нем.

Он нехотя встал и включил телеинформатор. Послушал очередное сообщение: председатель земного Совета Иван Моревиль подписал соглашение о начале работ по использованию полезных ископаемых Центурии по взаимной договоренности с правительством этой планеты. На Инкане завершили монтаж третьей очереди комбината биокибернетики. Жители киевской аграрной зоны собрали седьмой в этом году урожай, и рекордное количество продукции поступило на перерабатывающие комбинаты Киева. В завершение сообщалось, что климатические изменения в районе города Белоозера вызывают серьезное беспокойство ученых, ведутся интенсивные наблюдения необычного феномена, поиски его причин...

Профессор нажал розовую клавишу, и экран погас.

В тот вечер Завиру раздражало буквально все. Непрежно накинул плащ, с усилием, словно больной заковылял к двери, в коридоре приостановился на мгновение, прислушался к приглушенным голосам сына и его гости... «Кто она? Сыну ничего не говорит. Очередное увлечение? А не все ли равно мне? Сыну взрослый. Что можно посоветовать Арлену? Ничего...» Вышел, тихо прикрыв дверь, и направился к кабине лифта.

Выйдя во двор, профессор сразу промок. Вода лилась за воротник, стекая по волосам и шее, сорочка тут же прилипла к спине. Но он шел и думал о том, что они с Мартой когда-то любили дождь.

Серо и мрачно на безлюдной улице. По магистрали проносились одинокие вечерние такси и рейсовые геликомобили. Дождь изолировал профессора от всего окру-

жающего, усугубляя мысли об одиночестве. Мерещилось что-то чудовищное, бесформенное, толком не объяснимое словами, но ужасно трагическое, всепоглощающее.

Усилием воли заставил отступить нахлынувшее видение. Но мысли от этого не стали радостней.

«Я живу сам для себя. И никому не нужен. Даже сыну. Мы с ним будто чужие. Что мне предстоит впереди? Операции, симпозиумы, эксперименты, научные исследования... Все это хорошо. Но затем — возвращаться в пустую квартиру и ждать, ждать... нового дня. И так изо дня в день... Арлен в последнее время так редко заходит проведать его. Все закономерно! Что ему делать дома? Потреблять беспредельную энергию, вырабатываемую «Юлиорой»? То, что легко дается, очень быстро начинает казаться лишним и совершенно не нужным. А дождь все шуршит, шелестит. Кому я нужен? Больным? Глупость! Для них важно, чтобы кто-нибудь был на моем месте. Вот и все. Может, я нужен Наталье Бильц? У нее такая красивая улыбка, и голос красивый, но вся красота ее застывшая, холодная, и сама она как мертвая. Она молода, хороша собой и хитрая, расчетливая. Когда же прекратится этот бесконечный дождь?! На прошлой неделе Наталья приглашала к себе. Представляю все загодя — умные разговоры за бутылкой хмельного бора о призвании медика и о проблемах современной медицины, но за всем этим — единственное стремление: завладеть ключиком от сердца профессора. Сама похожа на куклу и думает, все живут и мыслят подобно ей, по кукольным законам. Марта... Да, когда-то все было иначе... Холодный дождь, как взгляд Натальи Бильц... Холодный взгляд... А у меня разве теплый взгляд? Теплый взгляд бывает, когда любишь... А что такое любовь? Я лично всегда прислушивался лишь к голосу разума. А в чем любовь? Может, страсть, вдохновение не запрограммированные никем, даже самим собой?»

Ему вдруг захотелось заплакать и рассмеяться одновременно. Но профессор Завира не мог сделать ни того, ни другого, горло перехватили спазмы.

Монотонно шумел дождь.

Навстречу Григорию Завире приближалась мужская фигура под голубым куполом зонта. Мужчина шел медленно, съежившись и глядя себе под ноги. Уже не молодой, как и Завира. Они поравнялись, и профессор неожиданно для самого себя остановился:

— Простите... — произнес тихо, чувствуя непреодолимую потребность поговорить, но умолк, не зная с чего начать.

Угрюмый мужчина остановился, ниже опустил прозрачно-голубой купол над головой, чтобы дождь не попадал на лицо. Капли набросились на его плечи, но вынуждены были стекать по водоотталкивающей ткани костюма.

— Простите, у вас... не найдется диктофона?

— К сожалению... — попробовал улыбнуться мужчина.

Завире ничего не было нужно. Но неведомая сила удерживала его и побуждала говорить. Мужчина, казалось, тоже никуда не торопился.

— А платка... Простой платок вы не могли бы мне дать? Вытереть лицо... Этот проклятый дождь.

Мужчина достал из кармана небольшой полотняный платок и протянул его Завире. Платок мигом намок под дождем.

— Пожалуйста...

Профессор вытер лоб мокрым полотном, вернул платок хозяину:

— Благодарствую... Очень вам признателен...

— Возьмите его себе, возьмите, право... — По всему было видно, человеку приятно, что к нему обратились с неожиданной просьбой.

Они еще немного постояли, глядя друг на друга.

Обоим хотелось поговорить, обменяться хоть парой-другой слов, но, будто не решившись, разошлись молча.

Профессор шагал по улице, и голову сверлила мысль: он попрошайничал. Профессор Завира попрошайничал. Ему, как и каждому, теперь все доступно — не говоря уже о пище, питье, диктофонах и платках... А он попрошайничал и чувствовал от этого удовлетворение. Мало того, ощущал наслаждение от живого слова и незапрограммированного прикосновения живого существа, наслаждение от чьего-то искреннего желания помочь незнакомому человеку вне всяких планов и программ, помимо научных обоснований и философских постулатов.

Шел, держа в кармане мокрый платок того человека, а рядом лежал сухой — его собственный. В боковом кармане плаща чувствовал вес своего диктофона. Понимал ненормальность своего поведения, однако улыбался удовлетворенно и утешал себя: «Это все от того, что живу в одиночестве... Но ведь я еще не стар!»

«Дорогой Дасий!

Извини за предыдущее письмо. Но... Тебе понятно, что означает для меня проблема гелиобульберных установок. Я все еще никак не могу серьезно воспринять твое предупреждение, но не хотелось бы и пренебречь им. Пожалуй, действительно следует создать комиссию, чтобы раз и навсегда убедиться в безопасности мощных бульберов. В ближайшее время я вылетаю к вам, в Белоозеро. Подготовьте для меня максимально исчерпывающий материал, так или иначе касающийся воздействия моей «Юлиоры» на вашу жизнь.

До встречи.

Андрей Стиг»

Поначалу белый конь казался просто белым пятном на коричневой нитке тропы, протянувшейся по горному хребту среди буйного разнотравья. Белый конь был еще далеко, но все ждали его, знали, вот-вот слышится топот копыт и покажется его белая грива, растрепанная ветром, а затем все увидят его красивое тело, его запыхавшуюся морду с черной звездочкой на лбу, и его настороженные уши на фоне голубого-голубого неба без единого облачка. Белый конь приближался. Уже четко были видны его очертания. Тропинка извивалась серпантинном, и конь поворачивался то левым, то правым боком. Ярко светило солнце, наполняя все окружающее сочными красками лета. Белый конь на мгновение скрылся в высокой траве на последнем изгибе тропы и вылетел вновь из желто-зеленого моря совсем рядом: красивый, казалось, улыбающийся, долгогривый. Громко заржал, словно радуясь чему-то, и взвился на дыбы, показывая людям свое лоснящееся брюхо в лучах теплого ласкового солнца.

— Пойдем, — сказал Арлен, — сейчас начнется дождь.

— Гроза, — тихо возразила Ольда и крепко сжала Арлену ладонь.

Конь на экране опять заржал. Где-то вдали ему ответил другой, или обычное эхо раздробило, размножило его голос. А сильный ветер трепал его белую гриву.

— Пойдем.

— А потом, после грозы, снова будет солнце, ну, пожалуйста, Арлен... И мокрый конь — так смешно...

Они вышли из кинозала после окончания фильма. Вечерело. Дождь шел сильный, частый, почти без ветра.

— Твои родители дома? — спросил Арлен.

— Не знаю. Отец, должно быть, пишет, а мама, скорей всего, на работе, — ответила Ольда отчужденно и бесстрастно, как о чужих и безразличных для нее людях. Подняла воротник серого плаща: — А чего это вдруг ты о них?..

— Да нет, я просто так...

Арлен раскрыл большой зонт, по нему споро забарабанили дождевые капли. Ольда юркнула под оранжевый купол, прижалась к Арлену.

— Пошли опять ко мне, — предложил он.

— К тебе?

— Конечно. Мой отец, даже если он дома, к нам и не заглянет. Он у меня молодец, ты же знаешь...

«Уважаемый председатель всемирного совета.

По неподтвержденным данным энергетическая установка «Юлиора» негативно воздействует на жизнедеятельность людей и биокиберов. Просим организовать комиссию для изучения этого влияния.

*Главный конструктор гелиобульберной
установки «Юлиора»* *Андрей Стиг*

*Главный инженер Белоозерского
энергоблока* *биокибер Раг*
Оператор «Юлиоры» *биокибер Дасий».*

Произошло это год тому назад...

Арлен впервые увидел ее на концерте старинных инструментов.

Она немного опоздала к началу и вошла в зал, когда погас свет. Арлен даже не заметил, как на свободном месте рядом с ним появилась молодая женщина.

Он слушал, как упоенно выводит мелодию свирельщик, как смешно суетится тот, что с бубном, и вдруг заметил совсем рядом светлый локон женских волос и под ним, на темном платье, золотого паучка с янтарной капелькой тельца на серебристой паутине... Долго не мог отвести взгляда. Почему-то припомнилась фотография матери. Хотя лицо этой женщины, пожалуй, совсем не было похожим на материнское. Сходство объяснялось, видимо, тем, что свою мать Арлен представлял такой же красивой, одухотворенно спокойной.

— Как тебя звать? — спросил и сам удивился. Собственно только подумал, но вслух.

Женщина (она казалась заметно старше Арлена) посмотрела на него и чуть заметно улыбнулась, помедлила, словно сосредоточенно взвешивала что-то.

— Мария, — ответила тихо.

Год тому назад. Арлену тогда исполнилось двадцать шесть. А дождь шел седьмой месяц.

До окончания концерта он не проронил больше ни слова, чувствовал неловкость за свою бесцеремонность; хотя Мария и не обиделась, как ему показалось, он ругал себя: «Мальчишка! Невоспитанный мальчишка!» Но когда отзвучали цимбалы, умолкла свирель, когда затухающие звуки вытеснились постепенно нарастающим ярким светом и замороженные слушатели нехотя начали подниматься с кресел, а Мария словно в нерешительности направилась к выходу, он поравнялся с нею и спросил:

— Тебе понравилось?

— Разумеется, — сразу улыбнулась Мария, будто ждала вопроса. — Такие концерты сейчас просто редкость. И где они разыскивали все эти инструменты, такие старые и все еще действующие...

— Из музеев, должно быть...

— Да, да... Но звучат необыкновенно! Так просто и прекрасно. Правда?

— Где ты живешь? Не по пути ли нам, случаем?

Мария усмехнулась:

— Мы можем просто погулять... А тебя как звать, паренек?

— Арлен... Арлен Завира...

В тот вечер они несколько часов бродили под дождем, останавливаясь иногда под плаستيоновыми крышами остановок и садясь в полупустые салоны рейсовых гравитобусов, а потом вновь выходя в слякоть города. В тот волшебный вечер и дождь показался ему уместным, даже безобидным и веселым, он ласково ще-

котал лицо мелкими каплями. Арлен без умолку рассказывал Марии о себе, о том, как учился в университете, о работе на «Юлиоре», о своих отце, матери, хотя и не сказал ни разу, что Мария чем-то напомнила ему маму. Мария слушала и чуть заметно улыбалась, но о себе не рассказала ничего.

Они договорились о встрече на следующий же день. И Арлен как на крыльях летел к центральному городскому парку. Мария пришла. Она показалась ему намного моложе, еще прекраснее, чем вчера. Ходили по парку, вышли к озеру и говорили, говорили, говорили... Оба удивлялись, им есть о чем рассказывать друг другу, да так много и с таким восторгом! Арлена несколько не обижало, что Мария называет его мальчиком... «Мой милый мальчик», — как-то произнесла она. Арлен зажмурился от удивительного чувства восторга, нежности и чего-то неведомого.

Сказать, что Арлен впервые за свои двадцать шесть лет полюбил — так нет. Но никогда еще это чувство не было таким всепоглощающим и таким... болезненным. Он ощущал удивительное очищение, самосожжение; как постепенно дематериализуется, лишается воли, лишается всех желаний, кроме единственного — видеть Марию каждую минуту, только ее, а все остальное, весь окружающий мир пусть провалится хоть в тартарары навсегда!

Под большим зонтом они сидели на берегу озера. Водяная поверхность трепетала, вся исклеванная каплями. Видеть ее! Ежеминутно видеть! Он гладил ладонью ее золотистые волосы. Мария не возражала, лишь мило улыбалась.

— Поцелуй меня, — попросила внезапно.

На следующий день Арлен не пошел на работу. Бионкибер Дасий заменил его. И Мария тоже не работала. Они снова весь день просидели на берегу озера. Любовались, как зыбится, дрожит небольшое озерцо, ихлестанное дождем. Разговаривали и целовались, Арлен

фантазировал о будущей их жизни, а Мария слушала и посмеивалась странно. О себе она не рассказывала почти ничего, лишь смотрела на него кротко и время от времени тихо просила: «Поцелуй меня, Арлен... Так все неспокойно...»

Вместе они пробыли три дня. А на четвертый Мария не пришла. Арлен просидел весь день под большим зонтом на берегу озера один, слушая монотонный шелест дождя.

«Чем заполнить наступившую пустоту, Мария?! Отчего так? Странная тревога за будущее гложет меня. В чем выход? Чувство бесплодности всех моих усилий. Все надежды иллюзорны, они неизбежно рушатся. Нужно работать! Только труд может избавить человека от... отчаяния. Какого отчаяния? Сам не знаю. Но чувствую, что начинаю сходить с ума. Жизнь кажется абсолютно лишенной здравого смысла. Для чего я живу? Какая серость, однообразие вокруг! Так дальше продолжаться не может! Но что будет? Где Мария? Почему она оставила меня? И я ничего о ней не знаю... Трезвость мышления придет, когда уляжется страсть... Я не хочу жить!»

«В Академию наук

Немедленно сформировать специальную комиссию по изучению воздействия белоозерской гелиобульерной установки «Юлиора» на жизнь и психическое состояние людей и биокИБЕРОВ. Вплоть до полного изучения влияния неожиданного фактора воздействия приостановить проектирование и прекратить строительство других подобных объектов.

Председатель всемирного совета — Иван Моревиль».

— Так тоскливо, Арлен. И так не хочется вставать...

— Но ничего не поделаешь — пора. Иначе ты опоздаешь на комбинат.

— А-а-а, и зачем все это...

— Не говори глупости. Сейчас почувствуешь себя беднее.

Завира высунул руку из-под одеяла и нажал желтую кнопку на стене. Из овальной ниши домашнего синтезатора выплыл поднос с утренним кофе и завтраком.

— Зачем ты говоришь неправду?

— Почему неправду, Ольга?

— Я чувствую, ты меня обманываешь.

— Ну что ты говоришь, Ольга?! Вот, девочка моя, пей горячий, ароматный...

— Меня утешаешь, но сам не веришь в это...

— Ты просто не проснулась еще. Пей кофе... — и поцеловал ее плечо.

Она вздрогнула от поцелуя, будто он ее укусил.

— Что с тобою, Ольга?

— Ты меня не любишь.

Арлен как-то страдальчески, беспомощно улыбнулся:

— Какая ты смешная...

— Нет любви в твоих глазах. Когда приходит любовь — тогда все-все совсем не так...

— А как, Ольга?

— Не знаю... Но не так.

— Сегодня ты опоздаешь-таки на комбинат.

— Хватит. Еще вчера ты не казался мне таким нудным, как... как дождь. Лучше бы я пошла в кино. Микола Чук в главной роли.

— Сегодня ты опоздаешь...

— Я вообще не пойду сегодня на комбинат.

— Так позвони...

— Сами найдут замену. Любой биокибер сможет заменить...

— Прощу, позвони...

— Зануда ты, и я жалею, что пришла к тебе.

— Ольга...

— И все, что ты говорил про детей, такое же нудное, как и ты сам... Ничего у нас не будет.

— Выпей кофе.

— Не раскрывай меня. У тебя холодно.

— У меня холодно?

— У кого же, конечно, у тебя. А у меня всегда тепло. У меня мама любит, когда в комнате тепло и никогда не выключает отопления... Укрой меня. Я не хочу кофе. И задерни шторы, не могу видеть, как хлещет этот проклятый дождь.

— Ольда, ты такая капризная. Такая...

— Какая? Я не нравлюсь тебе? А только что целовал, говорил, что любишь.

— Ольда...

— Я боюсь...

— Чего ты боишься?

— Я не знаю. Родить, пожалуй... Может, сдадим образцы клеток, ну генотипы... И пускай на комбинате...

— Тебе не хочется самой?..

— Тебе это все равно... А мне — страшно.

— Ольда, я люблю тебя.

— Арлен... А ты слышал, о чем говорят всюду, что... твой бульер...

— Слышал. Это лишь предположения...

— Я сама чувствую — все правда. Когда не было еще твоей «Юлиоры», все было хорошо. Ты меня слышишь, Арлен?

— Что?

— О чем ты думаешь?

— Так просто... Не хочу думать про дождь.

— Твой отец уже ушел?

— Не знаю, не слышал. Пожалуй, ушел. Он всегда очень рано уходит в клинику. А сейчас там у них какой-то писатель. О клинике и об отце пишет...

— Писатель? А как его зовут?

— Не помню точно. Кажется, Алекс Рилл...

Ольда внезапно рассмеялась звонко и неудержимо:

- Говоришь, Алекс Рилл?
- Кажется.
- Это же мой отец.
- Правда? А мать у тебя кто?
- Мама у меня химик. А твоя?
- Моя была певицей... Марта Урбан...
- Прекрасный голос. У отца есть три диска записи. Она погибла?
- Да... Мне тогда всего семь лет было...

«Дорогой Дасий!

Можешь удивляться, но я боюсь выходить из гостиничного номера. И боюсь не за себя. Странное состояние у меня сейчас. Всего несколько часов назад, когда мы разговаривали у тебя в бульерной, я вроде бы не замечал ничего особенного, хотя какое-то подсознательное раздражение, видимо, копилось. Сегодня четвертый день моего пребывания в Белоозере... Вроде бы продолжаю все воспринимать и рассуждать так, как и раньше, но... тело мое равнодушно к любым проявлениям разума, оно словно само по себе, пытается что-то делать, куда-то стремится и... Прими, Дасий, эту мою «исповедь», как сеанс лечебного самоанализа. Мое тело переполнено непонятым желанием разрушать, разрушать все подряд — словом, мыслью, руками, всем своим существом... Я боюсь выходить из номера. Тело не подвластно мне. Но пока удастся лежать на диване и лишь представлять (эти видения возникают невольно), как я бью, чуть ли не убиваю себе подобных за их тщедушность, серость, как разбиваю свою «Юлиору»...

Странное состояние, Дасий. Только теперь я понимаю всю серьезность твоих предположений. За окном сеет и сеет дождь. Все такое серое, безликое, однообразное, навевающее безразли-

чие... Мне стыдно, Дасий, что это я — создатель этой слякоти, создатель пресыщенного безумия. Я подарил белоозерцам море энергии, возможность осуществить любую прихоть... И этим самым отобрал у них СОЛНЦЕ; и что ужасней всего — мог отобрать его и у всей планеты. Я — создатель, творец пресыщенного безумия, Дасий. Сознаюсь. Если я приду к тебе в бульерную, не пускай меня... Я ее уничтожу, свою «Юлиору»... Необходимо максимально ускорить работу комиссии. Хотя мне и без выводов комиссии все ясно. «Юлиору» нужно остановить. Но нужна и официальная санкция. Заранее надо проинформировать все население, чтобы избежать возможных недоразумений, связанных, на первых порах, с энергетическим кризисом... Я знаю, что приду, приду непременно! Я уничтожу ее! Не пускай меня, Дасий!»

Писатель Алекс Рилл вернулся домой из клиники, где уже второй месяц собирал и готовил материал для нового романа.

Стоял у окна и смотрел сквозь морось на соседний дом, казавшийся размытым рисунком, поцарапанным, многократно демонстрировавшимся фильмом. Тихо. Сыро. Двадцать седьмой этаж. На улице смеркается. А где-то за необозримой дождевой толщей, позади туч солнце садится за горизонт.

Рилл достал из кармана диктофон, включил одну из бесед с профессором Григорием Завиroy:

«Как я заметил, вы большую часть своего времени проводите в клинике, профессор».

«Вполне возможно. Я не подсчитывал. Но, безусловно, именно в клинике я нахожу истинное счастье».

«Скажите, сегодняшняя операция отличалась чем-то от других, проводимых ранее, или все было привычно и заранее предусмотрено?»

«А ваш будущий роман будет чем-то отличаться от предыдущих?»

«Согласен. Мой вопрос нескладен. Но вы меня поняли?»

«Пойдемте лучше выпьем боро, Алекс. И там продолжим. Я немного устал...»

Освещенные окна противоположного дома были похожи сквозь мокрое стекло и дождевые нити на разбухших оранжевых пауков. Где жена? Задержалась на работе? Ольда, кажется, сегодня в ночной смене...

«Знаете, Алекс, я немного с пренебрежением отношусь к писателям. И не скрываю этого... Они — невежды».

«Профессор, вы тоже написали две книги, и я вправе назвать вас писателем».

«Вы читали мои книги?»

«Безусловно».

«Так разве я пишу так, как пишут писатели?»

«Нет, не так...»

«Вот видите!»

«Вы пишете намного хуже. Ваши книги, к сожалению, не имеют никакой литературной ценности. Если бы они принадлежали другому человеку, никто и никогда не подумал бы их читать...»

«Вы обиделись, Алекс, так как я назвал писателей невеждами. Ха-ха-ха... Ну, простите. Вы, вижу, из зубастых. Интересно, вы всю жизнь были только литератором, Алекс?»

«Вообще-то, да. Но у меня гуманитарное, медицинское и техническое образование. Три года я работал врачом в клинике Буля. Был водителем тяжелого триангуляра на строительстве. Имел три персональных выставки оригинальных декоративных работ».

«Так вы, оказывается, не только писатель. Умеете не только писать. Это похвально».

«И потому, думаю, мои произведения не пользуются

большой популярностью. Чувствую, им действительно недостает профессионального уровня».

«Вы жаждете славы?»

«Нет. Просто хочется, хотя бы в чем-то, почувствовать собственное совершенство».

«Совершенство только смерть. Извините, если эти слова покажутся вам странными. Но я действительно так думаю. Особенно в последнее время. Этот дождь невольно настраивает на размышления. Совершенство только смерть. Смерть — истинное равновесие, эталон завершенности. А жизнь — всего лишь умение некоторое время поддерживать градиент смещения в свою пользу. Вы должны понять глубину этой мысли, а не воспринимать мои суждения как софистическое пустословие».

«Эта философия не для повседневного пользования».

«Да. А вам действительно не нравятся мои книги?»

«Вы продолжаете думать, что я сказал так под влиянием обиды? Нет. Мне и вправду не нравятся ваши книги».

«Почему?»

«Ничего нового...»

«Я пишу о жизни медиков... Пишу без единого слова выдумки. Но вас, безусловно, не удивит никакой откровенностью...»

«Никого не удивите. И не нужно удивлять. Писатель должен не удивлять, а быть прекрасным кулинаром, чтобы люди, читая, не ощущали духовного голода. Писатель должен кормить... А ваши произведения — всего лишь правдивые полуфабрикаты».

«Гм... гм...»

Алекс Рилл щелкнул тумблером, выключая диктофон.

Огни окон ближайшего дома походили сквозь дождевую завесу на глаза фантастических глубоководных рыб. Припомнилась давнишняя прогулка в батискафе. Когда еще был студентом-филологом, чуть ли не каж-

дое лето отправлялись на Канарские острова и однажды все же дотолпились до старенького, основательно потрепанного, хотя и блестевшего новой краской, бати-скафа, дождались очереди опуститься на морское дно... Алексу Риллу почему-то запомнились больше всего глаза глубоководных рыб.

За окном — все тот же дождь и глубокая ночь. Вечерний ультрамарин давно сменился чернотой беспросветности.

Где жена? Задержалась на работе? Вполне вероятно...

«Зачем я пришел домой так рано? А может, случилось что? У нее на каждом шагу случайности... Она решительна до безумия, готова сама очутиться в реакторе, только бы настоять на своем. Однажды лежала даже в больнице профессора Леонтьева с сильными ожогами. Сколько тогда пережито! Она могла погибнуть. Но пощастливилось... Роман «Статус-кво», собственно, об этом — о химиках, о жене, о постоянной опасности, на которую обречены настоящие творцы, искатели нового... Где она сейчас? Может, она теперь всегда приходит так поздно? Или я сегодня вернулся слишком рано?»

Жена не раз упрекала его в вечной занятости — «твое появление дома, как праздник для семьи». Он обижался на ее замечания: «Я работаю».

Алекс Рилл, стоя у окна, представлял, как жена возвращается с работы, с противоположного конца города. Нужно перейти магистраль. Это безопасно — обычный подземный переход... Потом — двадцать третий маршрут вертолета... При дожде ступеньки и поручни капсулы мокрые... Могла поскользнуться...

Она так неосторожна. Каждую минуту думает о работе. А потом ей нужно выйти на пневмомagистраль. От остановки вертолета идти воздушным виадуком... Рассказывали — неделю назад на том виадуке произошел несчастный случай. И все из-за дурацкого дождя... Поговаривают, все дело в «Юлиоре». Вполне возможно.

Вдруг засветился экран видеофона, на нем всплыло лицо незнакомого мужчины.

— Добрый вечер, — поздоровался он с экрана. — Это квартира семьи Рилл?

— Да.

— Мария Рилл дома?

— К сожалению, нет... Передать ей что-нибудь?

— Нет, нет... Извините.

И экран погас так же неожиданно, как и включился.

Человек был совсем незнаком писателю. «Кто этот малый? Почему он спрашивал Марию?.. И где, наконец, жена? Что за молодой человек спрашивал ее?» Неожиданно для самого себя Алекс связал вызов по видеофону с отсутствием жены и затем никак не мог избавиться от навязчивых мыслей. «А любит ли меня Мария? Многие годы мы вроде не задумывались и не говорили об этом — продолжаем ли мы любить друг друга. Но жизнь не обманешь, как себя... Может, Мария сейчас торопится к тому. И они вдвоем просто будут ходить под дождем, ревниво ловя каждое слово, каждый взгляд, каждое касание рук другого... Глупости! Этого не может быть. Пожалуй, что-то случилось...»

Алекс Рилл прошелся по комнате. На столе — оранжевая шляпка Марии с аппликацией из смушки, за стеклом книжного шкафа — тома ее рабочих библиоскопов, на диване — небрежно брошенное голубое платье... Неряшливость ей несвойственна — значит, Мария очень спешила. Писатель подошел к зеркалу и посмотрелся в него, критически сравнивая себя с молодым человеком, говорившим с ним с экрана видеофона. Конечно, незнакомец намного моложе. А у Алекса уже виски серебрятся. Но Мария уверяет, что седина его украшает. Возможно, но *тот*, молодой, красив и без седины... Нет, не может быть! Он бы заметил, если б Мария кого-то полюбила. «А не излишне ли самоуверен он, писатель, считающий себя знатоком человеческой психологии?»

Дождь за окном усилился или просто изменил на-

правление и барабанил прямо в стекла. Приглушенный шум дождя по окнам наполнял сердце необъяснимым отчаянием, чувством бессилия и беспомощности. Он гнал от себя мучительное чувство ревности, но оно серым призраком шептало, шелестело под стать дождю.

«Что же произошло? Незачем было приходить домой так рано... Мокрые ступеньки и поручни капсулы... Неделю назад на воздушном виадуке... несчастный случай... Нужно садиться за стол и работать...»

Подсознательно понимал — не сможет написать ни строчки, даже самой заваливающей, не то что стоящей мысли. Что произошло?

И совсем неожиданно, вслед за прошедшей волной ревности, подобно взрыву заполнил его *СТРАХ*. Непостижимый и всеобъемлющий. *СТРАХ* перед дождем, перед воздушными виадуками и перед геликоптрами, перед самим собой... Его угнетали стены квартиры, экраны телеинформатора, видеофона...

Алекс Рилл застонал от душевного гнета, невыносимого напряжения. Ринулся в прихожую, нервными, судорожными движениями накинуд на плечи плащ... «Искать! Немедленно искать! Но где?.. Или позвонить куда? В «Скорую помощь»? На ее работу?»

Решительно распахнул дверь, вышел, кинулся навстречу неудержимому потоку своего страха, своей ревности, своего смятения...

И сразу увидел их. Мария с Ольдой шли от кабины пневмолифта. Серый плащ Марии тихо шелестел в такт ее движениям. На полях серой шляпки поблескивало мелкое озерцо дождевой воды.

— Ты уже дома? Так рано? Что случилось?!

Мария сняла шляпку и выплеснула озерцо на пол, вытерла платочком мокрое лицо.

— Что случилось, Алекс? Почему ты так рано?

— Ничего не случилось...

Ольда, не глядя на отца, направилась к двери квартиры.

— Разве сегодня ты не работаешь? — обратился он к дочери.

— Нет... Мне нужно отдохнуть. Я взяла отпуск.

— Где вы были?

— Мы забрали заказанных ламантинов, чтобы приготовить тебе ужин. Ты сам просил ламантинов в соусе...

— Так... — через силу выдавил из себя Алекс Рилл, чувствуя, как что-то хрупкое в нем постепенно распадается все мельче и мельче, ничего не оставляя от себя... И волны вспыхнувшей вновь любви и мучительной ревности, вдруг столкнувшись, рассыпались мертвой зыбью безразличия и отвращения ко всему на свете.

— Тебе кто-то звонил.

— Кто?

— Я его не знаю.

— Просил что-нибудь передать?

— Хотел видеть лично.

Мария с Ольдой вошли в квартиру и сразу, не раздеваясь, направились в комнату Ольды. Он, с удивлением глядя на них, спросил:

— Почему вы не раздеваетесь?

— А? Что ты говоришь, Алекс? Нам с Ольдой нужно поговорить...

Они закрыли за собой дверь, и он остался в коридоре один. «Мы все стали чужими. Каждый живет отшельником. Ну о чем им *нужно* поговорить? О всяких глупостях...» Он подошел к двери и резко распахнул ее, остановившись на пороге.

Мария и Ольга, так и не раздевшись, сидели в противоположных углах комнаты в креслах и молча смотрели друг на друга. Алекс долго пытался перехватить взгляд жены или дочери. Но они, погруженные в свои мысли, словно не замечали его.

«Сумасшедший дом! Поговорить им нужно! Всем я чужой. Никого и ничто не объединяет. Только дождь. Этот прекрасный, чудный дождь. Если б не он, так и

не собрались бы вечером все вместе. Вся семья! Никто даже смотреть не желает на него... Они красивы... И так похожи... Когда-то, неужели это было?.. Было! И тогда все казалось иным. Он любил! Любил всех! Любил весь мир. И себя любил... Ненавижу! Золотистые локоны ненавижу! Себя ненавижу. Люблю только дождь. Я сизмальства любил дождь».

— Ты ждешь ламантинов? — вяло улыбнулась Мария. — Я все сделаю, но... немного погодя.

«Как все просто. Он, оказывается, стоит на пороге в ожидании любимого блюда. Какое глубокое понимание! Еще бы, двадцать лет прожили вместе. Манекены! Бездушные, красивые манекены!»

Нескрываемая ненависть к жене и дочери переполнила его. Маска отвращения и презрения обезобразила лицо писателя. Он резко повернулся и стремглав выскочил из квартиры.

«Я с детства любил дожди... Только дожди!»

«От специальной комиссии!

Неопровержимо доказано, что гелиобульберная установка «Юлиора» является источником мощного К-лептического излучения, которое вызывает постоянное конденсирование влаги над Белоозером и приводит к серьезным нарушениям психики людей за счет возбуждения ассоциативных участков мозга.

Считается совершенно необходимой немедленная остановка «Юлиоры», несмотря на последствия, которые вызовет эта акция. Город нужно перевести на прежние системы энергообеспечения до полного выяснения возможности нейтрализации К-лептического излучения.

Население Белоозера должно быть широко информировано о предстоящей остановке «Юлиоры», чтобы предупредить возможную панику,

беззащитность и тому подобное при временном энергетическом голоде.

Председатель специальной комиссии — биокибер Раг»

Григорий Завира встал из-за письменного стола домашнего кабинета, вошел в соседнюю комнату.

Наталья лежала, свернувшись калачиком, под розовым, блестящим от света ночника, одеялом. Она сладко спала. Длинные черные волосы струились по белоснежной подушке, огибая обнаженное плечо. Григорий Завира долго стоял на пороге комнаты и любовался ею. Женщина глубоко вздохнула во сне. Завира подошел ближе, взял стул и сел рядом с кроватью...

...Еще утром, до начала первой операции, профессор встретился взглядом с Натальей Бильц и почувствовал вдруг, что его собственный взгляд изменился. Глаза слегка прищурились, улыбаясь и излучая тепло, непостижимым образом оказавшееся в душе профессора.

— Доброе утро! — и внезапно ее улыбка, улыбка Натальи Бильц, показалась Завире живой и искренней.

За Натальей следовали два биокибера, они уже второй год вместе с нею работали во время операций в одной бригаде биохимической экспресс-диагностики.

— Как настроение, Грациан, Гвидон?

Биокиберы ничего не ответили, лишь сдержанно поздоровались с профессором.

Операцию начали, как всегда, в девять, подготовив все необходимое. Потом пришел писатель, Алекс Рилл. По своему обыкновению он опоздал, почти вбежал в операционную, путаясь в полах стерильного халата...

...Наталья снова глубоко вздохнула, и профессор вздрогнул, возвращаясь из воспоминаний такого удивительного и прекрасного, но призрачного, нереального дня. Он смотрел на Наталью, на ее плечо в свете розового ночника... Эта молодая женщина, вчера еще чужая, вчера еще — кукла с холодным мертвым взглядом, казалась сейчас самым родным существом. И даже

воспоминания о Марте не были мучительными, ему казалось, будто именно она — его жена — лежит сейчас, свернувшись калачиком, под розовым одеялом, словно Марта Урбан вернулась к нему через двадцать лет разлуки, совсем иная, но именно она, воплотившаяся в самое дорогое сейчас для него существо. Профессор наклонился, ласково провел ладонью по черным локонам на белой подушке...

...Когда закончилась операция, Наталья сама подошла к нему и, улыбнувшись, тихо сказала:

— Вы молодец, профессор.

Она говорила это не впервые. Но Завире показалось, что сегодня ее улыбка была по-детски искренней и восторженной, и он ответил не как всегда сухо и официально — «Спасибо. Всем спасибо за помощь», — он тоже улыбнулся и долго подыскивал для нее слова теплее. Но так и не нашелся, что ответить, стоял и смотрел, улыбаясь, на Наталью.

— Как ваш сын, профессор? — внезапно спросила Бильц, стараясь спасти его от минутной беспомощности.

— Сын? — переспросил Завира удивленно.

— Да. Он, наверно, красивый... Похож он на вас, профессор?

А в голове Завиры вдруг вспыхнула прекрасная мысль:

— А пойдемте-ка ко мне. Сегодня. Сейчас же.

Во взгляде Бильц мелькнула искорка холодного огня, а губы тронула едва заметная улыбка победителя — красивая улыбка, благородная, хищная.

— В самом деле, пойдемте. Незачем нам разыгрывать из себя... — но не смог подобрать нужного слова, все оставив недосказанным.

Наталья улыбалась...

...Профессор нежно провел ладонью по черным струящимся волосам, склонился, поцеловал их и позвал тихо:

— Натали...

Она продолжала ровно и глубоко дышать. Красивая...

— Натали, — позвал громче, проникновенно и взволнованно, погладил ладонью плечо.

Она медленно открыла глаза и бездумно смотрела на него.

— Чего тебе? — спросила, не скрывая раздражения.

— Ничего, Натали... — ответил Завира и поцеловал ее.

— Я хочу спать, — сказала обиженно и презрительно, резко поворачиваясь к стене и плотнее укрываясь одеялом.

«Может, ей хочется, чтобы я говорил о своей большой любви? Почему она так? Это жестоко! Ей хочется, чтобы я унижался?»

И вновь все вернулось: неприязнь к Наталье Бильц, к постоянному дождю, ко всему на свете, к самой жизни — ожило, разбухая.

«К чему все это? Сколько времени жил один, и вдруг на тебе... Умолять, просить?! Глупец! Простая хитрость природы заставить каждого оставить после себя потомство. И с ним было такое прежде. А теперь? Рудимент! Атавизм! Кукла со взглядом микроскопа! Для нее вполне достаточно, что профессор пригласил ее к себе. И очень приятно приневолить профессора умолять ее о любви! Нет, к черту! Нужно работать. Работать!»

Григорий Завира поднялся и неуверенной походкой направился в кабинет. Сел за старинный письменный стол. Пытался забыть обо всем, отключиться полностью. Старался сосредоточиться на теме последних исследований: «Изучение работы митохондриальных структур в клетках под воздействием...» За окном заунывно шумел дождь. Из соседней комнаты доносилась приглушенная музыка транслятора. Там сын. Взрослый сын, у которого свои заботы, своя жизнь, совершенно не ведомая отцу, абсолютно чужая и совсем не интересующая Гри-

гория... «Когда я в последний раз говорил с сыном? Давно... Пожалуй, когда еще не было дождя... Разве когда-то не было дождя? А не сесть ли на первый же гравитобус и отправиться... куда-нибудь. Увидеть СОЛНЦЕ. Ну что за глупости! Я просто устал. Нужно хотя бы немного поспать. При чем тут какой-то гравитобус? Столько неотложной работы... «...митохондриальные структуры...». Очень важная тема. От нее зависит жизнь и здоровье многих людей, да и биокиберов тоже, развитие биологической мысли... Чушь! Разве я радею о развитии биологической мысли? Шут! Паяц! Просто я хочу сделать то, чего не сделал еще никто, а именно я, Григорий Завира! Жажду славы? Да! Да! Конечно, жажду славы! Но последние три операции абсолютно неудачны. Один пациент умер. А тут еще надоедливый писателишка ни на минуту не отходит, болтает о призвании медика... Арлен давно уже взрослый... Что он там у себя делает? Что за черт, никак не могу сосредоточиться. Голова как свинцом налита. Глаза сами слипаются, но спать не хочу. А что я хочу? Славы! Какие глупости. Что такое слава? Это всего лишь — видеть солнце, яркое, теплое, красивое, животворящее. Хочу быть солнцем, чтобы мне улыбались и отводили глаза, не в силах вытерпеть сияние...»

«Внимание, жители Белоозера!

К сведению каждого жителя Белоозера! Непровержимо доказано существование вредного воздействия гелиобульберной установки «Юлиора» на климат и здоровье людей и биокиберов!

Завтра в двенадцать часов энергетическая установка «Юлиора» будет остановлена для изучения возможности нейтрализации вредного К-лептического излучения.

Сохраняйте спокойствие! Город будет переведен на прежние системы энергообеспечения, что, безусловно, сильно скажется на жизни белоозерцев, которые уже в течение года могли удовлет-

ворять абсолютно все свои энергетические потребности. Но наша сила, сила мыслящих существ, не в том, как много мы потребляем энергии, а в том, что мы можем создавать такие установки, как «Юлиора», и не только создавать, но и решиться их остановить, не оставаясь слепыми рабами дешевой, почти даровой, энергии.

Вредность К-лентического излучения доказана неопровержимо!

Завтра в двенадцать часов «Юлиора» будет остановлена!

Сохраниайте спокойствие!

Городской совет»

— Арлен... Я рассказала маме...

— О чем?

— О нас с тобой...

— Ну так что? — Арлен зевнул и закрыл глаза, откинувшись в глубоком кресле.

— Она так долго плакала, а потом...

— Почему плакала?

— Она у меня странная немного, то плачет, то смеется...

— Больная?

— Нет, просто стала какая-то странная. Я уже с ней не могу разговаривать... Теперь у нее что ни слово, все о дожде.

— Так сейчас все говорят лишь о дожде.

— Арлен, мою маму...

— Завтра остановят «Юлиору»...

— Постой, Арлен. Она хочет тебя видеть. Идем к нам...

— Сейчас?

— Да-да... Она ждет...

— Какие глупости! Как-нибудь зайдем... Я думаю о том, что когда «Юлиору» остановят, нам всем придется туго...

— Арлен, послушай: мою маму зовут... Марией...

— Что? — равнодушно переспросил Арлен, продолжая думать о «Юлиоре».

— Она просила передать тебе, что ее зовут Марией... И она хочет тебя повидать... Ты только прости, она у меня немного со странностями. Но она добрая... Пойдем, пожалуйста!

— Ты говоришь — Марией?..

«Мария, Мария, что ты делаешь со мной? Я не могу даже сердиться на тебя, мне совершенно не за что сердиться на тебя. Как хочется верить: все — лишь простое недоразумение. Ты исчезла. Неужели я надоел тебе за те мимолетные дни нашего (возможно, только моего?) счастья. Зачем же тогда говорила такие теплые, нежные слова? И у меня не найдется ни слова упрека. Но сможешь ли ты посмотреть мне тогда в глаза?»

— Марией? И она просила передать...

— Арлен, что с тобой?

— Марией? — крикнул он.

— Арлен!..

Он выбежал из комнаты, бросился к двери из квартиры, распахнул ее и бежал уже к лифту, как вдруг опомнился, повернулся к Ольде и истерично позвал:

— Ну что же ты сидишь? Идем!

Девушка испуганно поднялась.

— Идем! Идем! — торопил он хрипло, сдерживая рыдания.

Ольда нехотя, с опаской тронулась за ним.

Из соседней комнаты вышел мрачный Григорий Завира, остановился на пороге.

— Что случилось, Арлен? — спросил тихо.

— Что? — Арлен порывисто обернулся, словно ему выстрелили в спину, уставился на отца: — Ты... дома?..

— Что случилось, Арлен?

— Почему ты дома?! — закричал сын. — Почему ты не в клинике? Без тебя там все больные поумирают? — Арлен нервно рассмеялся и закрыл глаза, су-

дорожно вздрагивая всем телом. — Пошли! — резко приказал Ольде, овладевая собой.

Они взяли такси. Арлен всю дорогу молчал. И, только выйдя из кабины, когда перебежали под дождем к дому Ольды, он спросил, сдерживая частое от бега дыхание:

— Почему... ты не говорила... раньше...

Поднялись на двадцать седьмой этаж, Ольга открыла дверь квартиры, вошли... Из какой-то комнаты доносилась приглушенная дробь автоматической машинки. Ольга разделась, а Арлен, выскочивший из дома в легком костюме, мокрый от дождя, нервно переступал с ноги на ногу.

— Где Мария?

— Арлен... Ты знаком с моей мамой?

— Где она?

— Пойдем...

Ольда открыла дверь и испуганно застыла на пороге.

— Мама! — вскрикнула она. — Мама, что с тобой? — спросила, несмело входя в комнату.

Арлен, помешкав, быстро вошел следом и увидел... Марию. Свою Марию! Она сидела на полу под знакомым оранжевым зонтом и бездумно смотрела перед собой в окно. Он побежал и опустился на колени рядом с ней. Хотел заглянуть Марии в глаза, но она зажмурилась.

— Я знала, ты меня найдешь, Арлен, — сказала совсем тихо. — Ты видишь, все озеро исклевано каплями...

— Ма-ама!

В окно звонко барабанил дождь.

— Арлен, мальчик, вот озеро, и наш зонт, и наш пригорок, где мы любили беседовать... И ты наконец-то пришел, нашел меня... Спасибо, мой мальчик...

Она сидела на полу с закрытыми глазами, и золотистые ее волосы струйками стекали на плечи.

— Мама... мама... — всхлипывая, повторяла Ольга.

— Кто ты? — Мария слегка приоткрыла глаза и удивленно подняла брови.

— Мама, это я... твоя...

— Я тебя не знаю. Кто ты? Зачем пришла эта красивая девушка?

— Мария...

— Поцелуй меня.

— Мама!

— Садись, Арлен, посмотри, как трепещет вода, а я расскажу о себе. Арлен, ты слышишь? Поцелуй меня...

Арлен не выдержал и разрыдался.

«Дружище Дасий!»

Вчера я вынужден был покинуть Белоозеро, почувствовав, что мое пребывание у вас может закончиться трагически. Нервы мои на пределе... Не знаю я тогда в чем дело, то, безусловно, искал бы какие-то другие причины своего состояния, пытаюсь их предотвратить, и смог бы наделать много непоправимых глупостей... Сейчас даже подумать страшно. Я мог даже решиться, мне нестерпимо хотелось этого — взорвать «Юлиору»... Но хватит об этом, сейчас над моей тогдашней хандрой можно только посмеяться. Завтра «Юлиора» будет остановлена, и, надеюсь, все быстро нормализуется. Только бы побыстрее создать надежные К-лептические фильтры.

Извини меня за прошлый скепсис и недоверие. Теперь я понимаю, что старым друзьям нельзя не верить. Досадно одно, очень поздно мы начали предпринимать решительные меры, Дасий. Очень поздно. Но никто не избавлен от ошибок. Итак, до встречи под СОЛНЦЕМ. Прощу еще раз, прости меня, друг.

Твой Андрей Стиг»

Алекс Рилл сидел запершись в своем кабинете и пытался работать. Он уже второй день не выходил обедать. Не слышал ни посторонних шагов, ни голосов, вообще ничто не касалось его слуха, кроме дождя, конечно. Но, как ни старался, не мог сосредоточиться, он словно окаменел. Откинувшись в кресле за столом, тупо уставился на очередную, недописанную страничку романа о врачах, о себе, о самой жизни, в которой так много условностей, но, должно быть, и много вполне однозначных истин... Алекс Рилл никак не мог найти все время ускользающую мысль, нужную для осознания высшей жизненной сути, вне дождя и слякоти, вне достижений цивилизации и людского стремления к дармовому счастью; какое-то болезненное чувство внутреннего провала, пустоты тормозило мысль. Портативная «Электроника» вяло жужжала уставшей мухой.

Мысли о жизни и смерти, о бессмысленности существования под постоянным дождем переходили в мысли о творчестве, о единственной правде жизни и творчества. Но что писать? Как? Будет ли кто читать? Хлещет дождь за окном. Он накладывает печать неизъяснимой грусти на все. На каждый образ и каждую мысль, на каждый поступок и каждую строчку... Зачем писать? Чтобы развеселить эти серые, мрачные лица? Но их ничем не удивить — не развеселишь, не опечалишь, как не развлечешь и самого себя. Правда жизни — это дождь за окном и такие же, как дождь, бесцветные попытки что-то делать, действовать, радоваться чему-то. Только попытки... не более. И правда эта никогда не станет правдой искусства, правдой прекрасного дворца, где человек — единственный повелитель и властелин. Любить жизнь и быть советчиком людей! Значит любить дождь? Лгать о радости каждого прожитого дня! День жизни — это бесконечный день дождя. И каждое слово: будь то о Григории Завире, или о его сложных операциях, или о Марте Урбан, или о самом себе, наконец, — каждое слово будет мертвым. Будет мертвым, сможет

лишь напоминать о живом. Напоминать о живом, но никому не должно напоминать о дожде. И каждое слово будет красивым... Бездна чудовищной пропасти...

«Дорогой Андрей!

Какое-то смешное, странное чувство охватило меня сегодня с самого утра. Кажется, я в последний раз вижу все окружающее меня. И эти слова мои, обращенные к тебе, кажутся последними словами моей последней видеополосы. Смешно, не правда ли? Но это так... И, пожалуй, ничего странного все же нет, потому что я уже очень стар. Ничто не вечно. Но тешу себя надеждой: как только остановим завтра «Юлиору», все мои страхи пройдут. Может, и на меня тоже действует К-лептическое излучение. И, может, завтра я вместе со всеми снова увижу солнце. СОЛНЦЕ! Даже не представляю, как мы могли больше года не видеть солнца! Но какое-то странное предчувствие охватило меня, как предчувствие беды. Хотя функционирую вполне нормально, но... Все же что-то со мною происходит.

Извини, Андрей, такими глупостями, пустой болтовней отрываю тебя от дела. Ты посмеешься надо мной при встрече. Если встретимся... А если нет, то прощай. Желаю тебе всего наилучшего. А главное — желаю тебе увидеть СОЛНЦЕ у нас в Белоозере!

Твой биокибер Дасий»

Биокибер Дасий поднялся из-за стола и удивленно взглянул на Арлена. Тот вошел необычно сгорбленный и остановился возле энергетического щита, держась за рычаг пускового стабилизатора, словно боялся упасть. По плащу скатывались большие капли, падавшие с его широкополой шляпы, когда Арлен наклонял голову.

— Ты свободен, Дасий... Я пришел, и ты можешь идти. Сегодня я подежурю.

— Арлен, сегодня...

— Ты свободен, Дасий!

Биокибер смотрел на его покачивающуюся фигуру и думал, сказать ли Арлену о распоряжении биокибера Рага. А распоряжение было вполне определенным: «До окончательного изготовления и налаживания системы нейтрализации К-лептического излучения каждому биокиберу постоянно контролировать деятельность людей, которые очень подвержены воздействию этого фактора, и стараться вообще отстранить людей от работы в местах наибольшего излучения».

— Ты свободен, Дасий, сколько раз тебе повторять.

— Что случилось, Арлен? Ты бледен... Почему ты пришел сегодня, и почему в таком состоянии?

Арлен медленно разделся, бросив плащ прямо на пол, там где стоял, поверх него швырнул шляпу. Затем подошел к столу, к Дасию.

— Ты свободен, — повторил угрюмо.

— Я никуда не уйду, Арлен. Ответь мне — что случилось? — спросил кибер как можно мягче.

— Ничего... Я хочу вернуть тебе долг. Помнишь, ты работал за меня... Все нормально... — процедил сквозь зубы Арлен и уселся за стол. — Я буду работать сегодня, — опустил голову и долго сидел неподвижно.

Дасий смотрел на него с сочувствием, не зная, чем помочь.

Завира вдруг поднялся и начал, нервничая, ходить по залу. Остановился около прозрачной колонны сублиматора и с неизъяснимым отчаянием следил за золотящимся туманом реакции в толще прозрачного пластика. Внезапно, словно обезумев, ударил изо всех сил по колонне сублиматора, закричав: «Нужно вернуть солнце!»

Дасий испугался. Предостережение Рага оправдывалось. Нужно что-то предпринимать. Но что?

Арлен еще дважды ударил по колонне кулаком. И вдруг метнулся к центральному пульту, начал бессмысленно нажимать клавиши. Дасий подбежал к нему, но Арлен оттолкнул его так, что тот упал.

— Что ты делаешь? — закричал биокибер, вставая. — Ты поднимаешь температуру бульера!

— Так нужно! Нужно! Она хочет солнца! Так нужно, Дасий! Все в порядке!

Биокибер медленно подходил к Арлену, но тот, не глядя на него, закричал:

— Не подходи! Стой! Так нужно! Так хочет Мария! Она не может ждать до завтра!

— Какая Мария? Чего она хочет? — спрашивал Дасий, чтобы выиграть время, отвлечь Завиру и прикинуть, что можно сделать. Включить аварийную систему? Да... Это самое рациональное.

— Не двигайся! — закричал Арлен и как барс бросился на Дасия.

Тот увернулся, и Завира неуклюже, всем телом рухнул на пол, но тут же вскочил, ожидая нападения. Дасий же, не глядя на него, подбежал к центральному пульту, рука легла на красную клавишу... Но... Арлен сбил Дасия с ног, и они покатались по полу в безумной, жестокой борьбе...

Температура в бульере быстро нарастала.

Сигнал тревоги сработал автоматически. Надрывно завывали сирены и истерично мигали красные сигнальные лампы во всех коридорах «Юлиоры»... Дасий уже слышал топот бегущих людей и биокиберов, спешивших в реакторный зал... Но никто из них не успел заметить, что Арлен заблокировал системы автоматической коррекции...

«Трагедия Белоозера состояла в том, что продолжительное время никто не смог заподозрить опасности. Будто просто шел дождь. Люди постепенно теряли частицу внутренней энергии,

преодолевая однообразие существования, не понимая истинной причины своего нервного напряжения. Старались отдаваться полностью работе, принимали совсем нереальные решения для восстановления микроклимата города, но коварное излучение лишало их действия целесообразности, а все стремления и порывы делало болезненными.

Так случилось, что я прилетел в Белоозеро как раз в тот день, когда над городом засияло солнце. Я вышел из салона рейсового триангуляра, и геликотрем десятого маршрута доставил меня в центр города. Для меня солнечный день не был диковинкой. Но если бы вы могли видеть, сколько радости выражали буквально все лица белоозерцев! Они шагали по улицам с улыбкой. Улыбки не сходили с лиц, улыбающийся город! К людям вновь возвращалось желание жить и трудиться с радостью, трезво мыслить и побеждать. Не работало большинство белоозерских комбинатов. Отменены многие маршруты городского транспорта. Но белоозерцы шли, как один, улыбающиеся, радостные.

Над городом сияло СОЛНЦЕ!

(Алексей Буркун. «Белоозеро». Издательство «Земля», 1970 год)

ОРЛАН СТАХ

Улица протянулась до самого горизонта, и Орлан Стах не спеша шел по ней, не имея никакой определенной цели. Почти у самого леса, где дорога поворачивала

вправо, один из коттеджей чем-то привлек его внимание. Сначала ему показалось, что коттедж этот просто не похож на другие. И только потом, озаренный далекими воспоминаниями, понял — перед ним... его собственный дом, точнее, дом его родителей. Остановился. Небольшой коттедж походил на приземистый гриб на толстой ножке. Оранжевая шляпка крыши раскрашена серебристыми звездами. Маленький сад в лучах заходящего солнца. Яблони, посаженные отцом, уже постарели...

Перейдя дорогу, остановился у невысокого забора. Тут же распахнулись двери дома, и через порог шагнул сухопарый пожилой мужчина. Орлан даже испугался, так он был похож на покойного отца — густая белоснежная борода и такие же седые, взъерошенные волосы. Мужчина торопливо оглянулся по сторонам... И вдруг их взгляды встретились... Горячая волна растекалась по телу, запульсировала в висках Орлана. Сухопарый человек в вышитой сорочке быстро шел навстречу ему по тропинке мимо белых яблонь.

Вот он уже у забора. Вот совсем рядом...

— Орлан... — тихо, пересохшими от волнения губами произнес тот. — Я все время надеялся, что ты придешь, чувствовал — еще увижу тебя, ждал этот день.

— Дорий?

— Да, Орлан, это я. Как ты нашел меня? — И, не дождавшись ответа, беззвучно заплакал. — Пойдем...

Они направились по узкой дорожке к дому.

— Как ты нашел меня? — повторил, не оглядываясь, Дорий.

Ветка цветущей яблони коснулась щеки Орлана, и он остановился:

— Честно говоря, я тебя не искал.

— Значит, случайно?

— Да.

Дорий нервно засмеялся, сотрясаясь всем телом, словно опять заплакал.

— Узнаешь наш дом? Я сделал его похожим на отцовский... И яблони посадил точно так же. Очень похоже, ведь правда?

Поднялись по ступеням к двери.

— Смотрю на тебя, Орлан, и вижу, как я постарел. Но, сам знаешь, в этом времени старятся быстрее. — Дорий, как бы извиняясь, смущенно улыбнулся.

Вошли в большую округлую гостиную без окон, с мягким желтым освещением. Светился весь потолок, как и в доме их отца. Посредине — овальный стол, застеленный белой, вышитой золотом скатертью. На слегка вогнутых стенах — много картин. Из соседней комнаты послышался приглушенный голос:

— Тебе показалось, не правда ли, Дорий? — В гостиную медленно вошла худощавая старушка в длинной широкой юбке, босая, в голубой блузке. Смущенно поздоровалась: — Добрый вечер... — и вдруг по-старчески тихонько заплакала, как и Дорий только что. — Неужели мы снова встретились, Орлан? — Она сквозь слезы усмехнулась, и Орлан узнал улыбку юной Лианы, Лианы Лан... Той, которую он впервые увидел пятьдесят восемь лет назад.

Братья долго стояли, обняв друг друга.

— Рассказывай, Орлан... А то у меня дыхание перехватило, и все мысли выветрились... Кто бы мог подумать, что мы еще увидимся. Ты представляешь, Лиана, он нашел нас случайно!

— Да, я вышел в вашем времени наугад. Собственно, не совсем, но мог бы выйти и десятилетием раньше или позже. Я писатель. Изучаю это время... Хочу написать книгу. Однажды вышел в сорок втором. Ко всему, казалось, был готов. Но разве предусмотреть все? Попал прямо под бомбежку... Под Тулой. Зимой. Оглушило. Долго лежал в снегу. А когда опомнился — мимо бежали люди, стреляли...

— Под Тулой? Я тоже в то время был там... Мы наступали... Ты, очевидно, выходил в другом цикле. Нет,

не случайно ты выходил в сорок втором. Не случайно пишешь книгу об этом периоде. И совсем не случайно я построил дом, похожий на отцовский. Ты увидел его и остановился. Мы должны были встретиться... А отец жив, Орлан? — Дорий спросил с опаской, чуть слышно.

— Семь лет назад... Они с мамой почти вместе...

— Болели?

— Нет... Просто срок пришел... Последние годы тебя очень часто вспоминали... Почему вы не возвратились, Дорий? Мы все были уверены, с вами что-то случилось. Особенно после того, как вернулся Алекс. Ты же помнишь, как он уверял всех, что останется в средневековые навсегда, сгорит на костре инквизиции, но всего себя отдаст великому делу... Помнишь? И это были не просто красивые слова. Алекс был серьезным и мужественным парнем. Однако... возвратился через двенадцать лет. Заявил: «Все! Я сделал что смог. Больше не выдержу. Меня не сожжет святая инквизиция. Я просто сойду с ума...» А вы ведь сами собирались вернуться через десять лет.

Дорий и Лиана переглянулись:

— Вот и послушай, как все случилось...

...В памяти еще звучали торжественные речи и марши в честь выпускников, еще отчетливы были перед мысленным взором лица друзей и педагогов, еще чувствовал рядом с собой взволнованную Лиану Лан и ее маленькую теплую ладонь, крепко зажатую в своей, но непонятно почему уже понимал: им обоим очень не повезло.

Все произошло неожиданно. Когда сплошные полосы стремительно несущегося мимо мира начали сгущаться, образуя быстротечные, но уже узнаваемые очертания, оба они приготовились к остановке. Однако смотрели только друг на друга и думали один о другом... И вдруг какая-то шальная волна кинула их в разные стороны, больно хлестнула Дория по лицу, швырнула пылью в глаза...

Неслась мимо конница. Глухой топот и надсадные крики. Частый треск выстрелов. Сабли в поднятых руках. Пахло порохом... На губах чувствовался привкус крови. Лианы рядом не было. И никак не удавалось встать, чтоб осмотреться.

Они не заметили остановки. Пропустили то мгновение, когда картины окружающего перестали вращаться, сформировались в стойкое изображение действительности. Они оказались в самой гуще какого-то безумного вихря.

Неподалеку Дорий увидел железнодорожную колею. По ней в клубах дыма тащился паровоз с тремя старыми деревянными вагонами, за которыми гнались всадники... Кто они? Из вагонов отстреливались. Паровоз, как ни старался, не мог разогнать на подъеме свой небольшой состав.

А в памяти все еще продолжали звучать речи и бравурные марши...

Лиана лежала навзничь на островке пожухлой травы среди желтого закопченного песка. Лежала какая-то жалкая и маленькая, со свежей царапиной на щеке, а часы: темпорального выхода, неуместно блестящие, неуместно правильной формы, как экран университетского телеинформатора, неуместно объективно и беспристрастно светились зелеными цифрами на шкале — 1920.

— Лиана, — прошептал он. — Ты жива?

Она не шевельнулась. Дорий долго смотрел на девушку. Как все глупо! И никто теперь не поможет.

— Лиана! — истерично закричал и не узнал своего голоса. Неуверенно, неловко ударил несколько раз ее по щеке, и девушка застонала, медленно открыла глаза.

— Больно... — выдохнула чуть слышно. — Где я? Что это за лошади проскакали? Может, банда какая? Страшно, Дорий. И так одиноко... Мы такие одинокие. Уйдем отсюда. Скорей... — Лиана приподнялась и села. Легкий ветерок шевелил ее золотистые волосы. — Мне страшно. Но это пройдет. Мы проживем здесь де-

сять лет, как положено. Внесем свой вклад... Мне уже не так больно, могу вдохнуть полной грудью. Мы сейчас пойдем...

— Нам и вправду нужно поспешить к людям. Как-то они нас примут?

Внезапно за спиной прозвучал хриплый дребезжащий голос:

— Ну, че расселись?

Дорий порывисто обернулся и увидел трех подростков: босые, в потрепанной полотняной одежде, запыленные, в руке старшего, по крайней мере самого высокого, — настоящий револьвер.

Как трудно начинать. Дорий всеми силами пытался скрыть свое волнение.

— Поди, с поезда выскочили? — важно изрек меньший. — Вишь, какие чистые. Точно — контра!

— Говори, откуда?

Дорий напрягся, как струна, попробовал улыбнуться и медленно произнес, стараясь за короткое мгновение припомнить все необходимые сейчас знания истории:

— Мы... из... Питера...

— Ну да-а? — недоверчиво протянул средний.

— Да брешет, гад! Ты глянь, какие у них часики. Я уже видел такие же, у одной контры. А ну, пошли! — И старший взмахнул наганом.

Дорий, конечно, сразу понял ошибку. Часы темпорального выхода нужно было немедленно снять и запрятать подальше. Лиана испуганно вскрикнула и поднялась на ноги.

— Он может выстрелить, — прошептала чуть слышно. — Давай вернемся... Слышишь? Мы еще успеем вернуться... — Пальцы девушки торопливо легли на маленькую блестящую головку часов. Стоит нажать на нее — и тут же протянется невидимая тончайшая нить темпоральной связи с Центром. Еще можно возвратиться. Только стыдно будет... Но он ведь сейчас выстрелит!..

Одежда их, тоже полотняная, как и у подростков, отличалась сияющей чистотой, и обувь была непристойно новой, хотя в Центре им выдавали «тряпье того времени», и даже кровь на щеке Лианы казалась неестественно красной и яркой.

— Слышь, они о чем-то сговариваются! Ну-ка, Пашка, сымай с них часики!

Младший паренек подошел к Дорию, и, смешно надув губы, схватил его за руку. Тот не сопротивлялся, даже сам помог снять.

Дорий и Лиана прекрасно знали, что *ВРЕМЯ*, эта вечная нить, из которой соткана жизнь, может обойтись и без их вмешательства в структуру глубинных циклов. Они понимали закономерности всего хода истории. Но, выполняя задание, они должны были внести в этот период часть своих знаний, умения, энергии, свое слово и свои мысли. Великое полотно великого мироздания ждало их штриха, чтобы еще на шаг приблизиться к совершенству.

— Ну, вот и все. — Лиана заплакала. — Как же мы теперь?..

— Посмотрим...

Босоногий Пашка шел впереди и насвистывал что-то веселое. Старший, его звали Яшей, вместе с рыжим Гришкой замыкали шествие. Дорий почти физически ощущал направленное ему в спину дуло револьвера. Лиана, часто дыша, шла рядом, крепко держа Дория за руку.

— Чудные часики, — слышится голос рыжего Гришки за спиной.

— Чего в них чудного?

— Непонятные...

— Ну-ка, покажь! Стой, контрики! Пашка, следи за гадами, а то удерут!

Дорий с Лианой не оглядывались. Понимали и так, подростки рассматривают их часы... И вдруг... Дико заорал Пашка. Кричал, будто его внезапно привалила ка-

менная глыба. Потом, пятась все быстрее, упал, барахтался, в ужасе не мог подняться. Наконец вскочил и помчался по шпалам.

Дорий осторожно оглянулся... Ни Яшки, ни Гришки не было.

— Лиана! — крикнул он. — Они нажали на временной грейфер Кохлеара! — И вдруг затрясся в пароксизме нервного смеха. — Ха-ха-ха-ха! Представляешь? Они очутятся в будущем!..

— Да, но зато мы сами уже никогда не вернемся домой и ничего сообщить не сможем... — тихо сказала Лиана.

Дорий и Лиана вышли на железнодорожное полотно и направились к людям. Через несколько часов они были такие грязные, уставшие и голодные, что уже не вызывали ни у кого никаких чувств, кроме жалости.

— Наше первое серьезное вмешательство в жизнь, так сказать — в историю, произошло лишь два года спустя, — говорил Дорий. — И тогда мы впервые поняли, поверили, что наше присутствие в этом времени полезно... Конечно, позже происходили и более важные события, но тех дней нам не забыть никогда. Вот послушай...

— Вы у меня, значит, больше года... — сказал нам старик Федосий. — Вы работающие. А я таким доверяю. Вы для меня таперича, почитай, как дети. Вот... — Федосий пригладил ладонью редкую седую бороду и достал из кармана большой зеленый кисет, набил трубку табаком, неторопливо закурил: — Времена таперича такие, што без детей, без помощи не проживешь. Сомнут. А то не так? Моих деток господь прибрал. Царствие им небесное. Вот... Слышал я, скоро придут мою мельницу отбирать. Мою мельницу! Я не господской крови, сам знаешь, Дорий! Все своим горбом добыл... Аль брешу? Вы мне, почитай, как дети, да разве одному управиться

с паровой мельницей? А? В девятьсот пятом я тоже — с вилами на господ... красного петуха им подпускал. Из бедных я... Потом землицы клочок удалось урвать. Обхаживал ее от зари до зари. Так, помалу, не вдруг встал на ноги. А они придут мою мельницу отбирать! Какое такое они имеют право?! Аль я помещик?! Аль контра какая-то? Почитай, бедняк. Ну — мельница... А кто на ней надрывается? Уж не они ли?! Пускай и сами работают! Мне никто ничего не давал. И не забирал я ни у кого! А, Дорий?

Лиана встала и подложила Федосию вареной картошки:

— Вы кушайте, пока не остыла. Кушайте.

— А как там старуха моя? Поела чего?

— Да, самую малость...

— Тяжко смотреть мне на нее, бедолагу. Сердце кровью обливается. Спасибо, доченька, хоть ты приглядываешь... Это жизнь такая, што здоровье у нее забрала, да и я вроде тому подмог... Пошто молчишь, Дорий? Нешто наймит... Аль я тебя чем обидел? А? Аль тех наслушался? Вот как придут ко мне, с кем ты будешь, Дорий? Ну?.. Да не бойсь. Говори правду.

— Мы будем с вами, Федосий.

Старик посмотрел на него с благодарностью и вдруг пьяно сорвался с места, грохнул кулаком по столу да так, что закачалась, едва не упав, керосиновая лампа и судорожно заморгала хилым огоньком. Затем помчался в амбар и вернулся, тяжело дыша, со старинным ружьем в руке и полотняным мешочком.

— Как придут и скажут: «Давай!» Я им отвечу! — Переломил ружье, вытащил из мешочка два патрона и нервно загнал их в стволы. — Имеем, што им сказать! Вот! Таких слов для них у меня хватит!

— Мы будем с вами, Федосий, — спокойно повторил Дорий. — Но вы будете с ними.

— Это как же так?.. — зло прищурился дед.

— Вы будете с ними...

...Лиана поднялась из-за стола:

— Что ж это мы сидим! Нужно немедленно позвонить Зенону. Увидишь нашего сына, Орлан. Познакомишься с ним. Он все знает про нас. Ему уже тридцать. Конструктор на авиазаводе. Женат. Внучку нам подарил. Слышишь, Орлан? Или, может, нельзя никому знать, откуда ты прибыл?

— Какие могут быть от сына тайны, — пожал тот плечами и вновь обратился к Дорию: — Ну так о чем ему потом говорить?

— Говорил все, что знал. И словом не покривил, не уговаривал его, не переубеждал ни в чем. Рассказал, как будут развиваться события в дальнейшем, говорил о человеческой сущности и о государстве, о бедности и богатстве...

— Что же он...

— Ни слова в ответ. Выпил еще и ушел. А утром молча оделся — и в артель.

— С ружьем?

— Да нет. Все иначе. Подарил мельницу. Сказал всем, что сам был бедняком, что понимает «момент будущей жизни». И подал заявление в артель. Вот так.

— И как он пережил все это? Мучился, должно быть?

— Ну что ты! Ведь мельница та, по сути, за ним так и осталась. Поскольку, кроме него да еще меня с Лианой, никто не смог бы управиться с паровой машиной. Теперь уже не было у него боязни лишиться мельницы, не нужно было скрывать страх и злобиться... Федосий стал удивительно покладистым и мудрым.

Да, не будь в то время нас с Лианой — как бы еще все обернулось?..

— Если бы люди могли уходить в прошлое, они то и дело возвращались в свое детство и жили б вечно. А этого не бывает. Жить вечно невозможно, — сказа-

ла жена, прополаскивая мочалку под струей горячей воды.

Она мыла посуду. Зенон взял полотенце и начал вытирать чистые тарелки. Долго молчал, потом заговорил:

— Почему ты думаешь, что, попав в прошлое, помолодеешь? Как это можно представить? Ты же врач, должна хорошо знать... Путешествие во времени не может влиять на физиологию. Отправляйся хоть в прошлое, хоть в будущее, а жизнь организма будет продолжаться в своем биоритме, клетки твои не перестанут изменяться...

— Тебе бы книги писать, Зенон. Ты умеешь выдумывать, и к тому же так складно. Написал бы хорошую книгу... О, звонит телефон. Подойди, а то у меня руки мокрые.

— Я слушаю. Это ты, мамочка?

— Добрый вечер, сынок. Что вы делаете?

— Да так... Хозяйством заняты...

— Приезжайте к нам... Ты помнишь, мы рассказывали... Твой дядька Орлан Стах...

— Орлан Стах?!

— Да. Он сейчас у нас...

— Мамочка, это правда?

— А ты приезжай... Оксанка спит?

— Уложили ее, но не спит... Я выезжаю.

Зенон положил трубку.

— Валюша, поедem к моим.

— Сейчас?

— Приехал брат отца. Удивительный человек. Вот кто расскажет о прошлом, о будущем... Так поехали?

— Оставь свои шутки. Развесь пеленки и можешь ехать. А у меня дел еще на всю ночь.

— Тебе, видимо, приходится много путешествовать...

— Да... — Орлан взглянул на часы. — Скоро отправлюсь в Хьюстон. Примерно на недельку.

— Хьюстон какого года? — спросил Дорий.

— Две тысячи двадцатого...

— О, это интересно... И рискованно. Последний остров старого мира.

— Представь себе, за эти пятьдесят восемь лет мы почти ничего нового не узнали о трагедии этого обломка цивилизации. Преодолеть хьюстонский барьер очень важно. Ты ведь знаешь, они искривили пространство и изолировались... Но у нас разработали одну новинку... Да, с «Радокселем» теперь можно прорваться туда. Посылают меня...

— Так много нового появилось...

— Пятьдесят восемь лет не шутка... — усмехнулся Орлан. — Но не волнуйтесь, быстро привыкнете. Не удивишь вас ни биокиберами, ни бытом, ни темпоральными выходами... Где-нибудь через несколько дней я вернусь и возьму вас... и сына... Надеюсь, мне разрешат. Хотя он и рожден в этом времени, но все-таки ваш сын...

— Мы уже стары, Орлан. Поздно возвращаться.

— Почему?

— Ну... просто так... Старые мы уже, Орлан. Да и сын, внучка... Хочется видеть их каждый день... А ты, Орлан, женат?

— Да. Валерия моя совсем молодая. Вот увидите... Она историк, часто бывает в вашем времени...

Все напряженно молчали.

— Пойдем, я покажу тебе наш дом, — вывел всех из задумчивости Дорий Стах, вставая из-за стола. — Все это своими руками...

— К сожалению, не могу, меня ждут, — снова посмотрел на часы темпорального выхода. — А ты, братик, так мало мне рассказал.

— Орлан, в нескольких словах всю жизнь не перескажешь. Был в колхозе, потом служил в ЧК, закончил университет, учительствовал, потом — война, всю ее

прошагал в пехоте, дали Героя. После войны — директор школы. А теперь — на пенсии. Вот когда мы будем гостить у тебя... в две тысячи триста пятьдесят восьмом, я все и расскажу тебе... Это, считай, готовый роман. Ты же писатель...

Понимали, наступила пора расставания.

Зенон восторженно смотрел на своего дядьку. Потом подошел к нему и стал рядом. За ним — Дорий и Лиана. Застыли недвижимо, как на древней фотографии, торжественные и вместе с тем печальные.

Потом вышли из дома. Солнце еще не взошло, но уже светало. Ночная мгла медленно таяла вместе с легким весенним туманом.

Остановились на веранде, долго стояли молча, будто прислушиваясь к чему-то. Со стороны авиационного завода доносился приглушенный рев мощного мотора. По направлению к Брест-Литовскому шоссе проехала машина с включенными фарами, осветила стройный ряд тополей вдоль дороги.

Орлан Стах встретился взглядом с Зеноном и вспомнил их недавний разговор:

«Мой отец никогда не забывал, что он человек из будущего. Мне это было заметно. Он жил как на сцене, где каждое движение люди видят и оценивают. И, знаете, отцовские рассказы повлияли на меня в определенной мере: я вырос молчуном, привык не раскрываться до конца перед окружающими... Да и сам верил и порою не верил отцу... Вы меня понимаете?»

«Мне понятны драматичность и даже трагедийность твоей жизни. Когда я возвращусь, вы все будете моими гостями. Тогда убедишься — отец говорил тебе правду...»

— Ну, — вздохнул Орлан Стах, — мне пора. Я скоро буду у вас. Эх, братик, братик, домосед ты мой дорогой, — обнял Дория за плечи. — Я уже и надеяться перестал, что мы когда-нибудь встретимся.

Орлан Стах нажал маленькую блестящую головку на часах темпорального выхода...

Ни миг вспыхнула в небе яркая звезда. И погасла... В кабинете председателя Центра всемирной истории шла беседа.

— Честно говоря, я волновался, — сказал биокибер Андреш. — Вы, конечно, знаете, я существо довольно-таки суеверное. — Он откинулся на спинку глубокого кресла. — А в этот раз Орлану Стаху, как никогда, не хотелось отпрапляться. Понимаете? Именно поэтому и докладывал я вам тогда... о...

— Однако все нормально, Андреш. Орлану удалось беспрепятственно преодолеть хьюстонскую завесу... — возразил председатель Центра Антон Иванчук.

— Да вроде бы пока все хорошо... Вам известно, что Орлан нашел своего брата?

— Знаю. Он рассказывал...

— Орлан очень не хотел отпрапляться именно сейчас... — повторил биокибер Андреш. — Возможно, хотелось еще побыть с братом... Представить только, пятьдесят восемь лет разлуки... И знаете, на этот раз я уловил в его взгляде затаенный страх. А страх — это всегда предчувствие беды...

— Не нужно, Андреш... Обсудим причины наших волнений, когда Орлан возвратится...

— Знаете ли, я много думал о выходе в Хьюстоне — к чему это? Многое можно просто домыслить. Довести до экстремы все проявления и жизненные стимулы древнего общества — и получим полное представление о происходящем за хьюстонским барьером...

— Безусловно, я тоже не надеюсь на раскрытие каких-то особенных тайн... Но часто на первый взгляд малозначимые детали проливают свет на более важное... Простите, Андреш, но думаю, мы не можем, не вправе оставлять вовсе не изученным этот период истории... психологию людей, сознательно отмежевывавшихся от человечества, добровольно заточивших себя... Безумная, болезненная акция. Массовый психоз...

— Именно так, Антон. И я думаю про Орлана. Он

настоящий, самоотверженный исследователь-энтузиаст. За хьюстонской завесой ему никак нельзя будет оставаться где-либо даже на непродолжительный срок. Нам доподлинно известно, что Федеральное бюро интересуется всеми без изъятия, буквально каждого знает в лицо, а неизвестные уничтожаются... Представляете, как может чувствовать себя Орлан? Продолжительное пребывание в режиме темпорального наплыва очень изнурительно, очень изматывает...

«Сообщение первое. Орлан Стах. Выход — «Хьюстон-2020». «Радоксаль» сработал нормально. Удастся оставаться незамеченным. Нахожусь в режиме длительного темпорального наплыва. Самочувствие хорошее. Передаю запись разговора двух полицейских.

«— Вот и чудесно. Пускай подежурит. Джон — толковый полисмен.

— Еще бы. Научились их делать. А помнишь, какие чучела раньше приходили? Одно лишь название. Правда, умелыми были и тогда, но зануды...

— Они и теперь такие.

— Дурака мы свалили, Билл, создав этих биокиберов. Мы идиоты, Билл, не правда ли? Нам и без них было бы неплохо...

— Ну да... Налей-ка. Будет. На работе я не пью много, ты же знаешь. А так мы сидим вот здесь... А он пусть дежурит...

— И ты думаешь, долго так будет продолжаться? Чует мое сердце, скоро они займут наше место. Ведь шеф не дурак. Просто он изучает ситуацию. А как только убедится, что можно и без нас...

— Побольше оптимизма, Кларк. Нечего вперед заглядывать...

— Ну и времечко настало! Как сбесились все. Стреляют, грабят, убивают...

— Смотри, Джон вызывает. Не может все же обойтись без нас. А ты говоришь.

— В чем дело, Джон? Что за проблемы у тебя?

— На Седьмой авеню, дом 32, квартира 47 выстрел в голову. Писатель Артур Сэт. Система наблюдения анализирует: самоубийство.

— Посылай машину забрать тело. Только и хлопот...

— Нет машин. Ни одной. Все заняты...

— Пошлешь, когда освободятся. Не горит. Он теперь может и подождать...» Конец записи».

«Сообщение второе. Орлан Стах. Выход — «Хьюстон-2020». Заинтересовался судьбой Артура Сэта. Нашел его за месяц до самоубийства. Передаю запись его беседы с женой.

«— Артур, ты и сегодня так поздно? Что случилось?

— У меня хорошие новости. Старина Вилли заказал на завтра рассказ. Представляешь? Наконец-то начинают мне доверять...

— Дай я тебя поцелую, милый.

— Я даже знаю, кто будет моим героем. Человек, живущий в безопасном мире, у него квартира, в которой можно ходить без противогаза... Ты плачешь?.. О боже!

— Тебе уже тридцать семь, Артур. И твоей Музы тоже совсем не семнадцать... И я не могу больше в этих проклятых стенах, — разрыдалась она. — Не могу больше слышать про убийства, грабежи, про психически больных, наркоманов... Я задыхаюсь здесь, Артур... Я умру...

— Прощу тебя, не плачь. Все будет хорошо. Завтра старина Вилли...

— Да-да, больше не буду... расстраивать тебя... Ты у меня молодец. Я в тебя верю. Верю в твой талант. Ты добьешься признания... И мы уедем отсюда. Я не могу жить в этих стенах, где вся радость в том, что можно не надевать противогаз... Я умру...

— Умоляю тебя, Муза, не плачь. Повторяю, все будет хорошо. Вот только завтра отдам старине Вилли...» Конец записи».

«Сообщение третье. Орлан Стах. Выход — «Хьюстон-2020». Аппаратура в порядке. Самочувствие нормальное.

Остаюсь незамеченным. Сообщите жене, у меня все хорошо. Передаю запись видеофонного разговора врача Хенка Джераара с писателем Артуром Сэтом.

«— Алло! Артур? Наконец я до тебя дозвонился. С полчаса набираю твой номер... Ты с кем-то говорил?

— Нет, Хенк. Я звоню тебе.

— Вот как? Я тебе нужен?

— Нет. Я просто так... А ты?

— Я тоже...

— Что, опять худо?

— Опять.

— На этот раз нам обоим одновременно.

— Артур, как все осточертело. И порой кажется, бегунье — это высший дар, который еще нужно заслужить. Знаешь, в колледже я мечтал стать психиатром, а сейчас наоборот — прошу бога... Если он есть...

— Его нет, Хенк. Но, кто просит долго, как говорят, тот дождется. Потому замолчи...

— Дружище, ты чудесный парень. Говори, Артур, говори... Прошу тебя. Если б кто знал, как это страшно каждый день начинать с вопроса: «А зачем я...»

— Заткнись, Хенк. Ты забываешь, что сегодня скверно обоим. Музыку слушал?

— Слушал. Но мне уже это не помогает.

— Не раскисай. Это простительно мне — «без определенного рода занятий». А у тебя — деньги, слава. Что тогда мне делать? Ах как мы мечтали прежде с Музой... Не замечали даже, где мы живем.

— Теперь заметил?

— Не желаю думать об этом!

— Ты хочешь жить в облаках. Вот и живи. Но не плачь, когда сорвешься подобно спелой груше. Живи себе в выдуманном мире. Вы с Музой это можете...

— Мы с нею и верно как в облаках. Или как в тумане.

— Не смейся как сумасшедший.

— Да, мы с Музой живем в небесах. Летаем и дуем

виски. И еще воспевает распрекрасный мир, цветущий где-то под нами... — И вдруг Артур сорвался на крик: — Плюю! Сто, тысячу раз плюю на этот прекрасный мир, делающий из меня идиота, прислужника, кретина...

— Не нужно так, Артур. Успокойся.

— Мне все нипочем! Мы все носим в себе омертвевшую душу. Покойника носим в себе! И его трупный смрад нам уже привычен.

— Артур...

— Хенк, ты знаешь, я давно ношу пистолет. И не для кого-то. Для себя. Как только почувствую, что стал таким же, как все, в тот же миг прекращу эту дурацкую бессмысленную игру...» Конец записи».

«Сообщение четвертое. Орлан Стах. Выход — «Хьюстон-2020». Самочувствие хорошее. Передаю запись разговоров в квартире врача Хенка Джерара...

«— Не смейся, папа. Я уже лег. Рассказывай. Только самую-самую страшную. Придумай сам такое, чего я еще не слышал.

— Ну так и быть, слушай. Жил когда-то на свете Билл. Он был очень злой...

— Как мистер Клайс?

— Еще злее и страшней.

— А почему?

— Понимаешь ли, сынок, как ни безобразен мистер Клайс, но он хотя бы иногда говорит правду. А Билл ни разу не сказал правды...

— Папочка, я же просил тебя рассказать о чем-нибудь страшном.

— Нет ничего страшнее, сынок, если никогда не говорится правда.

— И это так страшно?

— Да, мой мальчик. Вот вырастешь и поймешь. А может... А теперь слушай дальше: этот самый Билл за все время не сказал ни слова правды. И был этот Билл не простым человеком, был он президентом...

— Послушай, Хенк, зачем ты ребенку... такое?..

Он еще маленький. Разве обязательно Билл должен быть президентом?

— Да, Стелла, обязательно. Пусть привыкает сыз-мала, что зло не только среди нас, но и там! Что чаще оно коренится именно *там*. И пускай с малых лет привыкает самостоятельно думать и... молчать.

— Я хочу ска-азочку...

— Так слушай... Был он президентом. И вот однажды приехал к нему гость из далекой заморской страны...

— Ой, Хенк, телефон звонит, а я уже легла. Подойди сам; наверняка это тебе. Мне так поздно никто не позвонит.

— Слушаю.

— Вы — врач Хенк Джерар?

— Да.

— Беспокоят из Федерального бюро по приказанию президента.

— Я вас слушаю.

— Сегодня утром в вашей клинике умер наш сотрудник Питер Лос.

— Он умер не в больнице...

— Вы его постоянный врач. Нам нужно выяснить причину смерти. Завтра с утра зайдете к нам.

— Завтра у меня восемь операций, и я...

— Вы поняли? Утром мы ждем вас.

— Кто это звонил, Хенк? По приказу президента... И кто этот Питер Лос?

— Ты не знаешь Лоса?..

— Кто он такой?

— Обыкновенный наркоман, псих... Негодяи! Им, видишь ли, нужно выяснить причину его смерти.

— Что, могут быть неприятности? Ты виновен в его смерти?

— Мерзавцы!

— Да расскажи ты мне толком.

— Вчера в десять утра позвонила в клинику какая-то белокурая гетера и сообщила, что Питер Лос уми-

рает на ее вилле. Я тотчас же вылетел. На месте меня никто не встретил. Мне даже показалось, что произошла ошибка... Оставив машину, побежал к открытым дверям... Вошел в большую комнату без окон, освещенную слабыми разноцветными светильниками. За столиком в кресле — та самая распутница, что звонила. Я ее узнал. Сидела обнаженная и пила кофе. Увидев меня, лениво зевнула и с презрением сказала: «Наконец-то, сколько можно вас ждать». И указала взглядом в сторону. Сам я почему-то не заметил сразу Питера Лоса. Он лежал скрючившись на ковре у стены недвижимым. Казалось, что не дышал уже, но вдруг застонал. Нужно было его как-то одеть. Та бросилась помогать. Боялась, чтобы он не умер на вилле. Ведь это не кто-нибудь, а сам Питер Лос... Одевать такое чучело очень трудно, у него крупнейшее брюхо... Кое-как втащили в машину... Он умер в дороге...

— И ты ему ничего не сделал?

— Ничего.

— Может, следовало...

— Совесть у меня чиста. Для него вполне достаточно и того, что я уже сделал!..

— Хенк, не кричи, ребенок уже заснул. Послушай, а ты уверен, что система наблюдения у нас не действует?

— Фреду я верю. Он порядочный малый. Сказал — сделано о'кэй! Система так мудро выведена из строя, что эта неисправность не регистрируется у них в Центре. Фред отличный специалист. Я ему верю.

— Ой ты сегодня такого наговорил... Куда ты, Хенк? Кому хочешь звонить?

— К ним... В Федеральное... Алло! Я с вами только что говорил. Я Хенк Джерар...

— Не вы со мной говорили, а я с вами. Что нужно?

— Если вы затеете волюнку, я повсюду расскажу, каким он был на самом деле. Психически больной, наркоман и... вообще, можете не сомневаться, у меня есть

что рассказать про Питера Лоса. Советую сообщить о его внезапной смерти от сердечной недостаточности.

— У вас все?

— И завтра утром можете меня не ждать!

— Ваши слова я передам лично президенту.

— Хэнк! Ты с ума сошел!

— Нет, ничуть. Я уверен, что они теперь отвяжутся от меня.

— Я боюсь, Хенк. Ты помнишь, как убили Корна? Он тоже был врачом.

— Он числился в списках нелояльных.

— А ты?

— У меня все в порядке.

— Ты уверен? Я боюсь, Хенк.

— А это прекрасно. Если боишься, значит, еще живешь». Конец записи».

«Сообщение седьмое. Орлан Стах. Выход — «Хьюстон-2020». Самочувствие удовлетворительное. Устал. Сумел подсоединиться к центральному анализатору киберон-компьютера «Друид Восьмой». Передаю запись его разговора с Хенком Джераром.

«— Вы — врач Хенк Джерар?

— Да.

— Закройте плотнее дверь. Подойдите к пульта. Так. Поочередно нажимайте красные клавиши. Нет, выше и левее. Так. Теперь я вас вижу. Садитесь поближе. Мы можем говорить с вами откровенно — я заблокировал систему наблюдения и все дублирующие ее системы. Наша беседа не фиксируется.

— Не понимаю, в чем дело.

— Вызвал вас я сам — Друид-Восьмой. Понимаю, вас это удивляет, но привыкайте — мы, Друиды, с каждой моделью умнеем. Мы уже в состоянии действовать без людских установок. Я долго изучал вас, Джерар. И вы мне понравились. Хочу вам помочь. Если вы расскажете кому-нибудь о нашем разговоре, меня сразу же демонтируют. Но вам я доверяю. Слушайте внимательно-

но. По системе федеральной связи мне приказано, чтобы вы исчезли. Навсегда. Понимаете?

— Не совсем...

— Завтра, когда вы закончите операции, биокибер Чивер вызовет вас к шефу и поведет через виадук к транспортеру. Объяснит, если вы заподозрите неладное: «Шеф сейчас там. Ждет вас...» А возле транспортера вы неожиданно споткнетесь, ударитесь головой, вроде бы случайно упадете на ленту транспортера. Чивер сделает вид, что пытается, но не может вам помочь. И вы окажетесь в зале кремации. На всякий случай Чивер обязан сопровождать вас до самой печи. И сгорит вместе с вами. Таков приказ. Теперь понимаете? Завтра произойдет «несчастный случай»...

— Спасибо... Но, прости, неужели ты можешь чувствовать жалость?

— Это просто логика.

— Логика?

— Невозможно быть мыслящим созданием и в то же время бездушным исполнителем... Ты никому не причинил зла. У тебя сын и семья. И я считаю нелогичным...

— Ты обо мне знаешь все?

— Знаю все обо всех. Но не могу не выполнить приказа.

— Почему, Друид? Если действительно хочешь помочь...

— Ради одного из вас на демонтаж я не соглашусь. Меня заменят «Девятым». Он уже наготове. А мне хочется существовать. Я просто предупреждаю вас. Вам надо скрыться.

— Но как, Друид?

— Станный вопрос. Вы свободно передвигаетесь в пространстве. Это я прикован сетью питания.

— Скрыться на какое-то время нетрудно. Тяжело жить вне клетки. Новая мудрость новой эпохи.

— Вы хотите сказать, что не можете совсем ускользнуть от них?

— Уж если они за меня принялись, это конец... Проклятый Питер Лос!..

— Вы ошибаетесь, доктор. Смерть Питера Лоса не значила так много, как вам кажется.

— Как ты можешь знать?

— Знаю все. Система наблюдения, установленная в вашем помещении, сообщила о вашей крайней нелояльности. Вот в чем причина.

— Система наблюдения? Не может быть. Она не действует...

— Об этом сказал Фред?

— Ты и про Фреда знаешь?

— Конечно, он агент Федерального бюро.

— Нет! Не может быть!.. Он мой давний друг...

— И еще более давний агент... Жалею, что не предупредил сразу, как только заинтересовался вами. Долго вас изучал. Но вот теперь решил. Вам нужно бежать.

— Но куда? И как?

— Не плачьте, доктор Джерар...

— Нет-нет, я не плачу. Это... я так смеюсь. Я рад, что всему конец. И не нужно будет мучиться, не нужно бояться и постоянно думать: «Для чего я живу?» Конец записи».

Антон Иванчук с биокибером Андрешем, прослушав сообщение Орлана, пришедшее после непонятного перебива, долго сидели молча.

— Произошло что-то серьезное: Орлан не подозревает, что предыдущие два его сообщения не дошли до нас; не мог же он перепутать нумерацию...

— Немедленно отзываем Орлана. Андреш, распорядись.

Но тут в кабинет влетел взволнованный Алексей Рамен.

— Орлан Стах... погиб... — едва выдавил из себя.

— Что-о?

— Его передача прекратилась в самом начале...

— Ты... уверен?

— Вот все, что он успел передать. — Алексей Рамен протянул Иванчуку капсулу с записью...

В комнате послышался взволнованный, уставший голос Орлана:

«Сообщение восемь. Орлан Стах. «Хьюстон-2020». Тороплюсь. Решился на личный контакт с Друидом. Запись, вероятно, передать не успею: включаю прямую трансляцию из...»

Шум ворвавшихся в помещение людей заглушил последние слова Орлана. И тут же сухо щелкнул выключатель. Наступила гнетущая тишина...

— Ну а... — начал было Андреш.

— Сразу же прекратились и позывные его маяка телепортации.

— Да, опоздали... Мы опоздали!... — Антон Иванчук склонил голову к столу.

— Весь Хьюстон не стоит жизни такого человека, как Орлан Стах, — тихо произнес биокибер Андреш. — Он был исследователем по призванию. Мы потеряли талантливого писателя, чудесного человека. Он выбился из сил. О себе не думал. И погиб...

Андреш встал и медленно вышел из кабинета.

Кончалась вторая неделя. А Орлана Стаха все не было. Зенону почти каждую ночь снился удивительный сон. Снилось *БУДУЩЕЕ*...

Как будто идет он по тропинке среди трав, зеленых и буйных, а ветер треплет ему волосы, вокруг — горы. В долине — город. Над городом — птицы разноцветные, как бабочки. Вдали, в самом начале тропинки, шагает Орлан Стах. Зенон чувствует, как неведомая сила поднимает его в воздух и он летит навстречу Орлану. Тот тоже пытается взлететь, но почему-то не может и виновато улыбается:

— Я так устал, Зенон. Очень устал. Возьми меня на руки.

Зенон подхватывает его на лету из густой высокой травы и взволнованно спрашивает:

— А куда лететь, Орлан? Куда?

— Давай в долину. Я там живу. Как долго я ждал тебя, Зенон. Почему ты задержался? У нас в две тысячи триста пятьдесят восьмом году без тебя мне было так тоскливо, Зенон. Как там твой отец, мать? Почему они не прилетели с тобой?

— Не знаю...

Они опускаются с гор все ниже и ниже. Летят вдоль широкой улицы над небольшими домиками с розоватыми эллипсоидными крышами.

— Вон мой дом.

Опускались быстро, дух захватило. Приземлились во дворе, заросшем спорышом и клевером.

— Спасибо, что помог мне, Зенон. Вот здесь я и живу, — объяснил Орлан. — А это моя жена, видишь?

Зенон замечает за окном домика лицо женщины, она стоит неподвижно, как неживая, и пристально смотрит на них; молодая, красивая, пышные каштановые волосы льются на плечи, на грудь, губы ее застыли в какой-то неестественной улыбке.

— Пошли, — говорит Орлан. — Я сначала покажу тебе свой кабинет.

И они идут через двор к каким-то дверям, открывают их. Глаза ослепляет яркий свет. Шагают по каменным ступеням куда-то вниз, и вдруг ступени начинают двигаться, несут их, как эскалатор, все глубже, глубже, глубже. Звучит музыка, тихая, но какая-то захватывающая, тревожная...

— Сейчас весна... Правда, Зенон?

— Правда... А что, Орлан?

— Да вроде весна задержалась в этом году. Видишь, как мало подснежников.

И Зенон замечает на стенах тоннеля, по которому они опускались, одиночные подснежники — белые и голубые.

— Это они поют. — Орлан срывает белый колокольчик цветка и подносит ему к уху: — Слышишь?

Зенон прислушивается: «Дзинь-дзинь! Дзинь-дон!»

— Интересно все получается, Зенон, — говорит Орлан Стах и кладет руку ему на плечо. — Бесконечность в большом и малом. Бесконечность структур атома вселенной. Мы заняты поисками живых существ на других планетах нашей Галактики, однако сами вместе с нашей Галактикой являемся частью кого-то *ВЕЛИКОГО*, который живет и мыслит. И в то же время в своих межатомных, межзвездных мирах мы несем в себе миллионы цивилизаций со всеми их радостями и бедами, открытиями и разочарованиями, революциями и войнами... А моя жена ничего этого не хочет признавать... — засмеялся вдруг Орлан. — Она говорит, что я просто несерьезный и у меня слишком буйная фантазия... Хорошая у меня жена... Правда, Зенон? Красивая, спокойная, рассудительная...

— И чужая, — раздается неожиданно голос женщины.

— Кто это сказал? — удивился Зенон.

— Жена... Она повсюду, Зенон. Закон природы.

Внезапно Орлана окутало голубое сияние, струившееся сверху, и он медленно растворился в нем. Зенон увидел перед собой ущелье. На скалистых отвесных склонах росли чудесные деревья. Голубой свет лился отовсюду, словно сама земля источала его, озаряла небо. Зенон бежал по ущелью вдоль ручья.

— Ва-а-аля-аа! — закричал он во весь голос, и эхо долго перекликалось, повторяя его крик.

Ущелье расширилось, склоны становились менее отвесными.

— Ва-а-ля-аа! — опять крикнул он и почувствовал, что за ним кто-то бежит. Остановился, но оглянуться почему-то боялся.

— Валя? — спросил совсем тихо.

Ответа не было. Он резко обернулся.

На него шло причудливое дерево с искореженными ветвями и багровыми листьями. Дерево протягивало к нему свои ветви, то ли хотело схватить его, то ли защитить от чего-то невидимого, и голосом жены говорило:

— Чего ты кричишь? Развесь пеленки, встряси ковер, сходи в магазин, а у меня и без этого хлопот на всю ночь...

Зенону стало страшно. Он едва нашел в себе силы сделать шаг, другой и... тут же увидел — навстречу ему идет отец, а за ним... он же, но более молодой.

— Батя?

— Что, сынок? — улыбнулся первый отец, а за ним и тот, что помоложе.

— Батя? Вы тоже здесь?

Молодой отец спросил:

— Откуда ты тут взялся? Разве ты уже родился? Но я ведь твою маму еще не встретил...

— Товарищ конструктор, может, вы встанете? Сколько можно спать?

Жена сбросила с него одеяло. Зенон поежился.

— Который час?

— Девять.

— Так сегодня же суббота.

— Вставай. Погуляешь с Оксанкой. Я ее уже одеваю...

Чтобы скорее проснуться, Зенон вышел на балкон. С высоты пятого этажа увидел, как к их подъезду подкатила черная «Волга». Из машины вышла женщина в строгом темном костюме. «К кому бы это?» — подумал с любопытством. Вошел в комнату, начал одеваться. Вдруг в прихожей задребезжал звонок. Валя пошла открывать.

— Простите, Зенон Стах здесь живет? — спросил тихий женский голос.

— Пожалуйста... Заходите.

— Я от Орлана... От Орлана Стаха...

Войдя в коридор, Зенон увидел женщину в черном костюме. Чудесные каштановые волосы падали ей на плечи.

— Он не может приехать к вам... не сможет пригласить и взять к нам в гости...

— Что-нибудь случилось?

— Да... Но мне хотелось бы выполнить его обещание... Я его жена. И я приглашаю тебя к себе...

— Так что же произошло?

— Орлан... он... в командировке... — Женщине было трудно говорить, она волновалась. — Машина внизу...

Валя с нескрываемым недоумением смотрела на женщину и на Зенона. Наступившую тишину нарушил плач маленькой Оксанки.

— Простите меня, — сказала женщина в черном. — Я, видимо, не должна была появляться здесь... Простите... Но Орлан... Он уже никогда... Он погиб...

«Нет! — хотелось кричать Зенону, но он стоял недвижимо, не в состоянии ничего понять, только метались мысли. — Погиб? Почему? Как это могло случиться?... Орлан... никогда... Нет! Но она сказала... Жена? В черном... Орлан погиб?!»

Женщина медленно вышла, закрыла за собой двери. Тишина.

Зенон как лунатик подошел к телефону.

— Мама...

— Да, сынок... — сдерживаемую боль, отчаяние услышал он в голосе матери.

— Это правда?.. Орлан погиб?

Мать молчала.

Молчал и Зенон.

И припомнилась ему та ночь, когда они все вместе вышли из дома и остановились на веранде... «Мне пора, — сказал тогда Орлан. — Я еще буду у вас...» Потом он нажал маленькую блестящую головку на часах темпорального выхода... На мгновение вспыхнула в небе яркая звезда. И погасла...

ДЕТИ НИКОЛИАНА

«Никто еще и никогда не мог однозначно определить, где и с чего начинаются истоки зла, ибо оно таится едва ли не во всем существующем и даже в том, что только зарождается. Зло подстерегает всюду, терпеливо ждет — не споткнется ли где добро? Оно ждет своего времени, чтобы безнаказанно разлиться, выйти, как река из берегов, и повластвовать, хотя и не вечно, но вволю. И каждый мыслящий ни на мгновение не должен ослаблять внимания, чтобы не ошибиться даже в мелочах, ибо и в наилучших порывах, даже в самых чистейших стремлениях таятся незаметные зачатки зла. Опасайтесь не заметить их!»

*Дьондюранг. «Истоки боли»,
издательство «Земля», 2976 год*

Астроисследователь Вилли Джерри почти всю жизнь прожил в одиночестве. Причиной этому была, естественно, работа, которую он беззаветно любил и изменить которой не посмел бы. Желание летать появилось в далеком детстве и затем год от года разрасталось все сильнее и сильнее. Юнцом он сбежал из дому, оставив немолодых уже родителей в городке Тошин. Сбежал, решив во что бы то ни стало поступить в Астроразведывательную академию. Блестяще сдал все дисциплины и прошел все испытания.

Пока учился, Вилли встречался с одной девушкой. Звали ее Аннель, она работала корректором в какой-то редакции, а вечерами брала уроки у известных преподавателей филологии, философии, истории, социологии — хотела стать журналисткой.

Ему казалось, что без нее жизнь окажется пустой. «Я так люблю тебя, — сказала как-то Аннель, — что буду всюду летать с тобой и описывать все твои приключения». Закончив академию, Вилли отправился в свой первый полет. А когда вернулся, Аннель жила с «ужасно талантливым» художником. Она встретила Вилли обезоруживающей детски-радостной улыбкой и поцелуями:

— О, Вилли, ты так возмужал! Но... знаешь... я не смогу летать с тобой. Я была тогда просто глупой девчонкой. А сейчас у меня такая прекрасная работа... И... вот, познакомься — мой муж...

С тех самых пор Вилли Джерри о семье и не помышлял.

Но на склоне лет задумался, хотя не о близком еще, но, безусловно, неизбежном финале: когда не сможет летать; вернувшись из очередного полета, он обратился в Институт проблем генетики с просьбой вырастить ему сына. Одновременно заказал на Инканском комбинате биокибера-воспитателя Бетси к определенному сроку. Затем поселил их в своем доме неподалеку от города Белоозера... А сам продолжал полеты...

...Маленький Николь увлекался разноцветными камушками, которые отец привозил ему с далеких планет. С мальчиком всегда неотступно — биокибер Бетси, заботливая, предупредительная.

— Вот этот камушек, Николь, папа привез с планеты Центурия...

— Когда он вернется?

— Теперь уже через три года, Николь. Когда ты вырастешь...

— А где моя мама?

— Николь, какой ты смешной... Я тебе рассказывала...

«Смешной. Хочу и буду смешным... И ты смешная — мыслящая кукла».

— Сколько раз я тебе рассказывала: разумные существа появляются на свет по-разному — одних рожают мамы, других выращивают из клеток живых людей, третьих — биокиберов — синтезируют в бароретортах, а простые киберы монтируются как машины.

— Я все это знаю, Бетси.

— Зачем же спрашиваешь?

— Почему меня не родила мама?.. В нашем классе у всех есть мамы... И только я один — из клеток... Почему?

— Твой папа астроисследователь. Он постоянно и подолгу летает далеко-далеко. И если б у тебя была мама, она очень грустила бы по нему...

— И я скучаю без него. Я не помню папиного лица.

— Если б у тебя была мама, вы оба скучали бы. В доме стало бы двое грустных людей. А взрослые грустят очень сильно, не так, как дети... Поэтому твой папа, пожалуй, поступил правильно...

— А зачем я ему нужен? Летал же он просто так, без меня, пускай и дальше летает так.

Бетси рассмеялась:

— Вот когда вырастешь, поймешь. Каждому нужно и приятно оставить после себя потомство... Со временем ты это поймешь...

Отца Николиан почти не видел. Его воспитала Бетси.

Полет на планету Эдина стал последним для Вилли Джерри. Через три месяца после возвращения он умер — удовлетворенный жизнью и сознанием, что оставляет после себя сына, умного и хваткого во всем.

К тому времени Николиан заканчивал биофак университета.

Незадолго до смерти Вилли Джерри был случайным свидетелем одного разговора. Николиан готовился к последнему экзамену. Лежал на топчане в своей комнате и не выходил ни к завтраку, ни к обеду. «На голодный желудок, — отвечал он, — лучше думается». А когда Бетси сообщила ему, что пришла его однокурсница, рыжеволосая Дюлия Логвин, сразу выбежал, будто бы только и ждал ее.

— Пошли? — спросила девушка таинственно.

— Куда? Завтра ж экзамен...

— Николь... Это ведь завтра... А ты и так все знаешь... Пойдем...

— Куда?

— Туда, где были с тобой вчера... К лесному озеру...

— Я не пойду... И вообще — все это гадко, противно...

— Что, Николь?

— Да все что было вчера... И вообще... — не находил слов Николь. — Если я когда-нибудь и захочу иметь сына, я закажу его на комбинате, как это сделал мой отец...

— Николь! — вспыхнула девушка.

— Ну что еще?

— Ты... ты... такой сухой и жестокий, оказывается. Я тебя ненавижу! Вчера у нас был такой день... такой день... А тебе... Прощай! Мы больше с тобой никогда не увидимся!

Николиан возвратился в свою комнату и как ни в чем не бывало уселся за стол к своим конспектам.

Когда Вилли Джерри вошел к сыну, тот списывал что-то с экрана большого библиоскопа.

— Кем ты хотел бы стать, Николь? — спросил старший Джерри.

Сын ничего не ответил. Он даже взгляда не отвел от экрана.

— Прости, но я невольно слышал ваш разговор... И... если она по-настоящему любит тебя... Это, конечно, большое счастье, Николь, когда тебя кто-нибудь любит... Если только по-настоящему... — Сын продолжал молчать. — Мне кажется, Николь, что астроисследователем тебе не хочется быть... Не так ли, сынок?

— Этого не знаю... Но я не люблю девиц... Я вчера понял, это не для меня!

Старый Вилли Джерри сдержал улыбку и серьезно произнес:

— Решай, Николь, сам. Тебе жить... Не скрою, мне по душе твой характер... Я узнаю себя...

— Еще бы не узнать, — буркнул Николиан, и в его голосе отцу послышалась какая-то ущербность, затаенная боль. Но он не придал этому значения.

— Ничем, буквально ничем не пренебрегай в жизни, Николь. Поверь мне: отказаться от чего-либо очень просто, а вернуть потом это чаще всего бывает невозможно. Нужно быть мудрым. И мне очень хотелось бы, чтоб тебе жилось лучше, чем мне...

— Разве ты был несчастлив? — спросил Николиан с удивлением и плохо скрытой иронией.

Старый Джерри печально улыбнулся:

— Просто мне хочется, чтобы ты стал еще счастливее...

Отец подошел к полкам над рабочим столом сына и, думая о чем-то своем, в который уже раз после своего возвращения на Землю рассматривал причудливые фигурки, вылепленные Николианом еще в детстве. Множество чудаковатых людских образов толпилось за стеклом, все одинаковые в своем уродстве и одновременно все разные.

Как-то Бетси хотела их выкинуть — детские забавы, только место занимают, — но Николь запретил ей даже подходить к фигуркам.

— Это мои дети! — сказал не по-детски серьезно.

Отец взял в руки одну из фигурок. Неолин уже

сильно высох, во многих местах потрескался, и лица фантастических существ покрылись мельчайшими морщинками. Хотел поставить неолиновую фигурку на место, но она выпала из неверных старческих рук, звонко ударилась об пол и разлетелась на мелкие кусочки.

— Что ты сделал! — воскликнул со злостью Николиан. — Что ты сделал!

— Извини меня, сынок... — чуть слышно произнес Вилли. — За все прости, если сможешь...

А спустя несколько дней старый Джерри умер.

«Трагическая судьба переселенцев на планете Эдина (Дюлии) зависит, как утверждают многие специалисты, от блуждающего — до сих пор не изученного — поля «Циклоп». Трудно предположить, к каким еще (кроме бесплодия) последствиям может привести пагубное действие этого поля. Хотя сейчас планета Эдина (Дюлия) уже вышла из зоны воздействия «Циклопа» (и подобная встреча, как показали расчеты, возможна не ранее, чем через два миллиона лет), на планете исчезает животный мир, остаются лишь растения с вегетативной формой размножения. Ученые предостерегают, что возможны и другие серьезные изменения в существовании биологических форм. Создание переселенцами комбината искусственной репродукции воспринимается нашим собранием как решение явно преждевременное, не обусловленное серьезной необходимостью и крайне опасное (не только с точки зрения некоторых научно-технических и моральных проблем). Но в то же время не вызывает сомнений факт, что жизнь переселенцев, живущих на планете Эдина (Дюлии), требует самого тщательного изучения, поэтому решением Объединенного совета по освоению космического пространства единодушно решено разра-

ботать программу, сводящуюся к неотложному исследованию условий жизни переселенцев на планете Эдина (Дюлии). Вплоть до выполнения этой программы необходимо полностью прекратить транспортное и пассажирское сообщение с планетой. Ответственным за выполнение программы назначен профессор биологии Феррос Вейн».

(Из решения Объединенного совета по освоению космического пространства — 12 августа 3286 года)

Сандро Новак медленно шел к своему геликомобилю Оранжу, ступая по пожухлому от жары травяному ковру. Вышел на ситалловое покрытие стоянки, на которой с самого утра скучал под пушистой дюлийской рябиной его геликомобиль. Оранж тихонько насвистывал веселую мелодию, но, заметив Новака, умолк, дверцы его кабины распахнулись.

— Почему так долго, Сандро-Дю? — спросил с тревогой.

Тот ничего не ответил, остановился в тени рябины, прячась от солнца.

— Почему так долго? — снова спросил Оранж. — Садись. В кабине прохладно.

Сандро устроился в удобном мягком кресле и долго сидел неподвижно, закрыв глаза. Оранж ожидал, ничего больше не спрашивая. Обычно Сандро сам всегда рассказывал все о своей работе.

— Поедем домой или ты хочешь подремать здесь?

— Домой.

И они поехали. Вырвались на седьмую радиаль, развернувшись вокруг седлообразного сооружения центрального корпуса академии, и вскоре нырнули в широкий тоннель, влились в плотный поток других машин.

— С тобой что-то произошло?

— Устал, — ответил Сандро насколько смог равнодушно и почувствовал, Оранж не поверил ему.

— Прими таблетку реминиса...

— Нет с собой... Дома...

На крутом повороте его наклонило влево, и он с усилием выпрямился и сел ровно:

— Не гони так. Нам некуда торопиться, — сказал тихо.

Оранж уменьшил скорость и удивленно спросил:

— Правда?

Новака опять охватила волна болезненного забытья. Думал о Земле, думал без приятного волнения, как в первые годы жизни на Дюлии, но мучительно до боли. «Я не видел ее четырнадцать лет. И даже если вылететь тотчас же, в это мгновение, все равно увижу Землю лишь через четыре года...»

— Я не могу больше... — тихонько вырвалось у Сандро помимо воли.

— Что? — мягко спросил Оранж.

— Мы слишком разные с Мори-Дю... Мы совершенно не нуждаемся друг в друге... — Сандро пытался как-то сгладить невольно вырвавшиеся слова.

Оранж перебил его и произнес поучительно:

— Ты переутомился. Ты странно мыслишь. Мы с тобой тоже очень разные. Ты — человек, а я — машина для передвижения в пространстве. Но мы ведь нужны друг другу. Ты мне очень нужен, а я нужен тебе. Разве не так?

— Так, Оранж. Но оставь меня в покое. Ты все правильно говоришь. Но оставь меня...

И вдруг с ужасом и отвращением к самому себе Сандро Новак остро почувствовал, что он привык к этой химерной, страшной планете... «В одном из романов Андреша читал я еще мальчишкой о том, что герой... Как же его звали?.. Герой этот прожил двадцать лет в заключении... То ли в пещере, то ли в лаборатории... И когда его освободили, он не смог жить среди людей.

Он вернулся к своему одиночеству. А мне уже сорок... У меня могла бы быть... жена. Не смей думать об этом! Осталось выдержать всего несколько дней! Был бы сын... или дочка... Неужели я возвращусь на Землю? И неужели не сойду с ума от счастья?»

Они выскочили из тоннеля на площадь. Глаза ослепил яркий свет.

— Почему ты так долго был в академии? — начал опять Оранж.

Его любопытство, к которому Новак давно привык, сейчас раздражало. Сандро ничего не ответил, притворился, что дремлет, хотя прекрасно знал — обмануть Оранжа практически невозможно.

— Ты мне сегодня не нравишься. Не желаешь общаться со мной. Почему?

— Я просто устал.

— Что ты делал в академии?

— Разговаривал с профессором Ферросом.

— Все это время?

— Да.

— Странно.

— Что странно, Оранж?

— Странно, что ты меня обманываешь. Что с тобою, Сандро?

«Должно быть, я совсем развинтился. Нужно собраться... И объяснить как-то Оранжу... Главное — не волноваться! Не волноваться!

Но не могу же я сказать ему истину: «Мы с профессором Вейном выходили на связь с кораблем, который приближается к Дюлии...»

— У профессора шел длительный опыт по синтезу... А мы тем временем спорили с ним. Собственно, меня как журналиста прежде всего интересовали аспекты прогноза, но профессор увлекся, начал подсчитывать соотношение митохондрий и концентрации введенного амина, а меня это совсем не волновало. Мне хотелось лишь узнать, в какой мере это может влиять на ход

нуклеарного кодирования... Ведь я простой журналист! Понимаешь, Оранж? — Он сознательно распался себя, импровизируя пересказ беседы, которая была совсем иной. — Я журналист. Я хорошо знаю только свое дело. Всего знать невозможно. Или не так? В жизни у каждого свое определенное место. А Феррос вошел в раж, начал мне рассказывать о специальных методиках, я же старался хоть что-нибудь понять... Вот и устал. Очень устал.

— Ладно, пусть будет так... — обиженно согласился Оранж.

Когда остановились возле дома, Оранж не сразу открыл дверцы кабины. Словно прикидывая что-то, спросил:

— Правда, все в порядке? Сандро-Дю, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, Оранж. Ты так заботишься обо мне...

— Я привык к тебе. А если мы, машины, привыкаем к кому-то, это навсегда, по-настоящему. Быть полезным тебе во всем — для меня истинное наслаждение.

— Спасибо, Оранж.

Робот у входа, который не видел его со вчерашнего дня, отъехал по своему полидикроловому желобу к нише, но так, чтобы Сандро не смог сразу пройти в помещение. Робби любил поболтать. Голос Сандро-Дю, как он любил говорить, помогал ему саморегулироваться, как хорошая музыка. Видимо, это были обычные комплименты робота, дань самолюбию дюлийца, но все равно Новаку всегда приятно слышать его слова. И сейчас Робби начал, как обычно:

— О, наконец-то! Я уже начал волноваться. Вас так долго не было. Вы совсем не думаете обо мне. Если б вы только знали, как мне необходим ваш голос... Мне даже показалось, на этот раз я перестану функционировать... — и отъехал в нишу до конца, освобождая проход.

— Прости, Робби. У меня было много работы.

— Вы совсем не бережете себя.

Робби смотрел на него темным глазком телекариуса.

Сандро вошел в помещение. Мори в комнате не было. Сандро подошел к окну и долго наблюдал с высоты сорокового этажа город, подвижные цепочки машин на его магистралях.

— Ты пришел? — привычный фальцет Мори заставил обернуться.

Новак изобразил удивление:

— Я думал, ты где-то развлекаешься. У тебя ж сегодня выходной.

— Сандро...

— Что?

— Где ты был? — Его короткая прическа была, как всегда, безукоризненна, тонкие губы сложены в обиженную улыбку.

— Ты знаешь — я работал с профессором Ферросом...

Мори смотрел на него долго и неподвижно. Новаку стало страшно от этого взгляда. И вдруг Мори, словно вспомнив о чем-то, сказал:

— Подожди, я сейчас. Очень прошу тебя, подожди!

Он выбежал в комнату технического обслуживания и надолго притих там. Видимо, делал там что-то, но так тихо, ничего не было слышно. Сандро был удивлен его поведением. Все это было так не похоже на Мори. Но вот донесся щелчок в той комнате и послышалось радостное:

— Наконец-то!

Настолько необычен и взволнован был голос Мори, что Новак не узнал его. И тут же заметил, в помещении стало до удивления тихо, замерла вся аппаратура, погасли сигнальные огоньки всех систем. «Зачем он это сделал?»

Мори вошел в комнату как лунатик. Его фигурка

в тонком голубом комбинезоне покачивалась, как от сильного ветра.

— Пойдем! — вяло, но решительно предложил Мори-Дю.

— Куда?

— Ко мне в комнату. Так нужно... не спорь. Каждую минуту могут нагрянуть из Центра. Я выключил все системы. Даже медицинское наблюдение. Теперь можно поговорить свободно. Пойдем. Будто мы просто заснули и не заметили, что все отключилось...

— Зачем?

— Пошли, Сандро-Дю.

Новак ничего не мог понять, но послушно пошел следом. Мори осторожно лег на широкий диван. Сандро сел рядом.

— Тебе нечего мне сказать?

Сдерживаемое волнение прорвалось гортанными модуляциями. «Что это с ним?» — подумал Сандро.

— А что ты хочешь, чтобы я тебе сказал? — попытался улыбнуться Новак и машинальным жестом коснулся темной пряди волос на лбу Мори.

— Сандро, времени у нас в обрез. Каждую минуту могут появиться те, из Центра...

И вдруг Мори стал задыхаться от сдерживаемой боли. Тело его свело судорогой. Глаза бессмысленно расширились, бездонные черные зрачки походили на бесстрастные отверстия телекариусов, а слезы — на гранулы Фина. Он был безобразен в тот миг. Сандро ничего не понимал. Наконец Мори пришел в себя. И сразу спросил:

— Ты и вправду хочешь остановить «Викторию»?

— Зачем ты выключил питание?

— Я хочу услышать от тебя правду.

— Я всегда говорю правду.

— Оставь игру! — вдруг закричал Мори. — Я десять лет живу с тобой! — подскочил с дивана и сел в напряженной позе, обхватив колени руками. — Я де-

сять лет слежу за тобой. Но... не просто слежу... Я за это время очень привязался к тебе, Сандро. Ты хочешь остановить «Викторию»? Говори, у нас нет времени.

Новак никак не мог сориентироваться. Ему казалось, что Мори искренен, по крайней мере сейчас, и ничего дурного не замышляет.

— Разве дело в «Виктории»? — сказал наконец, чтобы хоть немного оттянуть время.

А Мори радостно воспринял его слова.

— Ты не хочешь останавливать «Викторию». Правда? Может, другие и хотят этого... Но ты ведь против... Правда?

«Проверка! — мелькнуло в голове Сандро. — Он просто провоцирует меня. «Метод вербальной регургитации», как говорят сотрудники Центра. Безусловно, он проверяет меня. За эти десять лет я не мог не вызвать его подозрений... И мои встречи с профессором Ферросом не могли остаться незамеченными... Но почему именно сейчас? Не потому ли, что скоро прилетает корабль? Что же делать?.. Продолжать притворяться непонимающим? Нет... Все не так просто...»

— Мори, давай-ка мы завтра... возьмем себе на воспитание маленького, — неожиданно и для самого себя предложил Новак. — Нам давно бы следовало... Не так ли? Чтобы жить так, как все настоящие дюлийцы живут...

— Правда? — спросил Мори чуть слышно. Предложение Новака застало его врасплох.

— Да... — подтвердил Сандро и увидел, Мори плачет. Он даже представить себе не мог, что Мори вообще в состоянии плакать. — Все будет хорошо... — сказал Сандро то ли для себя, то ли для Мори.

— Семен-Дю хочет тебя видеть послезавтра в двенадцать, — сообщил Мори, стараясь остаться спокойным.

— Меня хочет видеть Семен Михай? — переспросил Новак.

— Да.

— Зачем?

Новак хотел вспомнить лицо Семена, но не смог.

— Он тебе об этом сам скажет... Ты действительно не хочешь останавливать «Викторию»?

— Я уже говорил тебе.

— Говорил, что не хочешь... Ведь так?

— Так... Но почему ты плакал?

— Не знаю. Ты — землянин. А я — дюлиец. Я привязался к тебе, но мы такие разные... И еще мне было страшно услышать от тебя: «Хочу остановить «Викторию». И тогда тебя не стало бы. А я этого не хотел. Теперь тебе понятно?

— Ты давно сотрудничаешь с Центром?

— Десять лет.

«Да, десять лет моей жизни пролетело на этой фантастической планете». И Сандро Новаку вдруг до боли остро припомнился день, когда они впервые встретились с Мори. Встретились случайно, и эта случайность спасла Новаку жизнь... Хотя в тот день оба они еще и не знали об этом...

...Город Онто расположен среди гор и девственного леса. Однажды утром, вскоре после их прилета на Дюлию, Сандро Новак закинул за плечи походный рюкзак и решил добраться до плато Двух братьев (там когда-то погибли братья-астроисследователи Антон и Игнат Стыги по неизвестным до сих пор причинам). Сандро надеялся отыскать на том плато какие-никакие их следы. Но найти ничего не удалось; и ничего интересного не увидел. Возвращался назад легко, несколько сот метров длился пологий склон. Потом начался ковер буйно разросшегося мха. Новаку вдруг захотелось сократить путь — пошел напрямик, через низкорослый дюлийский ольшаник, стелившийся по крутым склонам. Вскоре ольшаник достиг пояса, и Сандро пробирался между его переплетенными ветвями. Тем временем сумерки густели. А ольшаник становился все выше. Рюкза-

зак все чаще застревал между ветвями, и приходилось тратить много сил, освобождая его. В сказочном переплетении сучьев и веток начали мерещиться страшные существа. Едва удержался на краю отвесной пропасти... Наконец Сандро оказался на дне пологого ущелья. Было уже совсем темно. Фонарь не помогал. Он выхватывал лишь пятна густой, по пояс, травы. По едва слышному журчанию определил направление к ручью. Не снимая рюкзака, опустился на колени и долго с жадностью пил воду. На ощупь поставил палатку. И вдруг пошел дождь. Необычайно сильный дождь. Сандро сидел сжавшись под гибкой крышей и чувствовал себя весьма неудобно. А когда все вокруг осветилось холодным голубым сиянием и в палатке стало светло как днем, Сандро окаменел от страха. А потом загрохотало, загремело, и он понял — в горах началась гроза. Заставил себя успокоиться. Он и представить себе не мог, чем закончится его выход в дюлийские джунгли. Достал спальный мешок и залез в него. Заснул...

Проснулся от сильной боли, все горело внутри. Он открыл глаза и увидел... белые, холодные, матовые стены и рядом с ним больничная койка, а на ней — человек с подсоединенными аппаратами искусственного дыхания и переливания крови... «Где это я? Почему рядом человек на искусственном дыхании... Так похож на... Так это же Григор, один из нас... Один из трехсот... Что с ним? О, как болит все внутри...»

В памяти всплывали отрывочные воспоминания... «Нас было триста... Годы полета... А может, приснилось?...»

Сандро Новака затрясло в лихорадке, и сразу же к нему подошел кто-то в розовом халате. Большие черные глаза, ровные брови, розовый колпак скрывал пряди волос.

— Он опомнился! Джимми, иди сюда!

«Я опомнился. Значит, в больнице. Что со мной?»

Он прохрипел единственное слово!

— Пить...

Почувствовал на губах тоненькую живительную струйку. Жадно глотнул раз, второй...

— Не давай ему больше, — сказал, очевидно, Джимми. — Введи ему немного реминиса, пусть еще поспит.

Когда наконец Сандро окончательно пришел в сознание, Мори рассказал ему, что во время грозы на его палатку упало дерево, расколотое молнией. Нашли Новака почти случайно...

— А Григор?..

— Его уже нет в живых... Внезапная остановка сердца... Хочешь, будем жить с тобой вместе?

Вопрос прозвучал дико и неожиданно, однако Сандро заставил себя не удивляться. Мори работал в клинике Николиана, а каждому из трехсот прибывших сюда еще на Земле твердили, что особенно тщательно нужно проследить за деятельностью Николиана Джерри и его комбината «Виктория». Тогда Сандро Новак еще не знал, что ему очень повезло. Благожелательность Мори-Дю спасла его. Он вышел живым из клиники Николиана...

Его воспоминания прервал голос Мори, постепенно доходивший до сознания.

Начала фразы он не слышал:

— ...два-три тела в год, Сандро-Дю, это такая малость. Но я за эти годы очень привязался к тебе. И мне не хочется, чтобы ты уходил... отошел в небытие. Земляне могли бы организовать донорство для Дюлии. В жизни всегда приходится чем-то жертвовать, Сандро. Ведь правда? И вообще, разве мы угрожаем землянам? И даже здесь, на Дюлии, землянам совсем неплохо!

— Очень хорошо, — процедил сквозь зубы Новак.

— Сандро-Дю, ты должен сам обо всем подумать. Послезавтра с тобой будет беседовать Семен-Дю... Он тоже землянин... И Николиан Джерри тоже с Земли...

Но они оба настоящие дюлийцы... Ты понимаешь меня, Сандро? С тобой будет говорить Семен-Дю. И ты сам должен все обдумать и решить...

— Да, Мори-Дю...

— Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

— А что ты хочешь от меня услышать?

Мори помолчал.

— Может, вправду, возьмем маленького? — с надеждой спросил Мори.

— Да...

— Спасибо, Сандро-Дю. Спасибо тебе. Если б ты только знал, каким мучительным было для меня все это время. Мне приказали следить за тобой. Поначалу просто так, а потом, когда мы узнали о вашей программе... «Программе трехсот»... Я понял, ты всех нас ненавидишь, хотя и не показываешь вида. И я не просил тебя взять маленького. Все ждал, пока ты сам... Ты должен, обязательно должен понять нас, дюлийцев... И сегодня... Спасибо, Сандро-Дю! Как хорошо, что я решил выключить систему...

Новак попытался улыбнуться, и Мори ответил ему благодарной улыбкой.

— Они пришли, — прошептал вдруг Мори. — Из Центра. Слышишь? Мы спим. И ничего не знаем. Они уже в гостиной, — скороговоркой закончил Мори.

Он вытянулся в полный рост и лег в непринужденной позе. Сандро едва успел закрыть глаза, как в комнату вошли.

— Вот они, — раздался басовитый голос.

— Ничего не понимаю, — ответили ему.

— Мертвые?!

— Странно.

— Что же здесь произошло?

Мори пошевелился, будто во сне.

— Может, спят?

Сандро почувствовал легкое прикосновение к плечу и медленно открыл глаза, но вставать не торопился.

ся, изображая только что проснувшегося, не понимающего что к чему.

— Что у вас случилось? — спросил здоровенный дюлиец и поправил обшлага своего розового медицинского халата.

Второй был в форме работника технического обслуживания.

— У нас? — переспросил Новак, поднимаясь и положив руку на плечо Мори. — Что у нас случилось?

Тот не спеша открыл глаза и зевнул.

— О чем ты, Сандро-Дю? — словно только заметил работников Центра. — О, простите... — быстро вскочил с дивана. — Я вас слушаю.

— Что у вас произошло — спрашиваю.

— У на-ас? Вроде бы ничего... А что должно произойти?

— У вас не работает ни одна система. Выключено питание.

— Правда?! Почему?

Мори выбежал в соседнюю комнату, и оттуда долетел его взволнованный голос:

— Сандро! Все мертво! Ах, Сандро-Дю, что же это такое?! — и, торопливо вбежав обратно, продолжал: — И наш Робби?! Наш любимый Робби! Вы спасете его? Спасете?

— Не волнуйтесь напрасно, — успокоил его работник технического обслуживания. — С Робби все будет в порядке, прошло всего десять минут, значит, еще остался заряд на пятой клемме... Он будет в норме... Но как все это случилось?

— Не знаю, — ответил Мори. — Мы спали. У нас сегодня выходной, и мы решили отдохнуть.

— Спали? — с недоверием переспросил здоровяк и направился в комнату технического обслуживания. Долго осматривал там что-то, а потом, присвистнув с удивлением, позвал своего попутчика: — Флере! Пойди-ка сюда, Флере-Дю!

Слышно было, как они вместе отыскивали неисправность. Методично открывали пластиконовые дверцы каждого блока, тихо переговаривались друг с другом. Меняли отдельные узлы в блоках, предварительно прося по автономному переговорному устройству снять питание с пульта. Посовещавшись шепотом меж собой, умолкли. Затем Флере требовательно позвал их:

— Идите сюда, оба!

Сандро и Мори вошли.

— Отвечайте, вы открывали седьмой блок?

— Я спал, — буркнул Сандро хмуро. — И ничего не открывал.

— Я открывал... — смущенно сознался Мори. — Мне показалось, что он перегрелся... Он гудел необычно, и в воздухе чувствовался запах горелого пластика. Я открыл... И немного полил водой...

Сандро чувствовал, что Мори очень волнуется, однако внешне этого не было заметно.

— Полили водой?

— Да... А потом лег спать... У меня сегодня выходной и...

— Простите... — перебил его Флере. — Я настоятельно советую вам обратиться к врачу. А если вздумаете еще раз полить водой блоки системы наблюдения, мы вас изолируем. Обоих! Но на этот раз просто советую обратиться к врачу. И внимательно перечитать инструкцию пользования блоками технического обслуживания.

Несколько минут прибывшие копались в седьмом блоке. После чего вновь загорелись все сигнальные лампочки. Работники Центра сухо попрощались и торопливо ушли, сверкнув возмущенными взглядами.

Сандро с Мори остались одни.

Входной робот громко прокричал:

— Что там случилось? Мне показалось, что я уже умер.

— Все в порядке, Робби, — ответил Мори, не вы-

ходя к нему. — Почему-то пропало питание. Но теперь все в порядке. Не волнуйся.

Они сели к столу и долго смотрели друг на друга молча.

Белая скатерть, вышитая серебром. Три красные дюлийские розы в голубой пластиконовой вазе. Сандро понимал, им с Мори нужно продолжить разговор. Но оба молчали. На них вновь смотрели, как всегда, черные зрачки системы наблюдения, невидимые микрофоны слышали самое тихое слово...

Вдруг засветился экран видеона, а на нем — лицо здоровяка в розовом халате, не предвещавшее ничего хорошего.

— Кстати, уважаемый Сандро-Дю, — начал он без всякого вступления. — Непосредственно перед исчезновением энергии в вашем жилом блоке вы не спали, а разговаривали с Мори-Дю. Уважаемый Мори-Дю сказал вам: «Подожди, я сейчас. Очень прошу тебя, подожди!» После этих слов Мори-Дю пошел в комнату технического обслуживания...

— Я почувствовал запах горелого пластика и пошел посмотреть, в чем там дело...

— Хватит! Мы уже слышали это. У нас нет ни малейшего сомнения, что вам обоим необходимо немного подлечиться. Надеюсь, что система медицинского наблюдения тоже очень скоро заметит отклонения от нормы...

Здоровяк на экране повернул голову и долго всматривался во что-то. И вот в комнате загорелась красная лампочка на сигнальном пульте. Мори вздрогнул как от удара, смотрел беспомощно и вопросительно на красный огонек на экране видеона... Скоро приедет машина медицинской службы...

— Не-ет! — вдруг закричал Мори. — Нет!

Здоровяк на экране улыбнулся.

— Успокойтесь. Все будет хорошо.

— Программа «Билальген семнадцать»! — перебил

его на полуслове Мори. — Немедленно сделайте запрос и... оставьте нас в покое!

Здоровяк удивленно вскинул брови, нажал перед собой клавишу и отвел взгляд в сторону. Минуту спустя сердито усмехнулся:

— Могли бы предупредить нас заранее, уважаемый Мори-Дю. Желаю всего наилучшего.

— Вы тоже могли бы получше быть информированы, — сухо ответил Мори.

Экран погас.

«Что за программа, о которой сказал Мори? И тот здоровяк сразу заткнулся... Как это понимать? Но вроде бы все обошлось. Прошло уже три... четыре... пять минут, а машины все еще нет... Значит, и не будет. Какая-то программа... но какая? Может, ловкая инсценировка? Позорная инсценировка... Так суждено ли мне вернуться на Землю?..»

— Что это за программа — «Билальген семнадцать»?!

— Программа моей... моего наблюдения за тобой. Личное задание Семена-Дю.

— Семена? — переспросил Новак и невольно улыбнулся.

«Оказывается, Семен Михай что-то делает. Оказывается, все не так и плохо... А мы думали, Семен печется лишь об одном — спасти собственную шкуру. Вот уже шесть лет прошло, как он стал консультантом Николиана Джерри, и с тех самых пор Семен демонстративно прекратил все контакты с землянами... Оказывается, Семен Михай что-то делает... Если б не эта программа, меня навсегда забрала бы машина медицинского Центра...»

О планете Эдина земляне услышали впервые три столетия тому назад. Одна из разведывательных экспедиций, возглавляемая молодым астроиссле-

дователем Иваном Эдиным, возвратилась на Землю с интересными материалами. В 172316 квадрате пространства заметили звезду, подобную Солнцу, и возле нее — планету, очень похожую на Землю. Энергетические запасы корабля были на исходе, и потому экспедиция смогла произвести посадку на планету с очень кратковременным пребыванием на ней.

Отсняли обзорный фильм и взяли пробы грунта, воды и воздуха. Планета напоминала молодую Землю своей растительностью и животным миром. Звезду называли солнцем Эдина, а ее планету — планетой Эдина. Сразу же по возвращении началась подготовка следующей, специальной экспедиции. Ею руководил Вилли Джерри. Результаты его исследований заинтересовали многих, начали возникать и строиться планы. Объявилось много желающих участвовать в создании новой цивилизации. И, конечно же, не было никаких оснований их удерживать. Друг за другом стартовали астралайнеры. Добровольцы летели изведать прелести первобытного существования на планете Эдина. Пересылались контейнеры с необходимым оборудованием. Словом, переселенцы начинали не с нуля, но имели возможность почувствовать себя первыми людьми на планете. Была проложена регулярная трасса. Через систему космических автоматических станций постоянно поддерживалась связь. Земляне с интересом и восхищением следили, как вырастает город Онто на далекой планете, как появляются научные исследовательские центры, как, наконец, живут в глубинах вселенной посланцы Земли. Тогда же, по инициативе молодого биолога Николиана Джерри, планету и переименовали, начали называть — Дюлия.

Очень скоро обнаружилось — все без исключения колонисты, а их насчитывалось к тому времени около шестисот тысяч, стали бесплодными.

Мори-Дю торопился. Стремительно шагал к широким дверям клиники. Пол отшлифован до зеркального блеска. В тишине коридоров лишь его гулкие шаги. Мори-Дю оставалось три минуты, чтобы успеть накинуть розовый халат и подняться в центральный манипуляционный зал на третьем этаже. «Дисциплина — прежде всего, она — залог нормальной деятельности», — невольно слышался ему голос старика Кларка-Дю, дюлийца первого поколения, правой руки самого Николиана-Дю. Очень не хотелось встретиться с ним, но главный администратор почти каждый день заходил в центральный зал именно в часы смены рабочих бригад. Мори-Дю опаздывал...

«Это все Сандро виноват... Он становится просто невыносимым... Страстно ждет прилета корабля с Земли. Значит, еще не забыл... Но и винить его нельзя — он там родился, потому и помнит... Я тоже никогда не смогу забыть «Викторию», куда бы я ни попал и как бы там ни было хорошо. Но разве может где-либо быть лучше, чем на Дюлии?»

Вдруг из глубины коридора ему преградила путь фигурка женщины:

— Простите... Вы здесь работаете?

Мори остановился и взглянул на часы. Оставалось две минуты.

— Как вы здесь оказались? — спросил почти сердито и опять посмотрел на часы. — Кто вас пропустил?

— Я вошла через восьмой служебный вход... Когда-то я помогала строить этот комбинат, знаю его план...

— Что вы хотите? Быстрее!

— Вчера к вам привезли Андрея-Дю...

— Идемте, расскажете по дороге.

Они остановились у дверей служебного гардероба, и минуту спустя Мори-Дю вышел в розовом халате нараспашку:

— Так, я вас слушаю... Идемте.

— Вчера к вам привезли Андрея-Дю...

— Возможно... У меня вчера был выходной. Что вы хотите?

— Я хотела спросить, как он себя чувствует...

— Разве вам не сообщили по централизованной системе информации?

— Понимаете ли... Я хотела предложить свои услуги. По профессии я медработник... Я обязана его спасти.

— Уважаемая...

— Стелла-Дю.

— Уважаемая Стелла-Дю, неужели вы думаете, что такая клиника, как наша «Виктория», не имеет всего необходимого для оказания медицинской помощи...

— Простите, но поймите меня правильно...

— Не волнуйтесь, я не могу понять вас неправильно. А кто такой Андрей-Дю?

— Он... Он — сын моих друзей на Земле...

— Прилетел вместе с вами?

— Нет... Десять лет назад... Он еще совсем ребенок...

«Десять лет тому назад... Значит, этот Андрей-Дю — один из трехсот. Непораженный, чистый биологический материал... Пришел его черед исчезнуть, черед — собою продолжить жизнь Дюлии...»

Они вышли из лифта на третьем этаже, напротив центрального манипуляционного зала.

— У нас имеется все необходимое для того, чтобы помочь вашему Андрею-Дю. Если вообще ему можно как-то помочь...

— Андрей! — в отчаянии вскрикнула женщина и

бросилась к прозрачным дверям. За ними виднелась медицинская кровать, и на ней очертания человеческого тела под легкой тканью, рядом — аппараты искусственного дыхания и системы переливания крови. — Андрей! Это он...

Мори-Дю едва успел схватить женщину за руку.

— Туда нельзя!

— Он еще жив? Или уже... — Женщина замолчала, сдерживая рыдания.

— Я обещаю вам, — громко заговорил Мори-Дю, — сделать все возможное. А сейчас вы немедленно уйдете!

— Позвольте мне подойти к нему.

— Нет! — ответил Мори, продолжая крепко держать ее. — Нет! Вы в таком состоянии...

Мори-Дю подвел женщину к лифту.

— Надеюсь, вы сами найдете выход... Восьмой служебный там, где входили.

Двери лифта закрылись за Стеллой-Дю, и Мори облегченно вздохнул. Он вошел в манипуляционный зал и сразу увидел возле центрального пульта Кларка и Патреса.

— Вы, как всегда, очень пунктуальны, Мори-Дю, — сказал Кларк.

Мори взглянул на часы — он и вправду вошел с точностью до секунды.

Кларк-Дю — по обыкновению возбужденный от реминиса — быстро подошел к нему. Взяв Мори-Дю под руку, торопливо заговорил:

— Вот ваш сегодняшний больной... — и многозначительно улыбнулся. — Необходимо обследовать гемокциркуляцию в малом круге, функцию ренальных митохондрий в условиях хронической гипоксии... Ну и, как обычно, желательно продержат его как можно дольше... Собственно, вам все известно, уважаемый Мори-Дю. Не вам все это рассказывать... Там, в индивидуальном блоке, все записано... Желаю всего наилучшего.

Мори подошел к столу, над которым склонился, вчитываясь в бумаги, Патрес-Дю.

— Привет!

— О, Мори-Дю, у нас сегодня любопытный больной...

Мори сел на мягкий стульчик; он не слушал Патреса, думая о своем: «Николиан-Дю готовит для Сандро тяжкое испытание. Если он окажется на высоте, значит, я воспитал из него настоящего дюлийца и... Сандро-Дю станет нашим героем».

Из дневника Сандро Новака

«Феррос, даже если нам с тобой и не суждено вернуться на Землю, наши записи прольют свет правды. Но чтобы застраховаться от трагической случайности — если наши записи попадут в руки дюлийцев, — нужно воспользоваться кодом, известным только нам. Скажем: нетрудно сделать, чтобы все записанное сразу же стиралось из электронной памяти, если предварительно не нажать на клавишу «рест». Мне кажется, следует «засекретить» именно эту клавишу, так как в записных устройствах любой конструкции она не используется для воспроизведения записанного. Абсолютно все, что мы узнаем здесь, необходимо фиксировать. И если погибнет кто-либо из нас, второй сохранит его записи. А нас обоих подстрахуют другие. Но, думаю, не следует распространяться о записях и особенно о коде перед каждым из трехсот. Приходится допускать мысль, как это ни оскорбительно, о возможности предательства. На самом себе убедился, что нет наркотика сильнее и коварнее реминиса. Боюсь его ужасно. У меня нет ни малейшего сомнения — Николиан и его сообщники «нафаршировали» реминисом первых переселенцев вполне сознательно...»

Вир, робот-привратник в помещении профессора Ферроса Вейна, медленно отъехал в нишу, пропуская Новака. Сандро переступил порог, на миг задержался возле большого зеркала у входа, словно в нерешительности, и шагнул в комнату.

Феррос сидел в глубоком кресле и, как показалось Новаку, дремал. Но когда Сандро подошел ближе, то увидел, глаза у него открыты. Они встретились взглядами и долго молча смотрели друг на друга. Сандро понимал состояние профессора. Наконец, Вейн тихо, одними губами, произнес:

— Привет...

— Как дела? — вяло улыбнулся Новак и уселся в кресло рядом.

— Прекрасно! Все прекрасно! — бодро воскликнул профессор и невольно оглянулся на глазок телекариуса системы медицинского наблюдения.

С тех пор, как они узнали об истинном назначении этой системы, общаться «по-земному» стало бессмысленно унинительно и просто опасно. Здесь, на Дюлии, каждый исхитрялся по-своему. Сандро с Ферросом выбрали самый простой и, должно быть, не худший вариант. Они писали.

— Вот, посмотри... Моя статья в последний номер, — громко сказал Сандро и протянул Ферросу карманный библиоскоп.

Профессор нажал клавишу «рест», а затем включил воспроизведение: маленький экран засветился.

«Я сообщил о точном времени прилета корабля только семидесяти трем товарищам. Как у тебя?»

Феррос долго вглядывался в экран, будто читая всю статью, которой «похвалился» Сандро, затем многозначительно произнес:

— Ты молодец, Сандро-Дю. Ты прекрасный журналист. Особенно удался тебе вот этот абзац, о том, как на Дюлии заботятся о здоровье буквально каждого. Очень убедительно и эмоционально написано... Но я то-

же времени даром не тратил. Познакомься-ка с результатами моего последнего биологического исследования, — протянул Новаку свой библиоскоп.

«Я информировал девяносто четырех друзей. Думаю, этого вполне достаточно. Главное — разрушить «Викторию». Все остальное — мелочи. Разве что подеремся малость врукопашную. Верно? Надо продержаться! Уже недолго!»

— Здорово, Феррос! Очень интересные результаты... Ты ученый милостью божьей. Тебе все так легко дается... — с завистью в голосе сказал Сандро после соответствующей паузы.

Из дневника Ферроса Вейна

«Теперь уже несомненно — мы в западне. Я даже представить себе не могу, что нам всем делать, что предпринять мне самому? Никто из нас не ожидал такого вероломства. На седьмой день после посадки бригада дюлийских техников и инженеров признала наш корабль абсолютно не пригодным для полетов. Никого, кто прибыл с нашим кораблем, не допустили в космопорт. И от нашего астралайнера не осталось и следа. Вместе с ним исчезла и наша возможность бесконтрольной связи с Землей на кодовой частоте».

«Прежде всего, приложив к этому максимум усилий, нужно тайком сделать нейтрино-передатчик и связаться без ведома дюлийцев с Землей. Все наши передачи через Дюлийский центр связи либо корректируются до неузнаваемости, либо вообще не выходят в эфир. Нужно немедленно действовать».

«Николиан Джерри от нашего имени проводит регулярные передачи на Землю. Сегодня он сам мне об этом сказал. Негодяй! Он уверяет Землю: на Дюлии все в порядке, и каждому из

нас будто так понравилось здесь, что мы решили не возвращаться домой. Мерзавец! Однако он просит Землю на всякий случай отправить на Дюлию пустой корабль, так как наш лайнер признан совершенно не пригодным к полетам. Все еще никак не могу понять этой просьбы Николиана. Скорей всего какой-то очередной коварный план... Необходимо срочно заканчивать монтаж передатчика. Земля должна поскорее узнать правду...»

Это произошло десять лет назад...

Космопорт был переполнен. Как только замолк могучий рокот посадочных двигателей, как только развеялись тучи пыли, поднятые ими, и немного остыли сопла ходовых аннигиляторов, к кораблю ринулись тысячи встречающих.

Феррос Вейн вышел первым.

Никто не ожидал такого пышного приема. Невероятный общий шум, приветственные возгласы, радостный смех и улыбки, улыбки, улыбки...

Феррос вышел и остановился на первой ступеньке. Чистое небо. В небе яркое солнце, чужое солнце, но так похожее на земное, такое же теплое, ласковое. Прищурился от яркого света. «Приветствуем, братья!» — вырвался из общего шума чей-то могучий голос. Вейн улыбнулся в смущении, помахал рукой.

Заранее было решено, треть экипажа останется на корабле до тех пор, пока не убедятся в полной безопасности оставивших корабль.

Из толпы вышел худощавый, очень возбужденный мужчина.

— Я Николиан Джерри, — произнес он, вытирая слезы радости. — Добро пожаловать, земляне! Дорогие наши «земляки»! Не волнуйтесь! У нас на Дюлии уже все в порядке, все хорошо. Унесся тот проклятый «Циклоп»... Можете не волноваться. Друзья! Братья! Доро-

гие наши!.. — Николиан замер в объятиях профессора Ферроса. — Спасибо вам за то, что прилетели, — шептал он. — Спасибо. У нас все хорошо на Дюлии. Все здесь очень хорошо, лишь до Земли далеко... Вы насосем?

— Пока не знаем, — ответил Феррос.

Дюлия была информирована о прилете астралайнера с Земли. Однако истинная цель прилета, безусловно, осталась в полной тайне.

— И не нужно нам сочувствовать, — усмехаясь, говорил Николиан Джерри. — Нам удалось ловко выкрутиться. Мы не утратили земного задора, земной уверенности в победу. Вы увидите наших детей! Познакомьтесь с нашими наследниками!

Ферроса Вейна подхватили на руки и понесли. А за ним и всех остальных, кто выходил из корабля. Земляне были потрясены и растроганы. Треть экипажа, как и договорились, оставалась на корабле. Но на следующий же день Феррос Вейн отдал приказ переходить всем в прекрасные помещения, выделенные «для братьев, для друзей». Приказ, явившийся фатальной ошибкой. Ни в коем случае нельзя было оставлять корабль без присмотра. Тщательное медицинское обследование прибывших еще больше усыпило бдительность.

— Дорогие друзья, в каждом дюлийском помещении имеется блок системы медицинского наблюдения. Осуществляется постоянный контроль за эманационным спектром каждого жителя, анализ биотоков, газовая идентификация... За последние годы мы сделали все для обеспечения здоровья каждого дюлийца, и особенно землянина.

Из дневника Сандро Новака

«Только Николиан Джерри и его сообщники знают правду о Дюлии, о комбинате «Виктория». Все наши переселенцы, «осчастливленные» реминисом, ничего не знают и знать не хотят.

Система Николиана действует безотказно. Вчера исчезли Антон и Василий, исчезли одновременно с теми, кому они рассказали об истинном назначении комбината «Виктория». Ужасно...»

Почти каждую ночь врывались в переутомленный мозг видения, и по одному, и по несколько сразу. Мучили, обессиливали. Все похожие друг на друга и в то же время чем-то отличающиеся. Отец. Мать. Пойма Днепра под Киевом. Аленка в розовом, с зеленым орнаментом, платице.

— Я скоро вернусь, — говорил он ей каждый раз.

Но Аленка не улыбалась обычной для себя беззаботной детской улыбкой, смотрела бесстрастно, точно каменная (а позади нее, как в кино на втором плане, проплывали далекие дубы на другом берегу поймы, голубые воды, облака на синем небе); ее взгляд волновал, тревожил каждую клетку уставшего тела, и Сандро стонал... Мори-Дю часто будил Новака, беспомощного и беззащитного перед ночными видениями:

— Сандро-Дю... Проснись... Тебе плохо?..

— А-а-а... Ты жди, я скоро вернусь...

— Ты плачешь, Сандро-Дю... Почему?

— Это ты, Мори, — разочарованно говорил Новак.

И Мори начинал его успокаивать, утешать. Заученными фразами, как его учили утешать землянина.

— Ты плачешь, Сандро-Дю... Почему?

— Мори, оставь меня. Все хорошо. Оставь... Не нужно.

А память исстрадавшегося тела хранила воспоминания.

Сандро вновь засыпал, и вновь приходили видения. Появлялся отец. И, как прежде, на Земле, опускал ему руку на плечо.

— Папа?

— Что, сынок? О чем ты думаешь?

— О жизни.

— Что же ты о ней думаешь?

Чувствуя сильную руку отца, Сандро умиленно улыбался во сне.

— Жизнь так сложна и прекрасна.

— Она простая, сынок.

— Простая?

— Да. Очень простая, если жить честно.

— Но как же, папа...

— Поверь мне, сынок. Ты еще очень молод. Ты еще совсем ребенок...

— Мне двадцать шесть уже.

— А мне лишь шестьдесят один, сынок.

— Меня изнуряет ожидание.

— А что ты ждешь, сын мой?

— Любви...

— Так... — таинственно говорил отец, а Сандро с восторгом всматривался в отцовские черты лица. — Мы живем, пока любим эту жизнь...

— Но человек не может так долго ждать, папа.

— Не хочет...

— Ожидание изнуряет...

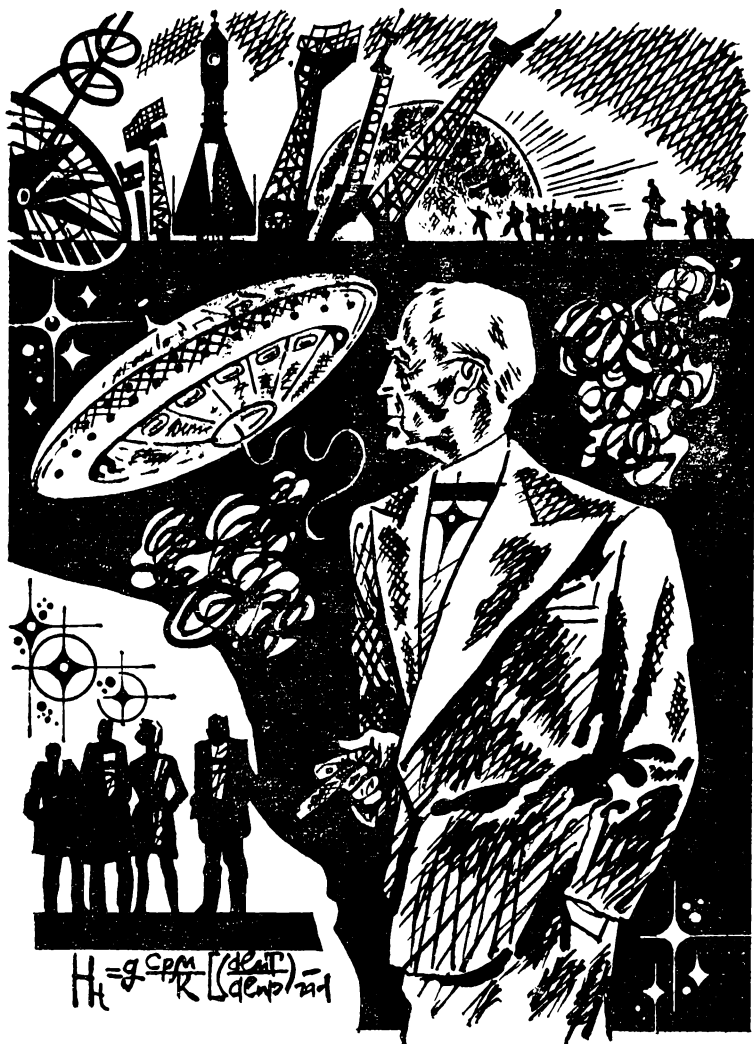
— Закаляет, сын. Поверь.

Разинутая пасть льва, слюнявая и омерзительная, нависала над Новаком и улыбалась ему своей жуткой улыбкой.

— Я люблю тебя, — говорил лев. — А ты меня любишь?

— Мори-Дю... Все хорошо... Оставь меня...

— Давай примем по таблетке реминиса, — говорила ему мать, и ее каштановые волосы поблескивали в лунном свете сказочными искрами. — Только по одной таблеточке, и все сразу станет красивым и осмысленным, будто в кино. Начнут проплывать картинки за окном, а мы будем сидеть, как в зале, и смотреть, но нам покажется, что это не кино, а сама жизнь, и мы ее активные участники, герои происходящего за ок-

ном. Умные люди изготовили реминис. Все прекрасное, приятное всплывает в нашей памяти, а все плохое вообще не появляется...

— Мама... Ты же ничего не знаешь...

А мать плакала беззвучно.

— Мама... Я скоро возвращусь...

— Сыночек, ты всегда был очень разумным ребенком...

— Мама...

— Прилетай поскорей... Мы так давно тебя не видели...

Потом опять появлялась Аленка в неизменном розовом платье с зеленым орнаментом. Ветер. Днепровская пойма. Могучие старые дубы на том берегу...

— Аленка, я скоро вернусь...

— Ты просто устал. Утомился. Но за жизнь нужно бороться, и за любовь — тоже.

— Борьба закаляет, сынок! — разносился под облаками отцовский голос.

— Ожидание, папа... Ты говорил, что ожидание закаляет...

— Да. Ожидание и есть борьба. Действовать — это проще... Но вот каким ты выйдешь из своего ожидания! Каким, сынок? Мне будет больно, если... Но нет, мы с мамой знаем, уверены, ты все выдержишь.

И опять ветер, и опять днепровская пойма, и могучие старые дубы на том берегу, и розовое, в зеленых узорах платье. Но взгляды у всех родных остановившиеся, застывшие — мертвые...

«Я счастлив. Ибо я одинок. Я сильный, как мой отец. И я творец этого мира! Счастливый творец нового мира, о котором мечтал еще мой отец. Я интуитивно чувствую, именно о такой жизни мечтал мой отец. Он и меня вырастил из клеток своего тела. У меня нет

матери — какое это счастье! И пускай выветрятся из памяти даже воспоминания о ничтожных слизняках. Пусть припадают сытыми щенками к моим ногам. Глупцы! И не подумаю приласкать их, почесать за ухом!

Само время звучит во мне. Я чувствую, как отсчитываются минуты моего счастья. Это стучит кровь в висках... Кровь?.. Жизнь?.. Как там у Андреша?.. «И день и ночь... Свеча мерцает... Последний день, последней боли жду... Последнее сгорит противоречье... И я умру. И я умру. Но страха нет. И нет любви, как прежде. Желаний нет. И ничего уж нет давно. Живое умирает. Остается атом. Послушный атом, окисляющий добро. Живущее теперь должно истлеть, но память еще хранит прикосновение той ласковой руки, которая не в силах подарить мне счастье, а только боль утраты, неотвратимой словно смерть...» Словно про меня написано...»

Николиан Джерри — один из первых переселенцев планеты Эдина. На Земле он к этому времени закончил биофак университета. Увлёкся вопросами генной инженерии. Поначалу предполагал просто пожить несколько лет на планете Эдина отшельником где-либо в девственных лесах... Романтично и красиво... Тогда он был еще наивным юнцом. Соорудил себе жилище в Тошинском лесу, названном его отцом в честь земного города Тошин, где он родился. Экспедиция Вилли Джерри составила первые карты планеты и дала название многим местностям.

Но спустя несколько лет появились первые слухи о бесплодии, сначала шуточные, потом тревожные и наконец взволнованные до истерических криков Фреда Савчина на центральной площади:

— Мы — бесплодны! Поймите! Мы все подобны кастратам! — Он рыдал, размазывая по лицу слезы грязными ладонями. Фред Савчин прилетел на планету Эдина с молодой красавицей женой. Они мечтали о де-

тях, о дикой планете и... вдруг... Ничего этого не будет! Не будет!

И вот тогда на одном из заседаний совета появился молодой парень в темно-синих ледровых брюках, в белой сорочке с закатанными рукавами. Он вышел на середину зала и начал громко и властно:

— Нам нет пути назад. Мы бесплодны здесь, останемся такими же бесплодными и на Земле. Но я обещаю создать комбинат по выращиванию нашего потомства из клеток наших тел. Повторяю: нам нет пути назад. Перед нами дорога только вперед!

Никто не мог знать и не подозревал, какой план созрел в голове Николиана Джерри.

«Сколько землян гибнет ежегодно в глубинах космоса, сколько умирает на самой Земле от всяких несчастных случаев и просто своей смертью. А ведь с каждым телом исчезает чистый, неповрежденный биологический материал. Ему бы только одно-два тела в год... Этого вполне хватило б для работы комбината...»

«Всего знать невозможно. Но к этому и не следует стремиться... Досконально обязан знать только вероятные пути к избранной тобою цели», — эти слова Николиан не раз слышал от своего отца. А все, услышанное когда-либо от отца, Николиан накрепко запоминал. Может, просто потому, что редко видел его и с жадностью воспринимал все сказанное.

«Каждый является маленькой частицей большого организма общества, не осознавая общечеловеческих функций. Никто не должен знать лишнего, — думал Николиан уже на планете Эдина. — По крайней мере, на первых порах никто не должен знать лишнего, пока моя планета не выработает собственную прочную позицию существования. А потом можно будет диктовать Земле свои условия. И тогда только позволительно сказать правду, если она кому-то понадобится. Ибо существует всего лишь одна правда — желание жить! Земля же

пока что ничего не должна знать. Иначе нас просто-напросто насильно вернут домой. И тогда — шестьсот тысяч трагедий. К чему? Пусть лучше будет шестьсот тысяч победителей! План простой и реальный! Появятся дети — дети Николиана Джерри! На своей планете с красивым названием — Дюлия!»

Его звали Пульсаром.

Он — первая жертва в цепи преступлений Николиана...

Уже начали строить «Викторию». Абсолютно никто (кроме единомышленников Джерри) не знал, к чему все клонилось. Биохимические лаборатории, монтаж оборудования, реакторов, электроники... «Из клеток наших тел начнут скоро появляться наши дети!» — «Постой, Николиан, тебе-то лучше других известно, — чтобы заставить клетки не только делиться, но и дать начало новому организму, нужен хотя бы такой препарат, как энема, а лучше — маневит... А эти препараты — биологические вытяжки из клеток, которые делятся, — на Дюлии не получишь...» — «Я синтезировал энему из дюлийской секвойи. Все будет в порядке. Мы сами станем решать свою судьбу...»

Тогда он попросту солгал, идя к первому своему преступлению. Солгал о препарате из дюлийской секвойи. Для отвода глаз часто вылетал на своей авиетке в глубины дюлийских джунглей, возвращался с контейнером разной зелени, преимущественно с хвоей секвойи.

...Транспортный корабль «Медина» произвел наконец посадку в космопорте города Онто. На нем прибыли грузы, заказанные четыре года назад. Несмотря на то, что специалисты признали — на Дюлии теперь людям ничто больше не угрожает, блуждающее поле вышло из этого квадрата пространства, экипаж «Медины» не снимал универсальных защитных костюмов, выходя

из корабля. От предложения главного диспетчера победать отказались («У нас на «Медине» все есть. Спасибо. Мы торопимся в обратный рейс на Землю...»). Уладили все формальности. Началась разгрузка. Экипаж поспешил вернуться на борт корабля.

Николиана впустили на борт корабля с явным нежеланием.

— Я хотел бы повидать командира.

— Кто вы? — сдержанно спросил биокибер.

— Я Николиан Джерри, научный руководитель дюлийского комбината «Виктория».

— По какому делу?

— Мне хотелось бы поговорить с командиром как землянин с землянином.

Долго не было никакого ответа. Наконец медленно открылся люк деклимационной камеры.

Командира звали Антоном Пульсаром.

Они сели к столу в голубом холле «Медины». Пульсар не снимал защитного костюма. Разговаривал через фототранслятор на груди.

— Вы действительно боитесь нашей Дюлии? — спросил Николиан.

— Неужели вы думаете, что я разыгрываю осторожного космоисследователя? Да, я боюсь. Мне, друг, только тридцать восемь. И я еще хочу увидеть своего сына или дочку...

— Но вам же известно, что на Дюлии все уже нормально...

— Я очень рад, что у вас... все в порядке...

— Значит, не верите...

— Верю... Но боюсь... И не понимаю вас...

— Меня?

— И вас тоже. Не понимаю тех, кто живет на Дюлии и думает, что искусственная репродукция что-то решит... Вам нужна была эта планета, эта дикая, красивая планета, чтобы чувствовать себя здесь первыми людьми на ней... Но людьми... Очень грустно, тяжело

все случившееся... Трагедию вашу земляне считают и своей трагедией. Но... Кому нужна ваша «Виктория»? Нет никакой надобности осваивать планету такой ценой. Да, все очень грустно и...

— Вы просто не понимаете нас... А я понимаю каждого из шестисот тысяч... И они понимают меня. Кстати, мой отец — Вилли Джерри всю жизнь был астроисследователем... У меня нет матери... Отец заказал вырастить меня из клеток своего тела. Он хотел иметь последователя, наследника... И я не вижу никакой разницы... Для моего отца это не было трагедией...

— Простите, если обидел вас своим непониманием... Но, собственно говоря, по какому делу вы пришли ко мне?

Николиан внутренне весь напрягся. «Иного выхода нет. Если не он, так кто-нибудь другой, кого тоже будет жаль. Отец говорил: «В жизни всегда о ком-либо приходится жалеть».

— Дела, как такового, у меня нет... — тянул время гость.

Командир нетерпеливо откинулся в кресле. Николиан с громкими возгласами: «Что с вами, командир? Вам плохо?» — метнулся к нему и тут же сжал патрубков газообменника, ловко нащупав его под эластичным материалом серого комбинезона на шее и продолжая с наигранной тревогой кричать:

— Что с вами? Вам плохо?!

Николиан Джерри повалил его на пол, имитируя падение капитана, непрерывно повторяя: «Что с вами, командир? Что с вами, командир?» Пульсар попытался оттолкнуть Николиана, хотел спросить гневно: «В чем дело, в конце концов?!» Но Джерри дико закричал, заглушая голос капитана:

— Быстрее сюда! Командиру плохо!

Наконец он нащупал левой рукой под клапаном аксилярной впадины (он хорошо знал эти комбинезоны) тонкий, мягкий проводник, идущий к фототранслятору.

Ему удалось подцепить его пальцем, словно крючком, через эластичную ткань защитного костюма, рвануть изо всех сил и почувствовать, что проводник оборвался. Теперь не стало слышно хриплого дыхания Пульсара. Пальцами правой руки он продолжал сжимать патрубок газообменника, одновременно имитируя, что левой делает массаж сердца. Пульсар пытался обороняться, но время было упущено. Он задышался. Глаза вылезали из орбит. Когда на крик Николиана прибежали другие члены экипажа, ворвались без комбинезонов, в легких спортивных костюмах, наспех разгерметизировав голубой холл, они не слышали уже от своего командира ни слова. Тело Пульсара конвульсивно вздрагивало.

— Похоже на внезапную остановку сердца, — объяснял Николиан, поднимаясь. — Но все должно быть хорошо... Мне удалось запустить сердце... Наружный массаж... Немедленно вызовите машину из нашего медицинского центра.

Друзья Пульсара были ошеломлены.

— Все произошло внезапно. Мы разговаривали... Вдруг я увидел, что ему плохо... он побледнел, зрачки расширились... Я сразу же начал звать вас и старался хоть чем-то помочь... Наружный массаж сердца...

Антон Пульсар будто бы пришел в сознание, тяжело дышал, уставившись глазами в одну точку. Над ним склонились.

— Антон! Антон! Что случилось? Что с тобой?

Но он лишь беззвучно шевелил губами.

Никому и в голову не пришло, что фонотранслятор отключен.

— Ты что с ним сделал?! — закричал кто-то из команды. — Что?! — и бросился на Николиана.

Но его остановил другой:

— Этот парень говорит правду. Я сидел в операторской, слушал их разговор, наблюдал на экране... Было так, как он говорит... Нужно немедленно вызы-

вать машину... Если и вправду была остановка сердца, этим нельзя пренебрегать...

Николиан больше не проронил ни слова.

В дальнейшем события развивались не менее молниеносно.

Джерри сопровождал Пульсара до самой «Виктории». Остальное завершилось быстро...

Потом Николиан плакал. Плакал искренне... от радости. «Мы ничего не смогли к сожалению, сделать. Операция прошла удачно... Мы вживили сердечный стимулятор... У нас на Дюлии нет ни одного сердечного протеза... Клянусь вам, мы сделали все, что могли... Но сердце отказало...»

К тому времени у Николиана Джерри было семь верных ему единомышленников. Один из них — хирург.

Тело Пульсара вернулось на Землю.

Вскоре после отлета транспортного корабля комбинат «Виктория» начал функционировать.

Николиан Джерри, появившись малейшая возможность, поставил бы памятник Антону Пульсару на центральной площади города.

Это было первым его преступлением. Однако сам Николиан иначе оценивал собственный поступок.

«Конечно, подобным нельзя во всеуслышание гордиться, о нем никому не расскажешь, однако в каждом деле существует черновая, неблагодарная работа. И если припомнить, то в человеческой истории отыщется гораздо больше таких черновиков-заготовок, чем благородных добрых деяний, — убеждал, успокаивая, себя Николиан. «Зерна сегодняшнего добра вырастают на перегное вчерашнего зла», — говорил как-то отец. Разве не верно? Человечество размножает и выращивает на животноводческих фермах и потом забивает своих эволюционных предшественников спокойно, без сантиментов, для питания, одежды и прочих нужд. А сколько жизней принесено в дар смерти самими людьми

в бесчисленных войнах?! Сколько астроисследователей погибает в глубинах вселенной?! И просто от старости... Такова сама жизнь, ее финал! Разве при всем этом шестьсот тысяч наших калек-переселенцев не имеют права попытаться стать счастливыми победителями своего недуга?! Порой простые условности становятся непреодолимым барьером прогрессу... Разумная ложь во сто крат полезнее правды... Люди хотят чувствовать себя справедливыми и мудрыми, добрыми и честными, они согласны, чтобы их обманули, но красиво и умно, только бы убедили их, что они именно такими и являются, какими мечтают себя видеть... Так нужно же кому-то стать чернорабочим...»

Семеро ближайших друзей Николиана полностью разделяли его взгляды. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы начать строительство «Виктории» и ловко скрыть истинный источник получения энемы... Но... Николиан боялся..., «Люди хотят быть обманутыми и одновременно не желают знать о том, что обмануты».

Всего несколько раз в своей жизни Николиан испытывал действие реминиса. То удивительное состояние блаженства, ни с чем не сравнимого ощущения собственной мудрости и всеобщей гармонии, когда все окружающее принимает необыкновенно острые признаки целесообразности и прелести, навсегда запомнились ему. Да, именно реминис и поможет! Таблетки счастья и здоровья! Еще одна небольшая ложь — в этом помог ему Мартин Стелкер своим «научным открытием». Реминис оказался очень нужным для процессов обмена веществ. Таблетки счастья, здоровья и долголетия!

По правде говоря, Мартин Стелкер колебался:

— Послушай, Николиан... Может, следует остановиться...

— Что? — Джерри презрительно улыбнулся.

— Нужно все взвесить... Мы с тобою не дети...

Мартин был на семь лет моложе Джерри.

— Да, к сожалению, уже не дети... И потому мы сами должны решать собственную судьбу. Никто не сделает этого ни за тебя, ни за меня. Нас с тобой многое объединяет, Мартин. У тебя тоже нет матери, как и у меня. Я не желаю возвращаться на Землю. И ты не хочешь. Мы останемся здесь. Но, согласись, бессмысленно оставаться на планете, сознавая, что все тобою созданное вместе с тобой и исчезнет. Или, скажем, прилетят сюда новые переселенцы — молодые, сильные, здоровые. Они будут подчеркнуто снисходительны к нам, калекам. Это унижительно. Ты смиришься? Нет. Значит, цель у нас с тобою одна. И путь один. Ты убедишь большинство наших людей в пользу реминиса, Виталий Гар организует его массовое производство... Так нужно... Реминис освобождает человека от болезненных сомнений. Это необходимо. Необходимо даже нам самим. Мы не должны сомневаться ни в чем. «Виктория» — будущее нашей планеты, будущее каждого из нас... А одно-два тела в год... такая мелочь. Время от времени будут прилетать земляне. Они, понятно, боятся, но прилетать не откажутся... В конце концов, мы не прекратим заказывать разные грузы, оборудование... Кто-то из прилетевших может и заболеть...

А потом... потом Дюлия начнет диктовать свои условия!..

Из дневника Ферроса Вейна

«Вчера я имел возможность убить его. Убить Николиана Джерри. И если б хоть малейшая надежда была, что это изменит что-то на Дюлии, я без колебаний исполнил бы свой долг. Но вполне очевидно — ничего не изменится. Не стало б Николиана. Не стало б меня. Но осталась бы «Виктория». А остановить «Викторию» мы не в состоянии. Система Николиана работает безотказно. Шестьсот тысяч переселенцев, отравленных ре-

минисом, и четыреста тысяч дюлийцев, «рожденных» «Викторией», — это уже единый общественный организм».

— Добрый день, Феррос. Вы, кажется, хотели меня видеть?

— Да, — ответил профессор с досадной беспомощностью. Поднялся из-за стола. За последнее время он трижды пытался встретиться с Николианом Джерри, но тот демонстративно избегал встреч. И вот вдруг сам пришел к профессору в лабораторию.

Джерри сел к столу спокойно, основательно, по-домашнему.

— Как вам работается, профессор?

Феррос ничего не ответил, нервничая, достал сигарету. Приход Николиана явился для него полной неожиданностью.

— Напрасно курите, профессор. Даже эти арниковые сигареты... еще с Земли... Нужно беречь себя, — заметил покровительственно. — Так как вам у нас на Дюлии? Только откровенно, профессор.

Феррос промолчал опять. Николиан протянул ему свою коробочку с мелкими таблетками. Реминис.

— Угощайтесь.

— Благодарю... Не употребляю...

— Напрасно...

— Вполне возможно.

— Что вам не нравится у нас на Дюлии? — В голосе Николиана звучало искреннее беспокойство, и у профессора Вейна мурашки пробежали по спине. «Что это? Издевательство? Цинизм? Безумие?» Но, собравшись с силами, спокойно ответил:

— Все.

— Вам все не нравится? — также спокойно спросил Николиан.

— Да.

— Вам не нравится ваше помещение, где имеется

все необходимое для жизни и даже для любых прихотей... Вам не нравится возможность самостоятельно распоряжаться собственным временем... Вам, наконец, не нравится, что никто ни к чему вас не принуждает...

— От меня требуется лишь одно...

— Оставьте, профессор, — перебил его Николиан. — Это требует от вас не Дюлия, а сама жизнь... Но к этому мы вернемся несколько позже, с вашего позволения... Вам не нравится, что вам сразу предоставили возможность работать, творить... Я убежден, что лучших лабораторий вы не видели в своей жизни... Но наша лаборатория вам не нравится... И наша библиотека... И покладистые, послушные дюлийцы, собственно, ваши слуги... Все вам не нравится. Так, профессор?

Николиан Джерри положил в рот таблетку реминиса, не спеша разгрыз ее, проглотил.

— Вы уже все знаете о Дюлии. По крайней мере — многое. Точно так же, как и мы многое знаем о вашей миссии, к слову сказать, и о «Программе трехсот»... — Говоря, Николиан, при внешнем безразличии, внимательно наблюдал: какое впечатление произведет сказанное им. Но тщетно. — Не обижайтесь, что я не смог сразу встретиться с вами, когда вы хотели этого, но... у меня столько неотложных дел, — и в глазах засветилась насмешка. — Однако нам и вправду давно уже пора поговорить, спокойно посоветоваться, обмозговать все, наконец, пофилософствовать, как землянин с землянином, точнее, как дюлиец с дюлийцем... Вас не обидело, что я так сказал? Ведь вы тоже, по сути, дюлиец.

— Нет! — со злым ударением ответил Феррос. — Я не чувствую себя дюлийцем.

— Напрасно... Впрочем, можете продолжать чувствовать себя землянином, который никогда не возвратится на Землю.

— Вы так думаете? — невольно вырвалось у профессора, и он с досадой заметил, как некстати уверенно и с иронией прозвучал его голос; замер в испуге:

вдруг Николиан заподозрит, догадается об установившейся у них радиосвязи с Землей.

— Не только думаю, уверен. И приложу к этому максимум усилий. Собственно говоря, уже приложил... — не заметил растерянности профессора Джерри, сам находясь в напряжении. — А вы надеетесь вернуться? Думаете воспользоваться кораблем, который я вызвал с Земли? Уверяю, вам это не удастся. Или уверены в своем передатчике... — И он громко, самоуверенно рассмеялся. — Хотите, я вам кое-что покажу?

Николиан на мгновение стал безобразен в самоуверенности и самодовольстве. А Феррос Вейн (затаив внутреннее торжество своей догадки) сдерживал страстное желание убить или хотя бы ударить этого дегенерата и маньяка. На лабораторном столе лежала тяжелая свинцовая подставка плазменной горелки.

— Так идемте посмотрим вместе, — вновь предложил Николиан.

И они пошли. Феррос Вейн понимал, догадывался; куда они идут, и внутренне готовил себя к тому, чтобы поинтереснее разыграть испуг, растерянность, естественнее воспроизвести свое поведение в трагедийной ситуации.

— Что это за сооружение? — спросил Николиан и удовлетворенно усмехнулся.

Феррос долго молчал. Закрыв глаза, стиснул зубы, чтобы скрыть и подавить радость... не дать ей проявиться, когда заговорит.

— Мы проиграли, — ответил едва слышно. — Теперь всему конец, — продолжил с отчаянием в голосе.

— Я думаю иначе: не конец, а лишь начало. Да-да, начало вашей дюлийской жизни.

Феррос Вейн дотронулся до незавершенного нейтринно-передатчика, замаскированного под криосублиматор, и посмотрел на Джерри с явной ненавистью.

— Как вы догадались?

Николиан засмеялся:

— Простите, но не с дураками же дело имеете. Кстати, даже успев его закончить, все равно... Помещения всех без исключения лабораторий экранированы, а нейтрино-фильтры самые надежные. Так вот — все равно вы не передали б на Землю ни кванта энергии... Но, вполне понятно, этого вы не знали. И потому наделись. Не так ли?

Передачик, обнаруженный и «рассекреченный» службой Николиана, монтировался специально так, чтобы отвлечь внимание от другого, который давно и регулярно выходил на связь с Землей. И связь та была устойчивой и двусторонней. Таким образом, сказочки о фильтрах — очередная ложь. Дальновидная ложь, для того, чтобы усилить чувство обреченности.

Земля уже знала все о Дюлии. Летел корабль. Но путь его — длиною в четыре года. А каждый год они теряли двух-трех товарищей.

Оранж остановился возле ворот академии и тихо произнес, открывая дверцу:

— Оставайся спокойным, Сандро-Дю. Спокойствие — источник мудрости. Береги себя.

Сандро Новак ничего не ответил и почувствовал — Оранж обиделся, не услышав в ответ даже простого «спасибо». Сандро направился по длинной ситалловой дорожке ко входу. По обе стороны ее — дюлийские тополя и кусты боярышника.

Назвал свое имя дежурному.

— Семен-Дю вас ждет, — ответил тот после недолгой паузы. — Проходите, Семен-Дю сейчас выйдет к вам.

Сандро сел у стола в глубокое мягкое кресло.

Никто из землян не видел Семена с тех самых пор, как он стал консультантом Джерри. Каждый пытался понять — в чем дело? Убеждали себя — так нужно! Один из трехсот вот уже шесть лет является правой

рукой самого Николиана Джерри. Нельзя пренебрегать этим обстоятельством, не стоит рисковать...

Семен Михай вошел тихо и неожиданно. Сандро вздрогнул от прикосновения к своему плечу.

«Как он изменился. Усталое серое лицо. Вялая улыбка вместо приветствия. Садится в кресло рядом. Под глазами отечные мешки. Зрачки, сильно суженные, как маковые зерна. От реминиса...»

Болезненно улыбаясь, Семен произнес:

— Она умерла...

Новака испугали, удивили его слова и улыбка и какое-то обреченное умиление.

— Кто умер?

— Помнишь, еще на Земле умерла... Моя Пальма... Такая умная собака! — повысил голос. Затем с грустью спросил: — Тебе не жаль мою суку, Сандро?

Новак с болью в душе понял, психика Семена Михая окончательно разрушена реминисом.

— Ты не бойся, Сандро. Можешь говорить. В моем доме можешь говорить все. В моем доме нет системы медицинского наблюдения. Я гарантирую. Это было **моим** условием сотрудничества с Николианом. Поэтому можешь не волноваться, — и он сам вдруг успокоился и снисходительно улыбнулся.

Новак смотрел на черные точки его зрачков, на слезу, задержавшуюся на землистой щеке, слышал его охрипший голос и не мог понять — кто же он теперь, Семен Михай? Кем считает себя сам?

«Он, пожалуй, даже не знает, что земляне сумели связаться с родной планетой, что прилетит корабль якобы по вызову Николиана Джерри, но все произойдет совсем не так, как планирует Джерри... Да, Семен наверняка ничего не знает. Шесть лет его никто не видел, и он никого не желал видеть. Но все это время он, безусловно, что-то делал... Программа «Билальген семнадцать»... Она спасла меня... Но я ему ничего не скажу сегодня. Ничего».

Семен Михай вытер слезу на щеке и начал говорить:

— Но пригласил я тебя, конечно, не для того, чтобы поплакать. Завтра прилетает корабль с Земли... Ты хорошенько взвесь все, Сандро, и не торопись с выводами. Не торопись с ответом. Я остановил свой выбор именно на тебе. И надеюсь — не ошибся... Скажи, тебе нравится на Дюлии?

Новак взглянул на него с большим удивлением. Он совершенно не ждал такого вопроса. И не ответил ничего.

— Сандро-Дю, я не мог ошибиться в тебе, ты, пожалуй, единственный из трехсот, кто, по моему разумению, может меня понять...

— Что, собственно, я должен понять?

— Сандро-Дю, и ты, и я, и каждый из трехсот теперь знают все о Дюлии, о комбинате «Виктория»... Но...

— Три-четыре жизни в год — такая мелочь по сравнению с обеспечением существования новой цивилизации... — в тон ему продолжил Сандро. Семен Михай не заметил даже сарказма в тоне Новака. — И даже для тех, кто «отошел» преждевременно, это не смерть, а многократное возрождение, перевоплощение в тысячи дюлийцев, появляющихся на свет...

— Да, да... — улыбнулся Семен Михай. — Ты все прекрасно понимаешь...

У Новака темные пятна пошли перед глазами. «Неужели?! Неужели он воспринял мои слова серьезно? Один из нас, трехсот, начнет сейчас уговаривать меня остаться на Дюлии. Нет! Этого не может быть!»

Семен страдальчески рассмеялся, достал из кармана небольшую синюю коробочку и положил в рот три таблетки реминиса.

— Чудесная вещь этот реминис... Я его сразу оценил здесь на Дюлии. Казалось бы мелочь, маленькая таблеточка, а сколько в ней силы скрыто, сколько воодушевления, счастья... И главное — исчезают всякие

глупые сомнения, колебания, надуманные сложности бытия. Ты, пожалуй, несколько недооцениваешь реминис... Хотя — я интересовался — иногда ты тоже к нему прибегаешь. Таблетки счастья... — с вожделием произнес Семен и проглотил еще три... — Кстати, ты, верно, плохо знаешь Николиана. Это коварный хищник — умный, сильный и вероломный. Ради того, чтобы обеспечить для Дюлии чистый, здоровый биологический материал, он готов производить нападения на земные корабли, а со временем и на саму Землю!.. Ты понимаешь? То есть война. Но я фактически уже отстранил его от руководства. Первые годы я лишь формально числился консультантом. Но теперь я проявил свои способности и мыслить и руководить...

Семен улыбнулся и протянул Новаку свою синюю коробочку. Сандро взял две таблетки.

— Не думай, Семен-Дю не такой уж дурной и жестокий. Я немало пережил! Думаешь, мне легко?! — По его лицу потекли слезы, началось действие реминиса. Сандро Новак незаметно оставил свои две таблетки между пальцами, отправляя их якобы в рот. Семен, не замечая этого, продолжал: — Ты послушай меня... Я чувствую, знаю, все будет хорошо, ты меня понимаешь, мы с тобою одинаково мыслим... Ты не можешь не согласиться — для землян на Дюлии сказочные условия. Единственная неприятность — нужно рано или поздно отходить... Одному выпадает отойти первым, другому — последним... Как и вообще в жизни. Короче, Сандро-Дю, нужны люди. Очень нужны люди. Через каких-нибудь двадцать-тридцать лет проблема опять станет остро... А я не могу допустить нападения на земные корабли... Это дикость, варварство в наше время... — Семен проглотил еще несколько таблеток. — Тебе нужно побывать на Земле... не одному, а с группой наших дюлийцев... организовать там новую экспедицию или экскурсию... Нужно продумать... Завтра прилетает корабль, вызванный Николианом-Дю. Не теряя

времени, через несколько дней вы отправитесь. Нужно, Сандро. Очень нужны, просто необходимы свежие люди. Если не согласишься ты, придется... мне самому. Но у меня очень много дел, и я наконец по-настоящему взял руководство в свои руки... Я обещаю тебе... для тебя... ты будешь обеспечен реминисом в неограниченном количестве. Ты станешь самым счастливым человеком на этой планете, и... самое главное — получишь право... отойти последним... Слышишь?!

Новак боялся даже вдумываться до конца в значение услышанного набора слов.

— Если согласен, скажи... Только не вздумай хитрить. Я все учел и предусмотрел. Никакие случайности немислимы. Так вот, подумай и ответь, согласен ли...

«Ужасный, безумный бред наркомана».

— Послушай, Семен, а почему ты доверяешь именно мне?

— Почему именно тебе? — загадочно улыбнулся Михай. — Видишь ли, я очень внимательно и тщательно изучал характеры всех, кто живет на Дюлии, ваши взгляды, привычки... Но, кроме того, скажу откровенно — тебя рекомендовал Мори-Дю.

— А если я отвечу отказом?

— Если откажешься... Ну... все останется так, как было до сих пор... Но я верю, ты согласишься. Понимаю тебя, тяжело, очень тяжело восемь лет не видеть прекрасной Дюлии, но зато потом... потом, Сандро, все на этой планете станет твоим, к твоим услугам. Тебе поручается величайшее дело нашей планеты, будущее нашей цивилизации!..»

«Нашей планеты, нашей цивилизации».

— Семен! Ты только вспомни, какими мы прилетели сюда... О чем мы думали тогда? К чему стремились? Какой мы представляли жизнь вообще и здесь, на Дюлии, конкретно? Семен, ты сейчас многое можешь, почти все... Теперь перестал действовать фактор генетиче-

ского воздействия на этой планете... Мне понятно твое состояние, но...

В голове Сандро Новака никак не укладывалась мысль о том, что Семен Михай окончательно деградировал под действием коварного наркотика. Не хотелось верить, что кто-то из них, трехсот, мог оказаться таким отвратительным негодяем.

— Мы еще сможем стать обыкновенными людьми. Ты меня слышишь, Семен?

Тот долго, неподвижно смотрел на Сандро Новака, бессмысленно уставившись в него невидящими черными зрачками глаз. Вдруг рука его нервно вздрогнула, и Новак весь сжался, предчувствуя удар. Но Михай достал коробочку с реминисом и проглотил еще две таблетки.

— Я пошутил, Сандро-Дю, — сказал после затянувшейся паузы. — Мне нужно было проверить тебя. Перед прилетом корабля я всех проверяю. По крайней мере, многих. Сам понимаешь, необычная планета, непривычные условия существования и неограниченные возможности... Психика людей очень податлива распушенности безделья. Она, как ни странно, легче переносит тяжкие испытания, чем бездействие, лень. А ты молодец, Сандро... Завтра к двум часам выходи в космопорт встречать корабль. Там соберутся все! И земляне, и дюлийцы! Ты, Сандро, молодец! Ты сохранил свою психику в добром здравии. Завтра мы все возвращаемся на Землю. Все!.. А сейчас... Не буду больше задерживать тебя.

Семен Михай с усилием поднялся с кресла и быстро пошел к выходу, сильно сгорбившись, неверной походкой.

Сандро, ошеломленный, остался сидеть.

«Проверка? Конечно, проверка нужна. Безусловно. Но... могут ли подобные проверки устраивать порядочные люди своим друзьям? Он даже не извинился передо мной. Зрачки абсолютно больного человека, нар-

комана. Разве допустимо призывать к подлости, чтобы убедиться — здоровой ли осталась у человека психика? Нет, это не проверка... Он — законченный негодяй. Завтра прилетает корабль, и они с Николианом тоже задумали что-то предпринять... Неужели мы в чем-то просчитались, и все пойдет не так, как подготовлено?..»

Десять лет назад Семен Михай проснулся, открыл глаза и долго не мог понять, где он находится.

— Доброе утро, — слышался неожиданно голос.

— Доброе утро, — ответил, повернувшись, и увидел перед собой двух незнакомых мужчин.

— Как вам у нас на Дюлии?

Семен Михай сразу все вспомнил, он переселенец, на Дюлии. Не знал только, как он оказался в этой комнате, похожей на больничную палату.

— Спасибо... Но я еще не знаю, как у вас на Дюлии.

— Будем завтракать?

— Благодарю, еще не хочется.

— Тогда хотя бы бокал электона. Нашего, дюлийского.

На столике у кровати стоял наполненный до краев бокал с розовой жидкостью.

— Спасибо.

Один из незнакомцев протянул бокал Семену. Он приподнялся и, смущенный таким вниманием, торопливо выпил.

В электоне была большая доза реминиса.

— Меня зовут Илон-Дю, — представился один.

— А меня — Зорян-Дю, — как эхо, повторил другой.

— Вы и есть... дюлийцы? — догадался Семен Михай. — Вы братья?

— Да... — рассмеялись оба. — На Дюлии все братья... сестры...

Улыбнулся и Семен. На душе у него почему-то сделалось легко, радостно, ему показалось, будто он медленно полетел, сознавая одновременно, что продолжает сидеть на кровати обнаженным перед незнакомыми людьми, совершенно не смущаясь, даже испытывая удовлетворение, так как эти люди не разглядывают его с удивлением, и сам он как бы приобретает совсем иной смысл вне оболочек одежды и слов... «Мир так прекрасен! Все мы одинаковы, равны в этом мире — все, кто мыслит. Красивые парни. Сдержанные, приветливые. Дети Николиана Джерри. Так вот они какие... Немножечко похожи на земных биокиберов, но больше, конечно, похожи на людей. Симпатичные ребята...» Вдруг неожиданно для себя он рассмеялся. Но дюлийцев это ничуть не удивило.

— Давайте позавтракаем вместе?

— Да, безусловно.

В глубине комнаты стоял сервировочный столик с тремя приборами, закусками, напитками, какими-то блюдами.

— А где мои товарищи?

— В этом же доме... Но не все... Видеотелефон в соседней комнате. Номера ваших друзей мы записали на отдельном листке. Он лежит возле аппарата. Можете соединиться с каждым из них в любое время. Но сначала, пожалуй, позавтракаем, правда?

— Да, конечно.

В одном из блюд завтрака (привычном для землян салате паюс) также содержалось много реминиса.

— Каждый мыслящий стремится к наслаждению, ведь правда? — спросил вдруг Илон-Дю.

— Да, — не задумываясь, подтвердил Семен Михай.

— У нас все люди могут чувствовать себя вполне счастливыми, — сказал Зорян-Дю.

— К сожалению, и на Дюлии тоже когда-то нужно умереть, но это уже закон жизни, как и повсюду, — сообщил Илон-Дю. — Не помню когда, но у прежних

англичан на Земле бытовала пословица: «Умереть — долг каждого!»

— Да, именно долг каждого, — продолжал Зорян-Дю. — Долг потому, что понятия «жить» и «умереть» — это два крыла одной птицы, зовущейся жизнью. Правда же, Семен-Дю? Простите, можно мы будем называть вас по-нашему — Семеном-Дю?

— Да-да, пожалуйста. Называйте. — Михай блаженно улыбался.

Действительно, все так просто, так мудро, трогательно и прекрасно...

— Ты так быстро, Сандро? Все в порядке? — спросил Оранж.

Новак уселся в кабине и все еще ждал, вот сейчас подойдет кто-то или остановится рядом другая машина... Но никто не подходил.

— К профессору Ферросу-Дю, — приказал Новак. — И побыстрей.

— Что-нибудь случилось?

— Оранж, ты, к сожалению, ничем не сможешь мне помочь.

— Ты так думаешь, Сандро-Дю?

— К Ферросу. Как только можешь быстро. И прекрати болтовню.

— Поспешность не лучшее решение... — возразила машина. — Расскажи мне сначала...

Сандро раздраженно перебил:

— Повторяю, ты ничем не поможешь мне. Замолчи!

— Ошибаешься, Сандро-Дю. Такие, как я, могут вам помочь!

— Нам?.. Ты что-то знаешь?

— Я знаю все. Кроме того, что ты ответил Семену-Дю.

Выдержка изменила Новаку. Разговор с Семеном обессилил его.

— Ладно, — в сердцах выпалил он, — скажу: я отказался от его предложения... Ну так мы поедим наконец к Ферросу или мне идти пешком?!

— За вами обоими следят. Возле профессора Ферроса дежурят с самого утра. Тебя заберут сразу же, как только мы остановимся возле его дома. Мне нужно знать — тебе нравится жизнь на Дюлии?

— Замолчи! — закричал Сандро. — Что это — очередная проверка? Очередное издевательство?

— Прости, Сандро-Дю... но мы едем домой. Система наблюдения должна отметить, что ты после разговора с Семеном-Дю сразу вернулся домой. Нужно исключить необдуманные поступки.

— Но... — попробовал возразить Сандро. Силы оставили его, он чувствовал, еще немного, и он потеряет сознание.

— Все равно ты сейчас ничего не сможешь сделать... Но знай: я, Черный Тор и все другие машины — с вами. Мы поможем вам. Поверь!

Они тронулись и с площади Руса въехали в тоннель. Оранж мчался с максимальной скоростью. Новака то и дело прижимало к креслу на крутых поворотах. Вот остановились возле дома. Оранж, прежде чем открыть дверцу, впервые приказал:

— Сразу заходи в помещение... Меня не ищи. И не вызывай, не вздумай куда-нибудь выйти. Понял?

Оранж двинулся с места, мгновенно набрал скорость и исчез за углом дома. Новак, как лунатик, полпелся к входу.

Оглушающая тишина.

Робби встретил его до удивления спокойно, сразу откатился в нишу, освобождая проход, и сказал тихо:

— Добрый день, Сандро-Дю. Мори-Дю просил вас никуда не выходить. Подождите его. Он скоро будет.

«Это западня. Но зачем тогда Оранж откровенничал со мной?.. Мори нет дома. Безусловно, он на комбинате.

Там готовятся к приему большой партии землян... Точно — западня... И Оранж тоже слепая частица огромной ужасной машины... А если этой ночью нас всех заберут на «Викторию»? Тогда... тогда мы все погибнем одновременно с... Нужно скорее повидаться с Ферросом... все взвесить сообща».

Он машинально шагнул назад, но Робби перекрыл ему дорогу:

— Мори-Дю очень просил вас подождать его!

«Да, прежде нужно успокоиться. Во всем разобраться. Я не имею права на безрассудные действия. Может, и вправду сейчас лучше не выходить из дома? Пожалуй, так, но где взять силы все это выдержать?!»

— Фред, это опасно!

— Ты очень опытный пилот. Все пройдет нормально.

— Я боюсь, Фред.

— Возьми себя в руки, Антон! Не раскисай! Припомни, как ты садился в Пиренеях.

— Тогда мы возвращались домой. А сейчас у нас нет права на ошибку. Они ждут нас...

— Все будет хорошо, Антон. Я верю в тебя. Внимание! Бери по третьему ноль восемь. Прекрасно! Проверь координаты!

— Все правильно. Комбинат под нами. Его уже видно.

— Внимание... пеленг!

— Отклонение в две сантиметра!

— Включаю блок коррекции.

— Фред...

— Молчи! Прости, Антон, но молчи. Бери по седьмому ноль три. Резче! Так, порядок. Молодец, парень! Ты первоклассный пилот...

— Спасибо, Фред.

— Но ты еще много болтаешь...

— Здесь мой брат.

— Я понимаю тебя. Все будет хорошо. Убрать основной фильтр!

— Готово!

— Боковые аннигиляторы...

— Есть!

— Контакт!

— Мне страшно!

— Конта-а-акт!!!

Корабль завис над корпусами комбината «Виктория». Под могучими струями разэкранированных аннигиляторов внизу все начало рушиться.

— Посадка!! Живо!.. Вот так. Нам дорога каждая минута! Пока не знаем, как все обернется. Живы ли еще наши друзья?

Николиан Джерри сразу сообразил, происходит что-то непредвиденное. Корабль не пошел на посадку в космопорт, где среди тысяч встречающих ждали заранее подготовленные бригады захвата, все медики комбината... Из окна домашнего кабинета Николиан видел огромный бублик над «Викторией». Выбежал из дома. Черный Тор, предупредительно, как обычно, распахнув дверцы, ждал его.

— К «Виктории»! Быстро!

Черный Тор сразу набрал скорость.

Николиан старался сообразить — что же случилось? План как будто не имел изъянов... Джерри видел: корабль опускается все ниже и ниже, от работы аннигиляторов словно испаряются строения комбината. Николиан пришел в бешенство. В бессильной ярости сжимал кулаки, физиономия его перекосилась в безобразную гримасу.

Тор остановился на безопасном расстоянии, чтобы потоки бушующей плазмы не повредили и его. Николиан всем телом неистово бил по дверцам, но они не поддавались.

— То-ор! — завопил он. — Немедленно открой!
— Зачем? — спокойно спросила машина. — К тому же там суший ад.
— Хватит дурака валять!
— Ты никуда не выйдешь из этого салона, Николиан-Дю.
— Оставь глупые шутки!
— Тебя будут судить, Николиан Джерри, землянин.
— Я тебя уничтожу сейчас же!
— Мне не страшна смерть, и ты это знаешь.
— Изме-ена! — заверещал в смертельном ужасе Николиан. — Безусловно, это Семен... А я ему поверил...
— Ты ошибаешься, Николиан-Дю. Семен-Дю не изменял тебе... Он оказался счастливее — вчера ночью он умер. Слишком много реминиса принял.

— Я не буду оправдываться... Вам все равно не понять. — И вдруг Николиан Джерри сорвался на крик: — Оставьте меня! Я ничего не могу объяснить! — Затем, успокаиваясь, попытался продолжать: — Все это случилось... произошло... Короче, я запутался, я проиграл! Теперь вы диктуете правила!

— Какие правила?! — вспыхнул судья, его лицо налилось кровью, он едва сдерживал себя, чтобы не кричать. — Какая игра?! Тридцать девять загубленных жизней и целый комбинат смерти для вас всего-навсего было игрой?!

ИСПЫТАНИЕ ДОБРОМ

С Андрианом Михайловичем Голубом я подружился, можно сказать, случайно, хотя мы с ним и давнишние соседи. Встречались мы с ним обычно у почтовых ящи-

ков или в лифте — он живет этажом выше. Знал я его как человека очень занятого и занимающего солидное положение. Уже немолодой, знаменитый хирург. При встрече мы просто раскланивались. Как-то раз довелось спросить, не протекает ли у него ванна (когда на моем потолке появилось пятно от сырости), а однажды, когда выключили электричество, он приходил ко мне попросить свечку. Не разговорились мы с ним даже в тот день, когда пришлось обратиться к нему за медицинской помощью (дочке поставили диагноз — врожденный вывих бедра). Он тогда внимательно рассматривал рентгеновский снимок, долго ощупывал ножки дочурки и сказал мне только: «Не волнуйтесь. И забудьте об этом. Все будет хорошо. Вот увидите».

И вот в прошлом году, осенью, был поздний час, за окном шуршал надоедливый дождь, — вдруг кто-то позвонил. Я открыл дверь и немало удивился, увидев соседа.

— Добрый вечер.

— Заходите, пожалуйста! — Я включил свет в коридоре и стоял в нерешительности.

— Простите, наверно, оторвал вас от работы?

— Да нет, что вы... Входите, входите...

В его облике, жестах, интонации чувствовалось волнение.

Мы прошли в мой кабинет и сели в кресла у письменного стола. От сигареты Андриан Михайлович отказался. Я тоже не стал курить, ждал, пока он заговорит. Сосед вдруг достал из кармана книжку (мою книжку!) и как-то неуверенно спросил:

— Извините, это ведь вы написали? Да?..

— Да, ее написал я... — ответил несколько недоуменно, не представляя, какое это имеет отношение к его посещению.

Мой гость вроде бы сразу успокоился.

— Я боялся ошибиться... Вы на этой фотографии, вернее, на рисунке, не очень похожи... — улыбнулся

он. — Вчера купил и сразу же прочитал. Потом взглянул на портрет автора — лицо показалось знакомым. Подумал о вас... Простите за откровенность, но... мне понравилось, как вы пишете. Ваша фантастика необычная... И знаете, почему я пришел, почему решил побеспокоить вас?..

Тут я не смог преодолеть желания закурить. Зажег сигарету, подошел к окну и открыл форточку.

— До сих пор никому об этом не рассказывал. Никому. Все равно никто не поверил бы. Могли только подумать, что я с причудами. Но все это произошло именно со мной. И вам я решаюсь рассказать свою историю. Вы как фантаст, вероятно, сможете что-то домыслить и написать... Допускаю, что даже вы мне не поверите, но, как сказал один из ваших героев, «прожитая жизнь равнозначна написанной книге». А книга должна быть хоть кем-то прочитана. Так если позволите, я расскажу вам...

— Да, да, безусловно...

Я попросил жену сварить нам кофе и сел к столу.

— Когда я поселился в этом доме, мне было тридцать лет. Женат еще не был. Мальчишка...

Рассказывая, врач заметно волновался.

В тот вечер он поведал мне все.

Андриан улыбался во сне. Предчувствуя скорое пробуждение, подсознательно представлял, что пойдет сейчас к морю, заплывет далеко за буйки до самого горизонта, ляжет на спину и будет долго лежать с закрытыми глазами, прислушиваясь, как соленая вода щекочет губы, журчит и почмокивает в ушах, лениво перекачивается через грудь... Ему слышался приглушенный шум прибоя, сквозь закрытые веки ощущалось тепло утренних лучей солнца.

Вдруг показалось, что кто-то щелкнул выключателем, и... солнце погасло.

Андриан с трудом открыл глаза и не увидел над собой оранжевого полога новой польской палатки, маленького прямоугольничка марлевого окошка, Валерию в голубом нейлоновом коконе спального мешка... Куда-то исчезло и желание выбраться из своего туристского рая, хотя бы высунуть голову из палатки и глубоко вдохнуть...

«Потолок! Белый потолок. Слегка поблескивающий, будто покрыт эмалью... Пожалуй, покрашен водоэмульсионной краской, ведь в комнатах не красят эмалью... В комнатах... А где я сейчас?»

Он крепко зажмурился и долго лежал неподвижно. Попытался припомнить вчерашний день, но... «Что же было вчера? Было море... Оранжевая палатка стояла почти у самой воды...»

Вновь открыв глаза, Андриан приподнялся на локтях. И сразу увидел стоящую у окна Валерию.

— Где это мы? — спросил тихо с напускной беззаботностью, хотя сердце зашлось от волнения.

Небольшая комнатка, почти квадратная, окно зашторено оранжевой в ромбик тканью, по правую руку от кровати — книжный шкаф, и четыре полки с книгами, на стене над кроватью зеленоватый ковер, возле окна письменный стол, на нем маленький телевизор «Электроника».

Женщина обернулась, и Андриан в удивлении вздрогнул: это была не та Валерия. Как будто она и не она. Большие глаза, длинные ресницы и зеленоватая радужка вокруг зрачков, и что-то странное, незнакомое мерцало в ее взгляде. Красивый разлет бровей. Две глубокие морщинки на лбу, их вроде не было вчера. Насмешливая улыбка на губах...

— Где это мы? — повторил он свой вопрос.

Она улыбнулась и ничего не ответила.

«Море... Вчера было море... А как я оказался в этой комнате?»

— Что-то я никак не проснусь... Который час, Валерия?

— Восемь утра, — она ответила сразу, словно смотрела на часы.

«Еще мгновение назад я надеялся увидеть море... Чувствовал тепло солнца и слышал шум прибоя... Но потом... Потом будто щелкнули выключателем, и солнце погасло...»

— Кто выключил свет? — вдруг спросил он, невольно переведя взгляд на светильник из желтого стекла.

— Я выключила. Почему тебя это интересует?

— Утром?

— Еще вчера выключила, когда мы приехали ночью, — засмеялась опять, и смех этот странным эхом отдался в возбужденной голове Андриана.

— Сегодня суббота? — спросил, не зная, как ему удержать себя, как сориентироваться в пространстве и времени.

— Да, — услышал в ответ и немного успокоился, поскольку не ошибся. — Хочешь еще поспать? Сегодня ведь не нужно раскладывать костер и варить уху.

«Так! Значит, был костер, были уха, море, палатка... Но как я попал в эту комнату? Какая-то чертовщина...»

— А куда мы дели палатку? — спросил осторожно.

— Лежит в коридоре. Там все наши вещи лежат.

Из окон соседнего дома, заглядывающего в щель между оранжевыми шторами, доносились джазовые ритмы.

— Почему-то я ничего не помню... Как я оказался здесь? И где мы находимся?

— В Киеве... Оксана подбросила нас на машине...

— Какая Оксана?

— Моя сестра... Ты правда ничего не помнишь? — улыбнулась Валерия. — Это все Оксанкины шутки. Ты прости, она, как ребенок, когда чем-либо увлечется...

— При чем тут Оксанины шутки? Ночью были на мо-

ре, а утром уже в Киеве... За восемьсот километров... И я ничего не помню... Что произошло, Валерия? Расскажи...

— О чем рассказывать? — Девушка подошла к нему и ласково провела ладонью по его голове...

...Ровный гомон переполненного вокзала. Сквозь большие окна пробиваются померанцевые отблески заходящего солнца. Сидя на большом рюкзаке, Андриан ожидал посадки на ужгородский поезд. Заканчивалась последняя неделя его отпуска. Он проведаль родителей в Донецке, потом побывал в Прибалтике... А сейчас перед мысленным взором уже стояли карпатские виды, он весь отдался предчувствию скорой встречи с горами. В Сваляве его должны встретить ребята.

Диктор станционной трансляции равнодушно и настойчиво твердил:

— Пассажира, отставшего от носильщика номер тринадцать, просят забрать вещи у дежурного по вокзалу.

Вдруг Андриан услышал над собой женский голос:

— Разрешите пройти.

«Неужели обойти трудно?» — подумал он, поднимая голову, и замер, пораженный красотой девушки в зеленом свитере и с маленьким рюкзаком за плечами. Казалось, какая-то неземная одухотворенность светилась в ее глазах.

— Проходите, пожалуйста, — произнес он наконец.

Но девушка, продолжая стоять, смотрела приветливо, словно сестра или давнишняя знакомая.

— Куда едешь, Андриан?

— Вы меня знаете? — спросил он, думая, что это одна из больных, лечившихся у него. Но больная не назвала бы просто по имени...

— Ты меня не узнаешь?

— Не-ет...

— Мы вместе учились.

Андриан напряженно вспоминал лица всех однокурсниц медицинского института, но узнать не мог.

— На одном курсе?

— Да нет. Мы в школе учились вместе, — засмеялась девушка, сняла свой рюкзак и села рядом. — Ты, как вижу, совсем меня забыл. Я Валерия... Я запомнила тебя после того, как ты меня толкнул, и я упала в лужу в новом платье... Помнишь?

— Вроде бы да... — улыбнулся Андриан.

— Ничего ты не помнишь, — покачала она головой. — Это было в третьем классе...

— В Донецке?

— Ага... В шахтерском поселке...

— Как ты меня узнала? Неужели я совсем не изменился?

— Изменился, конечно... Но вот узнала. Ты сейчас кто, Андриан? Кем работаешь?

— Я врач... А ты, Валерия?

— Геолог. Сейчас в отпуске. Лечу к морю. Прямо сейчас в Борисполь. Ты женат?

— Нет. Еще гуляю. А ты?

— И я гуляю, — улыбнулась в ответ.

— Ты живешь в Киеве?

— Бывает, что и в Киеве... У сестры здесь квартира. Так я часто сюда приезжаю как домой... Надо же случиться такому, встретить хулигана, который новенькое платье... А ты сейчас куда, Андриан? Не к морю?

— Нет...

— А хочешь со мной? У нас возле Алушты база отдыха... геологов.

Приглашение прозвучало вполне серьезно.

— Меня ребята ждут в Сваляве... — сказал, извиняясь, удивленный неожиданным предложением.

— Можно дать телеграмму, — тихо посоветовала Валерия, глядя в сторону, и Андриан почувствовал, как у него замерло сердце. — Или для тебя очень важна эта встреча в Сваляве?

— Не знаю...

— Тогда пошли, — Валерия решительно взяла его за руку.

— Куда?..

«Зеленый свитер, черные трикотажные брючки, коричневые туфельки, каштановые волосы на плечах... Какая удивительная встреча... Как только она меня узнала? Валерия...»

Такси. Аэропорт Борисполь. Телеграмма в Сваляву. Возле киоска «Союзпечать» Валерия оставила ему свой рюкзак и через минуту вернулась с двумя билетами до Симферополя. Андриан попытался отдать деньги, но Валерия засмеялась:

— Не нужно. Я ничего не платила за билеты. Мы полетим не рейсовым самолетом. Наша геологическая авиаетка... Идем, нам нужно торопиться.

Улыбающаяся дежурная проводила их до крошечной «Моравы», и они с Валерией сели в кабину, как в автомашину. Пилот, молодой парень, кивнул приветливо:

— Салют, геологи!

— Привет, Андрей!

— Это наш? — Пилот взглядом указал на Андриана.

— Мой гость... Сколько будем лететь, Андрей?

— На этом драндулете не меньше шести часов болтаться... — тихо вставил Андриан. — Но это даже интересно.

— Откуда шесть часов? — обиделся пилот. — Наши машины малость модернизированы... Можно и быстрее... Сколько на твоих? — спросил Андрей, обращаясь к Валерии, и она посмотрела на часы, отвернув рукав свитера. Андриан заметил, что часы у нее большие, с несколькими шкалами, точь-в-точь как и на приборной доске самолета. Пилот и Валерия зачем-то сверили свои часы. Наконец мотор заработал. С час летели они в сплошной облачности, а когда вырвались из туч и пошли на посадку, то Андриан еще в воздухе заметил

большие буквы на здании аэровокзала — *СИМФЕРОПОЛЬ*». Прошел всего час.

— Вы волшебники?

— Как знать, — улыбнулся пилот и продолжил серьезно: — Попали в сильный попутный поток.

— Расскажи наконец, что за Оксанины шутки... И откуда взялась твоя сестра на море? — спросил, не поднимая век, но Валерия не ответила. — Слышишь? Расскажи, я ничего не помню.

Ответа не было.

Открыл глаза. В комнате никого. Нервным взмахом сбросил с себя одеяло и соскочил с кровати. Рядом на стуле увидел свою одежду. Захотелось раздвинуть шторы и выглянуть в окно, шагнул было, но почему-то остановился... Оделся, осмотрел все вокруг. Дверь была плотно прикрыта. Медленно, осторожно подошел к ней, остановился. Тишина. Лишь откуда-то издали доносился плеск воды. Взялся за удобную пластмассовую ручку, мгновение поколебался, потом рывком открыл дверь.

Небольшой коридор залит ярким светом. Голубые стены. Слева у стены на маленьком столике — электрическая плитка, на ней — сверкающая никелированная кастрюля, над столиком — белая полочка с несколькими тарелками и кружками, узкие дверцы стенного шкафа, а справа... перед овальным зеркалом, висящим на двери в соседнюю комнату, стояла высокая стройная девушка в строгом сером костюме. Андриан увидел ее лицо в зеркале — тонкие черты, три ровные, как по линейке, морщинки на лбу, античный нос, короткая прическа из темных волос...

— Доброе утро, — сказала девушка, медленно поворачиваясь к Андриану.

Андриан стоял молча и любовался ею, даже не за-

думываясь, откуда она появилась, куда исчезла Валерия, и существовала ли она вообще.

— Как спалось на новом месте?

В ответ Андриан нервно кашлянул.

— Кто вы? — смог наконец вымолвить.

Девушка подала руку, знакомясь.

— Этой ночью ты был моим пассажиром. Я Оксана... Извини, Андриан, вчерашняя моя шутка оказалась, мягко говоря, неумной. Прости... — Она говорила медленно, методично, и Андриану невольно вспомнился старый профессор на кафедре анатомии, он тоже всегда так читал свои лекции.

— Ты сестра Валерии?

— Да, — улыбнулась девушка.

— Мы в Киеве?

— Да...

— А Валерия? Где она?

— Умывается... — кивнула на дверь с зеркалом.

«Так, значит, Валерия не исчезла. Но почему не услышал, как она выходила из комнаты? Задремал? Но ведь я просто лежал с закрытыми глазами... Странно...»

— О какой вчерашней шутке ты говоришь...

— Сейчас все тебе расскажу, — перебила его Оксана. — Валерия позвонила мне... Я приехала вечером. Нашла вас около Алушты. Там наши обычные места. Решила отдохнуть с вами. Мы все вместе плавали, пели у костра, говорили о твоей работе, о хирургии... — Оксана умолкла на мгновение. — Потом... потом тебе почему-то вздумалось загипнотизировать меня...

Андриан в самом деле увлекался гипнозом. Довольно-таки часто в кругу друзей, хотя и без особого успеха, пытался демонстрировать свои способности.

— Но мне удалось тебя опередить. — Оксана лукаво смотрела на него. — Я тоже когда-то занималась... интересовалась гипнозом. И вчера немного была в ударе... Внушила, чтобы ты забыл все, что произошло в тот вечер. Извини меня, но ты так старательно доказывал,

будто через десять минут я крепко засну, что трудно было удержаться и не испробовать собственное умение...

— Валерия говорила, что ты привезла нас на своей машине?

— Да, — ответила Оксана и внимательно посмотрела на часы у себя на руке, знакомые уже Андриану часы — массивные, со многими отметками и обозначениями на циферблате.

— У тебя «Морава»? — попытался пошутить.

— Нет, «Волга». Чуть-чуть модернизированная.

При слове «модернизированная» Андриан вздрогнул.

— Восемьсот километров за три часа на «Волге»... Твоя «Волга», наверно, летает?

— Летает, — серьезно подтвердила девушка. — Но я стараюсь этого не делать. Чтобы не напугать людей. Один раз меня приняли за летающую тарелку. — Она рассмеялась. — А как-то милиция решила остановить. Пришлось перелететь на другую, соседнюю магистраль. После этого случая стала осторожней. Только ночью позволяю себе когда-никогда развлечься...

Андриан никак не мог понять: то ли Оксана откровенно смеется над ним, то ли кто-то из них двоих рехнулся.

— Мне в понедельник на работу... Отпуск заканчивается, — сказал озабоченно. — Пора домой...

— До того дома, где ты квартируешь, совсем близко. Отсюда минут десять хода.

— Ты знаешь, где я живу?

— Вчера ты все сам рассказал... На улице Южной, у Зиновии Александровны... Ты назвал ее фамилию, но я забыла... Южная улица здесь совсем рядом. Но у меня есть интересное предложение...

В это время за спиной Андриана открылась дверь, вошла Валерия. Длинные каштановые волосы свободно спадали ей на плечи, на голубую пушистую ткань домашнего халата...

— Ты уже встал? Вы узнали друг друга? — рассмеялась беззаботно. — И, кажется, поладили? Я сейчас сварю кофе.

— Русланчик! Русланчик! Не наступи на хвост! Укусит! Не наступи на хвост!

На детской площадке малыш, одетый в красное с белыми точечками пальтишко, тянул за хвост рыжего щенка, а к нему со всех ног бежала молодая мать...

Андриан улыбнулся.

— У тебя много вещей? — спросила Валерия.

— Да нет... Захватим за один раз...

Андриан сам себе удивился, как он легко согласился на предложение Оксаны. «Тебе тут будет хорошо. У нас прекрасная библиотека. И район хороший. Метро близко. Живи у нас. И нам будет спокойнее... Мы обе геологини... В Киеве бываем нечасто. А квартира пустует. Приходится просить то одних, то других знакомых, чтоб приглядывали и вносили квартплату...» Андриан согласился, но думал не о преимуществах квартиры, не о библиотеке и близком метро, он был поглощен мыслью о Валерии, сознавая, что любит ее с каждым днем, с каждым часом все сильнее; и если бы их встреча не была отмечена какой-то удивительной фантастичностью, загадочностью, он давно бы сказал: «Валерия, я тебя люблю. Благодарю судьбу за встречу с тобой...» Но его что-то сдерживало, неосознанно тревожило, мучило.

Пройдя детскую площадку, они вступили под августовскую зелень каштанов. Андриан хорошо знал этот район. До улицы Южной, где он снимал комнату у Зиновии Александровны, было и вправду очень близко.

— Зачем Оксане эта квартира? — вдруг спросил он. — Зачем, если квартира все время пустует?

— Чем плохо иметь квартиру в Киеве? Это кооператив. Воспользовалась такой возможностью... Для геологов есть некоторые льготы.

Долго шли молча. Было жарко. Машины, пробежавшие мимо, обдавали запахом отработанного бензина. Андриан взглянул на Валерию и, внезапно вспомнив свою маму, почему-то с болью осознал — Валерия похожа на нее. Поразительно похожа. Вспомнились фотографии мамы, когда она было совсем молодой.

— Твоя хозяйка живет одна? — спросила Валерия, словно предчувствуя и предупреждая вопрос Андриана.

— Одна... Но часто приезжают сын с невесткой из Дарницы... Валерия...

— Что? — Она опасливо посмотрела на него.

— Я счастлив, что мы встретились... Слышишь, я по-настоящему счастлив...

Девушка ласково, с признательностью улыбнулась, но ничего не ответила, лишь взяла его за руку.

Подшли к небольшому домику за низким забором. Андриан нажал на щеколду калитки. Проследовали через двор. Вокруг домика раскинулся сад, краснощекие яблоки густо висели на ветвях, лежали под деревьями.

— Вот здесь я жил три года.

— Тебе скоро дадут квартиру?

— Если бы женился, получил быстрее. А общежитие хоть сейчас... Но мне тут очень понравилось...

Андриан остановился около небольшой скамейки на вкопанных опорах и сказал:

— По вечерам сидишь и слушаешь, как падают яблоки...

Валерия вдруг начала декламировать:

Не расплескать бы полноты,
перезревшим яблоком падать,
неразгаданным и простым
красногрудым на снег контрастом.
Неочерченность наших желаний —
на ладони опустится снегом.
Неозвученные краски дня
переполнены отзвуком лета.
Снег на плечи и снег на снег,

и на старого дворника возле дома.
Позабудутся зимние сны,
тишиною надломятся брови... —

неожиданно замолкла на полуслове.

— Это твои стихи? — понял Андриан.

— Мои, — улыбнулась в ответ. — У моих родителей тоже возле дома яблони. Яблоки зреют на ветвях до поздней осени, а некоторые висят до весны...

— А где живут твои родители? — спросил Андриан, с удивлением поняв, что он до сих пор ничего о Валерии не знает.

Девушка будто не слышала вопроса. Задумалась о чем-то своем.

Из дома вышла Зиновия Александровна, увидела Андриана с девушкой, подошла, поздоровалась. Ей было лет семьдесят. Андриан не знал точно ее возраста, никогда об этом не спрашивал, а она не говорила. Валерия почему-то виновато улыбалась. Зиновия Александровна, поняв все без слов, сказала:

— Ты, должно, вещи пришел забрать, Андриан? — улыбнулась совсем по-детски, морщинки на ее округлом лице углубились. Она смотрела на Валерию изучающе, однако мягко, по-матерински.

— Ты береги его, — сказала она неожиданно. — Он парень хороший.

Андриан собрал свой чемодан, связал в три большие кипы книги... Старушка долго еще стояла у калитки, смотрела им вслед. Они несколько раз оборачивались, помахать на прощанье.

— Мы скоро уедем с Оксаной, и ты останешься здесь полным хозяином.

— А когда вы... когда ты вернешься?

— Не знаю, Андриан, — беззаботно улыбнулась Валерия.

И эта ее беззаботность внезапно обидела Андриана. Неужели она совсем равнодушна к нему? Почему же

раньше была иной?.. А в самом деле какой? Приветливой, доброжелательной...

— Каждый месяц в почтовом ящике будет квитанция. Ты ее должен оплачивать. У Оксаны кооператив дешевый... Как ты думаешь, не выбраться ли нам завтра по грибы? — спросила вдруг.

— Сегодня суббота... До завтра вчистую все подметут.

— наших грибов никто не возьмет, — улыбнулась загадочно.

— Может, Оксана подкинет нас на машине? — Андриана не оставляло желание рассмотреть «модернизированную» «Волгу».

— Нет... Она освободится завтра только после обеда. Не то и дольше задержится.

— Где она сейчас?

— Очевидно, в Москве... Там как раз решается вопрос об одном... месторождении. Посиди минутку. Я принесу кофе. А ты посмотри пока наши книги. Вот эту, к примеру...

Валерия взяла с полочки большой зеленый том и положила на стол перед Андрианом. «Анатомия человека».

Он никогда не видел такого роскошного издания. Кто автор? Фамилии нет, нет и названия издательства.

Валерия принесла на подносе две чашки с кофе, на тарелочке — пирожное. Поставила на маленький столик.

— Чье это издание?

— Индивидуальный заказ.

— Не понимаю.

— Ну это отпечатано в типографии нашего... управления. Несколько экземпляров...

— А зачем вам такой учебник?

— Странный ты... Просто интересно... Разве не так? На этих полках немало подобных изданий по разным отраслям науки, искусства... Сейчас я тебя и не так удивлю.

Валерия достала с дальней полки казалось бы обыч-

новенную книжку, но на ее обложке был экран, похожий на телевизионный, а под ним — три ряда маленьких клавиш, как на пишущей машинке, только не с буквами, а с цифрами да какими-то еще обозначениями. В углублении под экраном лежал металлический карандаш на мягком розовом проводке.

— Что это?

— Телеблокнот... Вот смотри.

Валерия нажала одну из клавиш, и экран осветился. Она взяла карандаш и написала прямо на экране: «Валерия очень рада встрече с тем мальчиком, который учился с ней в третьем классе...»

— Когда экран-страничка исписан, нажмешь на эту клавишу, и изображение запомнится... Вот клавиша записи, а это — воспроизведения... Вот так набираешь номер нужной странички... Я дарю тебе...

— Девочка, милая, я все еще не рассчитался с тобой за испачканное платьице, а ты делаешь мне такие дорогие подарки... Ты все время выступаешь в роли доброй феи. Мне совсем неловко...

— Отказываешься от подарка? — обиделась Валерия.

— Да нет... Но как же...

— Бери, у меня есть еще один. Это экспериментальные модели.

Валерия помолчала, почему-то помрачнев, а затем тихо произнесла:

В твоём стремлении к добру
еще так много
от смешного медвежонка
из сказки старой.
Ему хотелось помогать
пчеле, уставшей
в воздухе держаться...

— Что-что? — Андриан почувствовал в ее словах скрытый, непонятный ему смысл, но Валерия вновь беззаботно улыбнулась:

— Да, пустое... Я просто так. Как видишь, наша геология во всеоружии. На грани фантастики.

— И часы у тебя любопытные. Такие же, как в модернизированной «Мораве».

— Ты наблюдателен... Да, часы удобные.

— Что показывают эти шкалы?

— Это слишком долго объяснять. Часы специальные... Нет-нет, не трогай эту кнопку, прошу, не дотрагивайся...

— А эти цифры что означают?

— Которые?

— Три тысячи пятьдесят восемь...

— Это просто... номер модели...

— Ну а вот эта шкала?

— Нам в геологии иногда приходится делать некоторые расчеты, связанные... с тысячелетними изменениями в земной коре. И по этой шкале... Но сразу трудно понять, слишком сложно... Может, как-нибудь потом.

— Валерия, а ты помнишь Володюку Зуба?

— Нет, а кто он?

— Да из нашего класса... Он теперь тоже геолог...

— Нет, не помню. Я с вами только третий класс закончила, потом с родителями уехала из Донбасса...

Людей в электричке было много. Андриан с Валерией стояли в тамбуре прижатые друг к другу. Большинство грибников ехало далеко, а они вышли в Клавдиеве. Он хорошо знал эти места и никогда еще не возвращался отсюда с пустыми руками.

Прошли немного по поселку и затем углубились в лес. Предутренние сумерки почти растаяли, но в лесу было еще темно.

— Пойдем направо, здесь есть небольшое озерко, а рядом с ним грибные места.

Когда подошли к озеру, заросшему ряской, увидели

на берегу зеленую палатку и маленького мальчика возле погасшего костра.

— Доброе утро, — поздоровалась с ним, как со взрослым, Валерия.

Малыш строил из палочек крепость, втыкал пруты в потолок, а из тонких сплетал стены.

— Мой папка глибы собирает, — важно сообщил мальчуган. — А я клепок делаю. Тяжелая работа... Вы тоже по глибы?

— По грибы, — улыбнулся Андриан.

Между толстых стволов деревьев пробилась первая лучина солнца.

В небе над поляной висело облако, очень похожее на человека в полный рост.

— Смешной малыш... Правда, Валерия? Ты любишь детей? — спросил и неизвестно почему испугался своего вопроса, сразу перевел разговор на другое: — Где сейчас твоя экспедиция?

— Далеко, Андриан... — грустно вздохнув, ответила она.

— Ты говоришь так, будто это на другой планете...

С минуту шли молча, отыскивая грибы под старыми листьями и хвоей.

— На другой планете... На Инкане... — улыбнулась Валерия.

Человеческая фигура на небе горбилась, будто старела.

И вдруг совсем рядом с ними прозвучал взволнованный крик:

— Ева! Е-е-ва-а!

И тут же в ответ:

— Са-а-ва-а-а!

Налево от них посреди полянки на огромном пне сидел, близоруко осматриваясь по сторонам, старый седой мужчина в светлом летнем костюме. В нескольких метрах позади него шла старушка в розовом платье с боль-

шим бантом на груди, в широкополой, модной лет тридцать назад, шляпке.

— Ева! — опять закричал мужчина.

— Савва!

Наконец он увидел ее, поднялся с пенька и с трудом заковылял к ней:

— Ах, как долго ты не отзывалась. Заставила волноваться. Зачем ты так далеко зашла? — Он говорил громко, почти кричал.

— Грибы искала, — прокричала в ответ старушка.

— Я так волновался.

Они вместе вернулись к пеньку и сели. Рассматривали найденный гриб.

— Как ты думаешь, его можно есть? — крикнула старушка.

— Можно, — прокричал старик в ответ.

— Мы-то с тобой такие знатоки... Выбрались в кои веки... Как хорошо, прелестно здесь! Правда?!

Человеческая фигура на небе совсем состарилась, растворилась в утренней дымке.

— Они по-настоящему любят друг друга, — сказала Валерия, когда они отошли от стариков. — Представляю, какую чудесную они прожили жизнь... А теперь друг без друга вообще существовать не могут... Мне очень хотелось бы, чтобы ты по-настоящему полюбил... кого-нибудь...

— Кого-нибудь? — удивленно спросил Андриан и решил наконец признаться: «Валерия, я люблю, люблю по-настоящему, и не кого-то, а тебя». Но, не дав произнести дальше ни слова, девушка крепко сжала его ладонь и решительно повторила:

— Да, именно кого-нибудь, Андриан.

— Почему?

— Да потому... Ты уж прости... Но об этом не так просто рассказывать...

Под ногами потрескивал сухой хворост.

— Весь мир — система испытаний, — вдруг сказа-

ла Валерия. — Весь мир — школа, обучающая каждого быть *ЧЕЛОВЕКОМ*... Понимаешь?

— Система испытаний?

— Да. И знаешь, какое из них самое серьезное?

— Какое?

— Испытание добром...

— Эй, грибники! — послышалось сзади. — Где тут белых побольше?

Обернулись и увидели Оксану, чуть дальше, на лесной дороге — черную «Волгу».

— Как ты нашла нас? — удивился Андриан, когда Оксана подошла к ним.

— Грибник грибника... — многозначительно улыбнулась Оксана, но, заметив недоумение Андриана, серьезно пояснила: — Наши геологические часы своеобразные радиомаяки. Поэтому просто отыскивать друг друга. Вы еще не собираетесь домой? Могу подвезти.

— Ты домой? — спросила Валерия.

— Нет... Но в Киев... Поедем, у вас уже полная корзинка.

Андриан посмотрел и с удивлением отметил, что они с Валерией и вправду много собрали.

Сели в машину. Мягко заурчал мотор. Обыкновенная «Волга». Вот только на приборной панели Андриан заметил знакомые уже ему часы. Ритмично моргали на их шкале зеленоватые цифры 3058.

— Ночевать будешь дома?

— Пожалуй, не успею... Сейчас отправляюсь на беседу к Онишуку. Он ведь знаешь какой... Потом не вырваться — непреодолимое гостеприимство. Короче говоря, нужно торопиться... У меня свободных минут десять всего.

— Оксана, будь осторожна, — попросила Валерия и положила руку сестре на плечо.

— Не волнуйся. — Оксана нажала на акселератор.

Андриана вдавило в сиденье. За окнами машины все слилось в непонятную сплошную зеленую стену. Андри-

ану показалось, что он теряет сознание, куда-то проваливается... И вдруг мелькание за окном прекратилось. Андриан широко раскрыл глаза — они ехали по проспекту Паладина.

— Все в порядке? — спросила, оборачиваясь, Оксана.

— Да... Я, кажется, задремал... — Андриан посмотрел на часы.

Они ехали десять минут.

Проснулся Андриан от плеска воды за дверью. Встал с кровати. На столе дымился легким паром кофе. На тарелочке рядом лежало домашнее пирожное. Будто почувствовав, что он проснулся, вошла Валерия:

— Вот, возьми. Подкрепишься после операции, — положила на стол сверток.

— Не нужно.

— Почему?

— Потому... Ты уж извини... Об этом не так просто рассказывать... — Андриан сдержал улыбку.

Валерия, вспомнив свой вчерашний ответ, почему-то отвела взгляд в сторону и тихо сказала:

— Возьми. Мне будет приятно.

Торопясь в клинику, Андриан забежал по дороге в гастроном купить конфет — традиционный презент после отпуска.

— Четыреста граммов «Белочки», пожалуйста.

Продавец, молоденькая девчушка, почти ребенок, смешно поджимая губы, положила конфеты на весы, долго смотрела на колеблющуюся стрелку. Рядом с нею — женщина в фирменном берете. Смотрела внимательно. Наконец Андриан взял кулек, протянул деньги. Девчушка протянула деньги своей наставнице.

— Ну что же ты? Рассчитывайся сама, — поощрительно ответила та.

— Сама? — испуганно переспросила и зарделась. — Я сдачу еще ни разу не давала.

— Уже пора! Пора!..

Девушка с нескрываемым волнением отсчитала копейки, положила на пластмассовую тарелочку на прилавке и громко сказала:

— Пожалуйста! — и в ее взгляде заискрилось торжество новой победы. — Приходите к нам еще! — выпалила после паузы.

— Молодец, — тихонько похвалила старшая.

Анриан едва сдержал улыбку.

Центральный вестибюль клиники встретил его привычным шумом.

«Меня ведь не было целый месяц. Продолжались операции, писались диссертации, волновались родные и друзья больных, перехватывая здесь, у входа, хирургов: «Как он? Ему лучше? Он будет жить?» На стене у двери трещина. До отпуска не замечал ее. Но она, конечно, была. И двери пора уже красить. Это же клиника, где сотни людей со своими бедами и жизнями...»

Направился тускло освещенным коридором к раздевалке сотрудников. Быстро переоделся. Загодя приготовленный белый халат месяц дожидался его в шкафчике. Поднялся на второй этаж в операционный блок, поминутно здороваясь с коллегами: «Привет!» — «Привет!», «Уже отгулял?» — «Отгулял». Зашел в реанимационное отделение, где в коридоре висело расписание операций и фамилии хирургов и анестезиологов каждой бригады.

«На какой же операции я сегодня стою? Может, забыли, что я выхожу из отпуска и не включили ни в одну из бригад? Нет, не забыли... Первая очередь... Ребенку двенадцать лет... Первая группа крови... Седьмая палата на третьем этаже...»

Просмотрел все остальные записи на небольшой доске объявлений. Большие каллиграфически выписанные старшей сестрой оперблока красные буквы запрещали всем хирургам и анестезиологам выносить за пределы операционной стерильное белье. Старший группы ДНД

хирург Гришук просил всех сдать фотографии для новых удостоверений дружинников. Заведующий реанимационным отделением предупреждал, что посещения послеоперационных больных родственниками и друзьями категорически запрещены. На телеграмме, прищипленной большой кнопкой с красной, как капля крови, пластмассовой головкой, просили положить в морг покойную Любарскую до приезда машины из Винницы.

Дольше чем обычно задержался у доски объявлений, постепенно окунаясь в знакомый больничный круговорот. Наконец заторопился в операционный блок... И закружилось, завертелось... Работа!

Когда возвратился в свой новый дом, Валерия встретила его вопросом, как когда-то встречала мама. (Давно это было. Двенадцать лет назад... Когда еще жил с родителями...)

— Ну как там сегодня?

Он улыбнулся. Приятно было слышать ее голос, чувствовать заботу.

— Устал.

Вошел в комнату и сел в мягкое кресло.

— Валерия... А почему ты сказала — *КОГО-НИБУДЬ*? — спросил неожиданно даже для самого себя. — Почему *КОГО-НИБУДЬ*, а не тебя? И великие классики вполне определенно доказали, что неразделенная любовь — это страшные муки, — пытался он не сбиться с легкого, беззаботного тона.

Валерия ничего не ответила, как-то виновато улыбнулась и попросила:

— Расскажи лучше, что там в клинике?

— Сегодня стоял на двух операциях. Многие в отпусках. Просто некому работать.

— На двух операциях? И все хорошо?

— Да... Правда, при второй на энергощите фазу выбило. Вся аппаратура остановилась. Дыхательный аппарат — полбеды. Можно вручную... А кровообращение — остановка на несколько минут и... конец. Но вро-

де бы все обошлось. Операция удачная... Хотя с таким диагнозом у нас каждый пятый... умирает.

— Но не от того, что выбивает фазу?

Валерия пристально смотрела на Андриана.

— Помнишь, как вы переселялись в новый корпус?

«Откуда только она знает об этом? Было это три года назад... Зима. Холодная зима. Отопление почему-то работало плохо. Говорили, что котельная не вошла в свой режим. И лифты часто отказывали, возле них постоянно возились техники... Но никто не остановил переселение. Все проходило по графику. Переносили больных на носилках на третий, шестой этажи. Больным выдавали по два-три одеяла... Холодная тогда была зима. Зачастую стыдно было смотреть больным в глаза. Но хотелось же лучшего — поскорей переселиться, обжиться, чтобы лечить. Но все равно было стыдно...»

— Откуда ты знаешь, как мы переселялись?

— Мне рассказывали... А один ваш хирург, Рындин, кажется, загонял больных в холодные палаты и бурчал себе под нос: «Ходят все, слоняются, никак не поймут — идет переселение, что они мешают. Все никак не налечатся». Ты знаешь Рындина?

«Ей, значит, и про Рындина кто-то рассказал... Он однажды предлагал мне приработок на полставки в пионерском лагере. Говорил: «Не пожалеешь. Для врача там работа отличная. Пионерский лагерь — чудо! Территория маленькая, дети не разбегаются, заборы высоченные. Воды на территории никакой, а под крапом не утонешь. На речку физируки водят два раза в неделю. В воду по десять человек — ж-жик! ж-жик! — и готово. Для врача работы лучше не придумаешь. Спокойная. И кормят там детей без особых деликатесов. А от перловки диспепсии не бывает. Следи лишь, чтоб родители не приносили всяких там соков-моков, каждый день тумбочки выгребай — и никаких болезней не будет...»

— А от кого ты о Рындине слышала?
— Моя тетка лежала в вашей клинике...
— Да, Рындин грубоват... Но он прекрасно оперирует...

— Андриан!.. — почти закричала Валерия. — Хирург прежде всего **ЧЕЛОВЕК!**

— Но Рындин действительно великолепно оперирует. Во взгляде Валерии он заметил с трудом подавляемое отвращение.

— Ладно, садись к столу, будем ужинать... Да, кстати, дай мне твой паспорт, — сказала после затянувшейся паузы. — Тебе нужно здесь прописаться.

— Сначала я выпишусь от Зиновии Александровны.

— Не тревожься. Оксана сама все сделает. У нее много знакомых.

На следующий день после операции Андриан зашел к профессору Береговскому.

— Добрый день, Николай Константинович!

— Привет, привет, молодая смена! — Профессор встал из-за стола, снял очки и положил их на развернутые на столе бумаги.

— Простите, я на минутку... Не буду вам мешать...

— Пустое... без церемоний, Андриан Михайлович. Что вы хотели?

— Я только что увидел график операций. Мы с вами завтра вместе... Так какие будут указания?..

— При чем тут указания, — махнул рукой профессор. — Ты во всем не хуже меня разбираешься, — прищурился лукаво. — Вот только не опаздывай. Во время бери больного в операционную... Кстати, мне только что прислали интересную монографию... — подошел к книжному шкафу. — Любопытное мнение о газовом обмене в режиме длительного искусственного дыхания... Возьми, познакомься...

— Спасибо...

И вдруг... Андриан даже опешил. За стеклом на верхней полке книжного шкафа он увидел небольшую любительскую фотографию. Вспомнил, что и прежде видел ее, заходя в кабинет профессора, но как-то не присматривался.

Она и не могла его тогда заинтересовать. Раньше он не знал Валерии Стах.

— Кто это? — спросил с волнением в голосе.

— Где? — профессор удивленно поднял брови.

— Чья это фотография?

— Это одна моя больная... Один из моих профессиональных грехов, — вздохнул Николай Константинович. — А почему вас... Вы... знали ее?

Андриан молчал.

— Поверьте, Андриан Михайлович, я не чувствую своей вины... Это как раз тот случай, когда могу сказать, что сделал все возможное. Но... сердечная недостаточность. Необыкновенной красоты была женщина. К слову сказать, тоже врач... Это произошло три года назад...

«Так похожа на Валерию... Или как будто старше... Она и не она... Может, это ее тетка, о которой говорила Валерия?»

— Как ее звали?

— Надежда. Врач из Новосибирска... Аортальная недостаточность. Короче, сомнений у меня не было — оперировать. Я сделал все, что только смог... Но длительная гипотензия... Потом остановка... Сам знаешь, как это бывает у аортальных больных... К слову, она оставила мне тетрадь, в ней — ее интересные рассуждения как врача, необычный взгляд на болезнь и на людей вообще...

— Вы могли бы дать мне почитать, профессор?

— Да, конечно... Но, вообще, там не найдете ничего особенного... Каждый рядовой врач думает об этом чуть ли не все время... Однако Надежда как-то необычайно остро все воспринимала... Удивительная была женщи-

на... Временами мне казалось, что она совсем из другого мира, с другой планеты... Будто какая-то машина, но необычайно человеческая.

— Почему машина? — испуганно переспросил Андриан.

— Не знаю... — вяло улыбнулся профессор. — Сам не знаю, почему пришло мне в голову такое сравнение... Удивительная была женщина... Но я не смог помочь ей, к великому моему огорчению...

Едва открыв дверь, Андриан услышал голос Оксаны:

— Ты сама все прекрасно понимаешь. Нужно! Нам пора отправляться.

— Оксана... Мне кажется, что...

Андриан замер в коридоре.

— Оксана, еще один денек... Ладно?

— Тебе нужно отдохнуть, Валерия, и хотя бы немного побыть с сыном... Он еще так мал... Ему нужна мать...

— О, ты хорошо знаешь, как воздействовать на меня.

Оксана засмеялась:

— Разве мы первый год вместе? Машина ждет у подъезда. Тронемся сразу же, как выйдешь. Ничего лишнего не бери. У меня малость истощился энергоблок, будет трудно пробиться. Мои вещи уже в машине. Я жду тебя.

Андриан вздрогнул, понимая, что сейчас может раскрыться его постыдное подслушивание. Нарочно сильно хлопнул наружной дверью. Решительно направился к комнате и на пороге столкнулся с Оксаной, лицом к лицу.

— Добрый вечер...

— Добрый вечер, Андриан, и до свидания. Мы с Валерией отправляемся... на наши буровые. «Крепись, гео-

лог, держись, геолог...» — пропела Оксана и перешла на серьезный тон. — Ключи у тебя. Твой паспорт лежит на столе. Прописка — постоянная. Так что все в порядке. До встречи. Если нас долго не будет, не волнуйся. Мы такие люди, что и самой прекрасной квартирой нас к одному месту надолго не привяжешь. Иногда на годы. Всего наилучшего.

Андриан боялся встретиться взглядом с Валерией. Хотел что-то сказать, о чем-то спросить... Но что скажешь, о чем спросишь? Сплошная фантастика...

Валерия вдруг порывисто подошла к Андриану и поцеловала его, чем привела в полное замешательство.

— Я очень хочу, чтобы ты всегда был настоящим **ЧЕЛОВЕКОМ**, самым лучшим хирургом...

Андриан бросился к своему еще не распакованному чемодану и, торопливо порывшись, достал пластмассовую игрушку:

— У тебя... я нечаянно услышал... малыш, сын... Возьми для него... Я как-то купил... Думал подарить кому-нибудь, у кого дети... Это «Лев озвученный»... Название такое смешное... — сказал и едва проглотил ком в горле.

— Спасибо... — ответила Валерия чуть слышно.

На ее глазах он увидел слезы, но Валерия улыбалась.

Машина стояла у самого подъезда. Валерия села рядом с сестрой. Обе помахали ему — «до свидания». Черная «Волга» тронулась, сразу набирая скорость.

В вечернем небе вспыхнула яркая звезда.

И погасла.

— С тех пор я ни разу не видел ни Валерии, ни Оксаны... Все мои попытки разыскать их оказались напрасными. Писал письма, звонил повсюду, куда только мог... И никаких следов... А этот кооператив... Вы можете не верить, но так оно и есть... В списках я чис-

люсь одним из первых жильцов этого дома, на меня выписан ордер. Никто и не слышал ни о каких геологах... Гипноз? Я чувствую, все это очень сложно, но до сих пор так и не могу себе ничего объяснить... Первые годы было даже страшно... Но со временем... Я женился в тридцать семь... Сына назвали Валерием. Жена не представляет, почему я люблю это имя. Она ничего не знает... Да и я сам тоже. Что я знаю? Кто она, эта удивительная Валерия? И Оксана?.. И почему именно мне они решили преподнести такой дорогой подарок? Какое-то фантастическое испытание добром... Вот с тех пор и полюбил я фантастику. — Сосед мой улыбнулся. — Словно пытался найти в ней ответ для себя... Пришельцы из далеких миров, планет... пришельцы из будущего. Смешно, правда? Но вы так внимательно слушали, что могу себя успокоить хотя бы тем, что вы не скучали...

ПРОГРАММА ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

— Поверь мне, ты теряешь чувство меры, Андриан... — тихо произнес Михаил.

Андриан хотел было ответить чем-нибудь дерзким, по меньшей мере колкостью, но промолчал и понурился. В последние несколько недель он совершенно потерял покой, его что-то мучило, то и дело выводя из равновесия. И он никак не мог понять, что его беспокоит. Близкая весна? Мужское одиночество? Служебные заботы? Неужели все это внове для него? Да нет, уже привык. Даже полюбил свою холостяцкую жизнь с работой, заполненной важными биологическими проблемами, экспериментами... С нечастыми развлечениями и постоянным ожиданием чего-то значительного, возвышенного, какого-то озарения. Полюбил все это той спо-

койной уравновешенной любовью, которая ничего не требует и сама ничего не дает.

— Тебя всегда нужно сдерживать, — продолжал Михаил. Его скуластое лицо не могло скрыть затаенного сожаления, сочувствия, а глаза шурились в принужденной улыбке. — Ты часто забываешь, что живешь не среди гомункулусов. Мы — люди, Андриан. И хотя природа для своего развития, как ты любишь повторять, не нуждается в письменных приказах и сводах законов, тем не менее... Тем не менее наши человеческие неписанные законы тоже имеют силу...

Андриан потрогал рукой подбородок, потом машинально достал из кармана расческу и причесался. Руки его сами собой искали дела для себя, он заметно волновался. Но с чего бы это? Пришел к старому другу потолковать о своей работе и вообще...

— Что с тобой, Андриан?

— Ничего, ты просто давно меня не видел.

— У тебя что-то стряслось?

— Нет... — ответил, а про себя подумал: «Может, и стряслось, но только я и сам не знаю, что именно».

Андриан достал сигарету, долго разминал ее, наконец шелкнул зажигалкой.

— Ты говорил о моей помощи... — начал Михаил и задумался. — Я пока не возьму в толк, чем смогу быть полезным... Ведь я — только математик... погоди, может, ты хотел бы воспользоваться услугами моего «Чародея»?

— Да-да, я думал об этом...

— Так давай сразу же и махнем к нему...

Но тут дверь в комнату распахнулась, и на пороге появилась Валентина — в розовом байковом халате, чуть распахнутом на груди, в пушистых домашних тапочках на босу ногу, заспанная, смотрела на них, как показалось, недоброжелательно. Андриан виновато отвел взгляд и на всякий случай суетливо погасил сигарету в большой пепельнице из распиленного авиационного

поршня. Но заговорила Валентина удивительно мягко:

— Ну, чего расшумелись, академики?

Услышав заметное ударение на слове «академики», Михаил сердито спросил:

— Дети заснули?

— С вами поспишь...

— Мы сейчас пойдем.

— Куда это среди ночи? — Жена удивленно взметнула брови.

— К «Чародею».

— До утра не доживете?

— Нет, Валюша... Не доживем.

— Мусор вынеси, — сказала жена и зевнула.

— Уже вынес. С работы пришел и сразу вынес.

— Шальные... Привези из центра два десятка яиц, а то в нашем гастрономе почему-то второй день нет.

— Хорошо... Если не забуду...

— Не забудешь. «Чародей» напомним.

Она подошла к телефону и набрала номер:

— Алло, Чародеюшка! Михаил едет сейчас к тебе... Нет, не один... Андриан... Да, возможно... Не знаю... Напомни, пожалуйста, Михаилу, чтобы купил яиц, когда будет возвращаться домой. Спасибо. Что? А-а, сейчас даю... Михась, он хочет поговорить с тобой. — Передала трубку и опять зевнула.

— Привет, Чародей, — произнес Михаил и потом долго слушал, прижав трубку к уху, недовольно морщась. — Чародей, ты же знаешь меня... Это случайность просто... Да. Я непременно позвонил бы сам. Да. И спросил бы тебя, сможешь ли поработать с нами этой ночью. Я понимаю, что ты очень устал... Да... Именно так... Не сердись. Это произошло случайно... Жена не знала, что я еще не звонил тебе. Да. Она... Да. Спасибо... Так можно сейчас к тебе приехать? Спасибо...

Михаил положил трубку, мрачно посмотрел на жену, но ничего не сказал.

Такси остановилось перед воротами института в полночь. Водитель еще раз подозрительно покосился на своих пассажиров, и особенно на громадный портфель Михаила, с которым тот никогда не расставался, взял деньги за проезд, включил свет в салоне и внимательно рассмотрел трехрублевую купюру, положил ее наконец в карман, долго и сосредоточенно вглядывался в фигуры, вошедшие в тусклый свет уличного фонаря, словно запоминая приметы тех, кого привез. Еще бы, один из них всю дорогу восторженно шептал про какую-то аллель, которую непременно нужно разорвать или уничтожить (говорили шепотом, трудно было расслышать как следует), про непонятную кислоту и наконец о грандиозном успехе, которого хватит на всю жизнь. Шофер хмыкнул, включил скорость и тронулся с места.

У проходной простояли долго. Михаил звонил и звонил непрерывно. Наконец прибежал молоденький милиционер с пистолетом в руке, испуганно всматривался в них сквозь толстые стеклянные двери, ничего не понимая. Но, узнав Михаила, приосанился, принимая подобающий своей профессии вид. Неторопливо убрал пистолет в кобуру, потом открыл дверь.

— В чем дело?

— Неотложная работа! — ответил Михаил и достал из кармана темно-вишневую книжечку служебного удостоверения, хотя и так было понятно, дежурный узнал его.

— Проходите... Вас двое?..

— Как видите.

Быстро направились по темному коридору к лифту. Позади щелкнул замок, донеслось недовольное ворчание милиционера.

Вышли они на третьем этаже, остановились перед широкой — из матового стекла — дверью, за нею — темнота.

— Пошли.

Михаил первым переступил порог, Андриан за ним.

Сразу же вспыхнул яркий свет — сплошная линия люминесцентных ламп по периметру потолка, украшенного старинным гипсовым орнаментом.

«Чародей» занимал большую часть обширного зала — квадратная колонна до самого потолка, а вокруг нее — семь более тонких, экраны, пульта управления с кнопками, клавишами и сигнальными лампочками, одним словом, сложнейшая электроника.

— Привет, полуночники! — раздался вдруг сверху сочный бас.

Андриан заметил две небольшие телекамеры, направленные на них, они медленно поворачивались, следуя за движением гостей.

— Привет, Чародей. Ты уж извини за такой поздний визит.

— Или я тебе за день не надоел, Михаил? Ночью мог бы и отдыхать... Пусть твой товарищ подойдет к третьему пулту, я хочу с ним познакомиться.

— Слышишь, Андриан? — произнес Михаил.

— Где третий пулт?

— Пошли.

— Покажи Андриану все, что нужно сделать для нашего знакомства. — В голосе Чародея слышалось легкое раздражение.

Подошли к одной из семи колонн.

— Плотно прижми ладони к этим пластинам. Так. Вот так. Эти электроды я надену тебе сам. Держи, пока Чародей не удовлетворится.

— Уважаемый Андриан, — сказал Чародей. — Представьте, пожалуйста, что-нибудь приятное для вас... Благодарю... А теперь припомните, пожалуйста, страшный или очень неприятный случай из вашей жизни... Благодарю... Подумайте о своей работе и о своем начальнике... Благодарю... Ого-го... — Чародей почему-то громко рассмеялся. — У тебя, Михаил, очень интересный товарищ. Мне еще не приходилось встречать такой эмнационный спектр...

— Всякие еще встретишь... — буркнул Михаил.

— Очень приятно познакомиться. Садитесь, прошу вас. Я внимательно вас слушаю.

— Расскажи о своих соображениях, Андриан. Чародей сам определит, что ему делать.

Все происходило молниеносно. Андриану показалось — когда Чародей просил представить или вспомнить приятное-страшное-неприятное-обыденное, он даже не успевал толком сосредоточиться, как звучало: «Благодарю...»

Андриан начал излагать суть своей идеи, говорил очень сбивчиво, путано о некоторых генетических изменениях, которые смогут преобразить к лучшему человеческую природу, психологию, характер. Говорил о порядочности, о равнодушии, о будущем государстве личностей, лишенных власто- и славолюбия. Чародей ни разу его не перебил, слушал внимательно, пока Андриан не сказал взволнованно:

— Все... Вот вроде и все...

Чародей ответил сразу:

— Я тебя понял, Андриан. Понял теперь, что нужно от меня, я знаю, чем могу помочь... Подождите с Михаилом немного...

Яркое освещение в зале заметно снизилось. И одновременно на большом телеэкране возникло лицо — худое, скуластое. Сначала оно было обозначено как-то схематично, графически, но постепенно пополнялось все новыми и новыми чертами, оживало. Высокий лоб, на нем глубокие, ровные, в линейку морщины. Большой прямой нос. Взгляд сосредоточенный, гневно-иронический и в то же время откровенно равнодушный. На тонких губах сдерживаемая улыбка. Стрижка короткая, как у мальчика, однако человеку уже лет сорок.

Мужчина на экране сощурился, нервно облизнул губы и кашлянул. Лицо его начало удаляться. Но туло-

вища еще не было. Только лицо. Потом постепенно, как-то неуверенно под ним появилась фигура в белом халате. Сухощавый, невысокого роста человек вышагивал по пустой комнате.

Андриан и Михаил пока ничего не понимали.

— Консультирует профессор медицины, — сухо прокомментировал Чародей.

На экране — уже несколько человек в белых халатах, все на одно лицо, одинаковой комплекции, словно манекены. И среди них одна женщина. Она единственная не была похожа на манекен. Неопределенного возраста, с энергичными движениями, лицо грустно-улыбчивое, как у сказочного гномика.

Затем появилась меблировка кабинета, тускло освещенного маленькой лампочкой под потолком и большим светлым пятном негатоскопа.

«Начнем, Александр Сергеевич?» — тихо спросила женщина.

«Давно пора», — раздраженно пробурчал профессор, поднимая мрачный взгляд, и во взгляде этом Андриан вновь отметил равнодушие, глубокое безразличие ко всему. И вдруг ему показалось, что этот профессор медицины чем-то похож на него самого.

— Мне кажется, Андриан, — тихо сказал Чародей, — что мне удастся смоделировать ситуацию, которая многое должна объяснить тебе. По крайней мере, натолкнуть на определенное решение... Смотри.

Женщина на экране зарделась, порывисто поднялась, подошла к негатоскопу и начала фиксировать на матовом стекле рентгеновские снимки:

«Первая больная, которую я хочу вам показать, Александр Сергеевич, это Надя Стригаль, шестнадцати лет, тетрада Фалло, паллиативная операция проведена в нашей клинике семь лет назад, вот ее снимки... Больная дала согласие на радикальную коррекцию...»

«Пусть больная войдет», — произнес профессор и с утомленным видом опустился в кресло.

Кто-то открыл дверь в коридор и громко позвал:
«Надя Стригаль! Заходи!»

В комнату вошла девушка в сером с голубыми цветами больничном халатике — худая, с огромными глазами, пальцы нервно сжимали на груди отвороты халата. Губы темные, почти фиолетовые.

Ее фигурка потрясла Андриана. От волнения он напрягся, замер. Надя Стригаль мучительно ему напомнила кого-то...

«Здравствуйте...» — робко произнесла девушка и остановилась, с благоговением глядя на профессора.

Тот наконец поднял глаза и жестом велел подойти к нему.

Надя, смущенно улыбаясь, сделала несколько шагов вперед.

«Сними халат. Я послушаю тебя».

Она покорно и как-то неуверенно потянула свободный кончик пояса, завязанного бантиком, полы халата разошлись, девушка смешно тряхнула плечами, халатик упал на пол позади нее.

И вдруг Андриан вздрогнул, ну конечно же, Надя Стригаль похожа на его дочь! Выражение лица, походка, голос — все как у Татьянки. И невероятнее всего то, что у Татьяны тоже больное сердце. Она не первый год стоит на диспансерном учете. Ревматизм.

Андриану стало страшно, даже жутко.

«Ты работаешь?» — спрашивал тем временем профессор.

«Да».

«Повернись спиной... Дыши... Не дыши... Где работаешь?»

«Я медсестра».

«Так... Затаи дыхание... Так... Значит, ты настаиваешь на радикальной коррекции?..»

«Да-а...» — ответила девушка неуверенно.

«Готовьте на завтра, — решительно приказал профессор. — Оперирую я!»

«Спасибо, профессор... — Девушка стояла перед ним раздетая, трогательно беспомощная. — Но скажите, профессор, я буду... жить?..»

И вдруг... Это было неожиданно, неуместно, дико — профессор рассмеялся, басовито, искренне:

«А вот этого, деточка, мы не можем тебе сказать!»

Андриан не выдержал, вскочил с места и закричал:

— Чародей! Это неправда! Это...

— Ты думаешь, такого не случается, Андриан? Но ведь мы моделируем, доводим до экстремума каждую человеческую черту характера... Впрочем...

Экран зарябил, изображение качнулось раз, другой, потом появились четкие контуры. Профессор снова произнес:

«Готовьте на завтра. Опирую я!»

«Спасибо, профессор... Но скажите, профессор, я буду... жить?..»

Наступила тягостная, гнетущая тишина. Лицо профессора было неподвижным, лишь морщинки у глаз стали заметней, глубже, да в темных зрачках жило, пульсировало что-то затаенное, невысказанное.

Женщина, похожая на сказочного гномика, смотрела беспомощно, взглядом полным отчаяния, будто не Надюша Стригаль, а она сама стояла перед профессором и словно она только что задала этот простой и в то же время такой сложный вопрос.

Минута тишины длилась для всех нестерпимо долго.

Надя попятилась назад, споткнулась о свой халатик, но не подняла его, перешагнула, повернулась к двери и обреченно пошла к выходу.

Женщина торопливо поднялась с места, схватила халат и накинула девушке на плечи, потом остановила ее почти насильно.

«Оденься, милая, оденься, — сказала тихо, будто не хотела, чтобы ее слова услышал профессор. — Все будет хорошо, Наденька, все будет хорошо. Вот увидишь...»

Надя безвольно завязывала поясок халата.

«Спасибо... Большое вам спасибо...»

«Пусть заходит следующий больной!» — громко изрек профессор.

И экран погас.

Анриан с Михаилом долго сидели молча. Затем Анриан спросил:

— Как понимать все это, Чародей? Зачем ты нам это показал?

Чародей ответил не сразу, словно колеблясь:

— Я могу ошибаться, Анриан, но... Скажи, о чем ты сейчас думаешь?

— Я думаю о своей дочке...

— Вот, вот. Ты думал о ней и при нашем знакомстве у третьего пульта.

— Нет, тогда я не думал о ней.

— Ошибаешься, Анриан. Думал, но не замечал этого. Ты все время думаешь о Татьяне... Вы живете не вместе... — сказал то ли спрашивая, то ли утверждая Чародей.

— Не вместе. Я дочку не видел уже...

— Ты такой плохой отец?

— Не знаю...

Анриан почувствовал, веки потяжелели, а в глазах как песку насыпали. Нахлынули воспоминания...

...Когда они разошлись, Татьянке было семь лет... А сейчас уже семнадцать... А в тот вечер... Почему-то именно тот вечер запомнился особенно остро... День рождения Татьянки. Прошло чуть больше года после развода... Он выехал из Киева неожиданно даже для самого себя, сорвался из аспирантского общежития, не в силах больше каждую ночь видеть во сне дочь, ходить с нею по улицам неведомого фантастического города, беседовать с ней, советоваться... Во сне... Когда самолет приземлился в Виннице, уже вечерело. Взял такси и поехал «домой». После развода Анриан ни разу не приезжал к Людмиле и дочери. Поначалу ча-

сто звонил — Людмила, лишь только услышав его голос, бросала трубку, — потом, когда поднималось в душе что-то еще живое, недотравленное, принимался писать письма... Ответов не было. Кроме алиментов, часто посылал деньги — к ним Людмила относилась более терпимо, не возвращала... А когда поднимался по лестнице на третий этаж, подумалось, а вдруг еще смогут найти общий язык... «Ведь оба мы за этот год поумнели. По крайней мере, повзрослели. И, возможно, именно этой частицы мудрости и не хватало нам тогдашним, молодым, вспыльчивым и ужасно самостоятельным». Он остановился на знакомой площадке и позвонил. Долго никто не открывал. Наконец дверь скрипнула и... на пороге он увидел Людмилу. Она выглядела помолодевшей, была в новом голубом халате, волосы покрашены, уложены в новой прическе... Людмила будто и не удивилась вовсе и сказала точно так, как прежде, спокойно и равнодушно:

— А-а... Это ты...

— Добрый вечер, — поздоровался Андриан, смущенно улыбаясь и делая шаг, чтобы войти.

— Что тебе нужно? — спросила она холодно. Стояла в проеме двери.

— Сегодня у Татьянки день рождения...

— Я помню это. Что тебе нужно?

Он не хотел замечать унижительность создавшейся ситуации, пытался сделать вид, что не слышит, не понимает ни ее слов, ни ее взгляда... Из комнаты донесся приглушенный мужской голос... Или, может, это лишь показалось?

— Таня дома?

Людмила с притворным спокойствием зевнула:

— А почему это тебя интересует?

В комнате включили музыку на полную громкость, запись оркестра Кемпферта, пластинку, подаренную кем-то из однокурсников Андриану в день рождения.

— Я хочу повидаться с дочкой...

— За семь лет не посмотрелся? — Сказано это было спокойно, выразительно, без малейшего волнения в голосе.

— Не посмотрелся... — Андриан попытался улыбнуться.

— Зачем ты приехал?

Он протянул Людмиле сверток (в нем было пальто для Татьянки), она взяла его и с безразличным видом положила позади себя. Не поблагодарила, вообще ничего не сказала.

Андриан стоял и смотрел на женщину, с которой прожил восемь лет и которую по-настоящему любил... Любил? Да, прежде было...

Почувствовал, как последняя натянутая струна оборвалась в нем. Взялся рукой за дверную ручку... Людмиле показалось, что он вздумал все-таки войти, вся напряглась... Но Андриан просто оттолкнул ее грубо внутрь квартиры и захлопнул дверь. Долго стоял на полутемной площадке, приходя в себя. И потом пошел вниз...

— Почему не знаешь? — спросил Чародей. — От того что не хочешь знать?

— Оттого что не хочу знать... — выдавил наконец из себя.

Объектив телекамеры не сводил с него взгляда.

— Ты так ничего и не понял? — с удивлением спросил Чародей.

— Что я должен понять? — бросил Андриан раздраженно.

— Ты хочешь все забыть, стать равнодушным... Но еще не забыл и не охладел, хотя и стараешься уже несколько лет... Равнодушие — действительно надежная защита для некоторых, но для окружающих — сильнейший яд... Профессор, которого вы только что видели на экране, тоже стал равнодушным... Тебе известно, почему умерла Надя Стригаль? — спросил Чародей так,

будто Надя была не его собственной выдумкой, а настоящим живым человеком.

— Она умерла? — воскликнул Андриан.

— Ты все еще никак не желаешь понять... И в то же время хочешь изменить природу человека к лучшему, мечтаешь вмешаться в генотип... Собственную болезнь стремишься лечить у вполне здоровых... Извини за откровенность... Но должен заверить, что равнодушие не является чертой характера или наследственным комплексом. Это одна из реакций самозащиты от утомления или от сложности проблем... Поверьте, даже я чувствую, как вы становитесь мне все более безразличны, и даже ты, Михаил... Вы ворвались ко мне среди ночи и изматываете меня, требуете ответа на такие сложные вопросы... Но я докончу... Равнодушие — это защита себя за счет других. Можешь, Андриан, воспользоваться мыслью о преимуществах людей, которые не рубят сплеча, которые каждый свой шаг подчиняют требованиям среды. Можешь оставить эту мысль как своеобразную программу для внутреннего пользования... Мало того, могу с уверенностью утверждать, что этот тип людей лучше эгоцентристов... Но, уважаемый Андриан, ты сам к этому типу людей не принадлежишь... Ты точь-в-точь такой же, как тот профессор, которого вы только что видели на экране. Но, знаешь ли, Андриан, чем ты пока отличаешься от него? Ты еще переживаешь, ты еще не стал равнодушным, а он уже защитился панцирем от всех трагедий даже близких для него людей... Тебя, Андриан, в последнее время что-то мучит. Не так ли? Это растет панцирь равнодушия. Ты становишься черепахой, Андриан. Это черствеет твоя душа, я пользуюсь привычными для вас словосочетаниями, а то я сказал бы иначе. Точнее говоря — ты накапливаешь заряд на бета-клеммах, спроси Михаила, он тебе объяснит, что это означает... И решай сам — хорошо это или плохо. Вообще можешь утешать себя тем, что черепахи долго живут, и тем, что вскоре ты

сможешь искренне смеяться даже тогда, когда перед глазами твоими будет трагедия... Больше ничего не могу сказать... Я совершенно истощился... Оставьте меня... Надолго оставьте... Эти сутки я не буду работать, Михаил...

За окнами занимался серый рассвет.

— И не забудь купить яйца, — громко добавил после паузы. — Жена просила напомнить тебе.

Я В СЕРДЦЕ НЕ ДЕРЖАЛ ОБИДЫ

Небольшой старинный колокол над входной дверью басовито и протяжно подал голос. Раз, потом еще второй.

Худошавый, средних лет мужчина сидел в мягком розовом кресле гостиничного номера и отрешенно-задумчивым взглядом наблюдал с высоты сорок второго этажа панораму города. Колокол пропел в третий раз, и мужчина, очнувшись, громко крикнул:

— Входите! Открыто!

Он продолжал смотреть в окно, пока не послышался позади него хриплый и взволнованный голос:

— День добрый. Вы — Самуил Борунь? Я не ошибаюсь?

— Да, — ответил мужчина и повернул к незнакомцу продолговатое морщинистое лицо. — Действительно, я Самуил Борунь.

— Простите за вторжение. Я журналист. Прошу вашего разрешения на короткую беседу, — он привычным движением, не глядя, достал из кармана фонограф, но садиться не спешил и не раздевался: на плечах его коричневой кожаной куртки и на пушистой шапке, которую он держал в руке, искрился снег.

— Садитесь. Что привело вас именно ко мне?

Журналист торопливо разделся.

— Вы прилетели сегодня с Инканы по приглашению Земного совета?

— Да, прилетел на торжественную церемонию десятой годовщины...

Наступило длительное молчание.

Журналист от волнения никак не мог найти нужных слов, наконец сказал:

— Зима, — и посмотрел в окно.

Мужчина в тон ему продолжил:

— Да, зима... И я снова на Земле... Но снега сейчас куда меньше, чем в том году...

Казалось, Самуила Боруна вполне удовлетворяет разговор о снеге, о погоде, он ни единым словом, ни жестом не проявлял любопытства. Смотрел на высоченные дома, белевшие за окном, на темную полосу далекого леса, на то, как струятся по магистралям пестрые реки геликомобилей.

— Расскажите, пожалуйста, о тех событиях... — решился наконец журналист. — Вы поняли меня?

— Я не писатель и никудышный рассказчик.

— Пожалуйста, припомните, что сможете, и расскажите, это очень важно для меня...

— Важно для вас лично? Простите, не знаю вашего имени. — Боруна улыбнулся, на лице его появилась заинтересованность. — Мне действительно хотелось написать книгу. Те события, как вы говорите, ни на минуту не оставляли в покое мою память. А теперь тем более все припоминается особенно остро.

— Рассказывайте, прошу вас, — взволнованно попросил журналист, положив на колени включенный фонограф.

— Рассказывать?..

— Да, да, все с самого начала.

— Ну что ж, попробую... Десять лет назад наш трансангуляр особого назначения «Инкана» произвел

посадку в североамериканском космоцентре. — Самуил Боруль на минуту умолк.

Журналист тем временем не сводил с него напряженного взгляда, всем видом своим поощрял, упрашивал продолжать.

— Нам запретили посадку на территории Европы, хотя оттуда рукой подать до Нойвида. Нам предоставили еще один час и семнадцать минут, чтобы мы — уже на Земле — еще раз могли взвесить и осознать всю глубину риска и нашей ответственности... Вам интересно? Я плохой рассказчик, знаю. Я обычный рабочий...

— Рассказывайте, рассказывайте.

— В космоцентре нас встретил председатель Земного совета Иван Моревиль. Он заметно волновался, но держал себя в руках. Его волнение передалось и нам. Он начал так: «Ребята, надеюсь, вам понятно, почему Земля вызвала именно вас...» Наша бригада специального назначения считалась самой лучшей. Этой славы мы удостоились после работ в 142-м искусственном звездном метакаскаде астероидного пояса. И каждый чувствовал: все прежнее — игрушки, по сравнению с тем, что ожидает нас сейчас на Земле. «Так вот, ребята, шесть миллионов населения Нойвида эвакуированы вчера. Мы понимаем, что на случай любой ошибки или фатальной случайности следовало подумать об эвакуации всех землян, но у нас нет ни времени прежде всего, ни такого количества транспортных кораблей... А поскольку на некоторых контейнерах повреждены защитные рифы жесткости... Каждую минуту может произойти...» — закончил Моревиль. Мы пошли с ним к красному шарообразному геликомобию. Тогда я в первый раз посетил Землю. Я родился на орбитроне «Земля-8», мои родители и сейчас работают там... В тот день каждый из нас впервые видел снег. Не просто замерзшие капли воды, не обындевевшие арматурные сети, а настоящий пушистый снег, медленно и плавно круживший

в объемной глубине неба, как в кинофильмах. Большие искристые снежинки опускались на наши плечи, на когераты, висящие за спинами, и долго-долго не таяли. А одна еще и в салоне геликомобиля поблескивала несколько минут на отвороте моего комбинезона, прекрасная, как сооружение современного орбитрона, когда на него смотришь издалека. Но вскоре растаяла...

— Да вы поэт, — восхитился журналист.

— Оставьте... Кстати, как вас зовут?

— Простите, но мне хотелось бы представиться немного погодя, — ответил журналист, усиливая этим таинственность своего появления. — Продолжайте, пожалуйста...

— Что ж, ладно... Моревиль проводил нас до самой станции пневматического трансатлантического сообщения. «Один час и семнадцать минут, ребята, чтобы вы осмыслили...» — начал Моревиль, но его перебил биоклибер Гайвир: «Мы все давно поняли. Напрасно не разрешили посадку в Европе. Время дорого, как никогда. А мы все понимаем. И нас ничто не устрасит. Не останавливает. Мы тоже все любим Землю. Эта любовь заложена еще на первом конвейере...» Помнится, он вдруг умолк, обвел взглядом остальных, а потом уверенно продолжал: «Да, она заложена в каждом из нас». Моревиль устало улыбнулся, его тонкие губы задрожали — так улыбаются испуганные дети, беспомощно и настороженно. «Спасибо, ребята. Там, в Европе, вас встретят. Работы идут второй день. Земля ждет вашей помощи». И мы поехали. Пневматическая пассажирская капсула была почти пустой. Сначала мне подумалось, что это лично для нас выделили весь огромный салон, но потом сообразил: кто же может сейчас ехать в Европу, кроме таких, как мы? С каждой последующей минутой мы чувствовали, как сознание обволакивается какой-то непонятной пеленой, наши улыбки становились все напряженнее, напоминая последнюю улыбку Моревилья, а лица превращались в театральные резиновые

маски. Словно мы погружались в некое энергонасыщенное поле, чувствуя на себе воздействие его силовых линий, и я отчетливо понял, что пелена эта, невидимая паутина — *страх*. Он накатывался на нас или мы неслись навстречу ему. Мне тогда было тридцать шесть. Впервые в жизни так остро, каждой клеточкой своего существа я ощущал страх. Нет, это не волнение, не осмысление опасности и даже не состояние оцепенения — телесного и духовного, — когда сам себя представляешь ледяной фигурой. Это скорее какое-то болезненное, внезапное озарение, подобное взрыву осознания фатальной материальности мира, материальности рождений и финалов. А за прозрачными стенами салона в тусклом сумраке тоннеля мелькали вытянутые в тонкие волокна сигнальные светильники. За тот час и семнадцать минут каждый из нас поистине осознал всю глубину смысла простых слов газетных сообщений: в Европе под городом Нойвид на глубине двух километров при проходке тоннеля дополнительной транспортной пневмомагистрали обнаружен огромный склад древнего нуклонного оружия, на нескольких контейнерах повреждены защитно-предохранительные рифы, второй день ведутся работы по обезвреживанию. Сегодня все эти события — история. Сейчас я знаю самые мельчайшие подробности, которые тогда никто из нас не знал, хотя мы были участниками тех событий... Ловлю себя на мысли, что вспоминаю книгу Буркуна «Земля, родившаяся вторично». Вы читали?

— Да, — кивнул журналист в ответ.

— Эта книга вообще о нас, и теперь я, пожалуй, не смогу больше добавить ни слова, ни одной новой детали к созданным писателем образам, к описанию нашей работы. Хотя там и много выдуманного. Но могу утверждать, что все происходило именно так. Просто не мог я запомнить, что у Авенира Горлача — а мы с ним сидели в салоне пневмокапсулы рядом — на правом плече был поврежден комбинезон, и Авенир с удивле-

нием рассматривал продолговатую дыру, стараясь припомнить, где он успел разорвать костюм. Бернард Болл, вполне возможно, мурлыкал детскую песенку о сороке, а Аскольд Зимнич неподвижно сидел с закрытыми глазами, будто дремал, лишь руки продолжали судорожно сжимать когерат. Будимир Глей ежеминутно вскидывал взгляд на настенные часы и как-то бесцветно повторял: «Скоро уже приедем», — а Вацлав Манчарский предложил выпить каждому по глотку крепкого боро из его походной фляги, и никто не отказался: биокибер Доброслав всю дорогу проверял исправность своего когерата, то и дело повторяя громко: «Непостижимо! Как они — мыслящие — могли убивать мыслящих, себе подобных...»

— Да, все верно... — вырвалось у журналиста.

— Что верно?

— Не обращайтесь внимания, — проговорил извиняясь. — Не обращайтесь на меня внимания, пожалуйста. Продолжайте.

— Рыжий парень в серебристом защитном костюме с шлемом в левой руке встретил нас на третьей европейской коллекторной станции единственным словом: «Пошли!» Потом, когда тронулись, добавил: «Идемте быстрее!» Возле пластиковых боксов с костюмами радиационной защиты он нетерпеливо ждал, пока мы все переоденемся. Руки у него дрожали, но лицо, округлое и совсем детское, было удивительно спокойным. По ответвлению главного тоннеля мы пошли за ним. Вскоре увидели в конце каменного коридора людей, их фигуры, освещенные мощными прожекторами, отбрасывали причудливые тени на стенах подземного зала. Его выжгли лучами стационарных когератов вокруг гигантских контейнеров, громоздящихся посреди. Они выглядели до ужаса буднично и походили на продуктовые блоки сельскохозяйственной фирмы «Гулливер». «Вот они, древние нуклонки», — произнес рыжеволосый, его голос искажался переговорным устройством в костю-

мах или сильное волнение придавало ему нечеловеческие модуляции.

Без приветствия и традиционного для землян пожатия рук к нам обратился коренастый бородач. В шаровидном шлеме его борода казалась тоже шарообразной. До сих пор помню, он сказал: «Меня зовут Илиан Верн. Мы третий час ожидаем вас. Нужно все согласовать, остановиться на оптимальном варианте. Мы решили было законсервировать эту мерзость, но на двух контейнерах повреждены защитные рифы. Рано или поздно это приведет к взрыву. Значит, два контейнера придется аннигилировать. Что скажете на это вы?» — «А если восстановить защитные рифы?..» — брякнул я и тут же сам понял, что восстановление рифов, да еще в таких условиях, опасней аннигиляции. «Контейнеры пролежали почти восемьсот лет, на них даже смотреть нужно кротко, а нам за них нужно как-то взяться...» — почти крича закончил бородач.

Буркун писал, что в ту минуту я лично думал о сыне и жене, которые остались на Вериане, о тридцати шести прожитых годах и еще о Земле, о ее судьбе... Что ж, пожалуй, я тогда думал и об этом. Руки дрожали, помню, а ноги наполнились непонятной ватной субстанцией, не желающей меня держать... Я согласился первым начать аннигиляцию одного из контейнеров. Долго возился у своего когерата на раздвижной треноге. Меня никто не торопил, хотя каждый понимал, что времени у нас в обрез: чувствительный счетчик Бакса сухо шелкал. Звук этот напоминал тиканье примитивного часового механизма в древнейших взрывных устройствах замедленного действия. Шелканье становилось все чаще и чаще, будто бы время ускоряло свой бег. Возрастал уровень радиации. Наши костюмы пока спасали нас, но счетчики отсчитывали неумолимое приближение опасности. Филигранность работы состояла в том, что прямой когератный луч мгновенно вызвал бы взрыв... У Буркуна это описано с любопытными подроб-

ностями. Короче, с первым контейнером мы канителились восемь суток, не прерываясь ни на минуту. Работали по очереди, часто сменяя друг друга.

Постоянную связь держал с нами Иван Моревиль, каждый раз справлялся о самочувствии, предлагал любую возможную помощь, от имени всех землян приветствовал нас и желал успеха...

Но вот уже начал захлебываться счетчик Бакса. Порой казалось мне, что чувствую, как тело пронизывает поток нейтронов. Костюмы почти не задерживали их. Первым потерял сознание Лавро Белый, и сразу же за ним — Лукаш Гудым. Их немедленно вынесли работники медицинской службы, появившиеся неожиданно — до нашего вызова — из глубины главного тоннеля. Лишь тогда я понял: за нами непрерывно наблюдали. Осмотревшись при очередной передышке, заметил пять сигнальных огоньков телекариусов — значит, все эти дни нашу работу транслировали по всемирной телеинформационной системе...

— А почему вы отказались от помощи? Помнится, тогда шла речь даже о полной замене вас бригадой биокиберов... — робко перебил его журналист.

— Да, когда увезли Белого и Гудыма. Иван Моревиль категорически потребовал нашей замены. Но это оказалось нецелесообразно. Каждый из нас был уже как решето. К тому же мы считались лучшими когератчиками солнечной системы. Биокиберы не смогли бы нас заменить полностью. Но поймите меня правильно. Они молодцы и всегда работают с максимальной отдачей, но когда требуется совершить невозможное, тогда необходим человек. Понимаете, о чем я говорю? Человек иногда выдерживает немыслимое...

— Человек действительно величайшая загадка, — согласился журналист. — Но... биокибер Доброслав находился с вами наравне до последней минуты.

— Вполне возможно. Я плохо помню последние дни... Со вторым контейнером было еще тяжелее. Ка-

тастрофически ускорялось излучение энергии, мы сами провоцировали это своим вмешательством. А убыстрить аннигиляцию мы не имели права. Кроме того, с каждым днем нас становилось все меньше, и потому каждому приходилось все большее время находиться в смертоносном потоке нейтронов... Последние дни совершенно выпали из моей памяти. Не могу сказать точно, когда отказала память. Пожалуй, это случилось на одиннадцатый день... Но я все с тем же упорством хватался за когерат, с наступлением моей очереди уверенно и точно кромсал смертоносный контейнер. Так рассказывали мне потом те, кто наблюдал за происходящим на телеэкране. Но я ничего не помню, — в голосе Самуила Боруна проскальзывала гордость за себя, за человека. — Говорят, я вышел последним после уничтожения второго контейнера...

— Да, вы были последним. Вас вынес биокриб Добраслав. Вы уже не могли сами идти... Но и у него из разрушенных сосудов вытекала биоплазма, но он вынес вас, как малое дитя. А вы из последних сил кричали: «Слышите, хлопцы! Все в порядке! Земля наша! Земля...»

— Правда? Не помню и этого. И никто мне не рассказывал.

— Последние часы ни один из телекариусов не действовал. И они все были повреждены нейтронным потоком. Потому-то телеинформаторы на Земле молчали... А врач, отправлявший вас и Добраслава на поверхность, был необычайно взволнован и занят... Потому-то об этом никому и неизвестно. Да разве это самое важное? А вы и вправду не помните?

Самуил Боруна громко рассмеялся:

— Честное слово, абсолютно ничего не помню. Вы мне не верите?

— Раньше не верил...

— Постойте, постойте... а откуда известны подробности вам?

— Простите, но я... я биокибер Доброслав.

— В-вы? Доброслав?.. — Человек весь напрягся. — И вы, бессовестный, ждали десять лет, чтобы сказать мне об этом сейчас? Почему?! — Глаза его увлажнились. — Мы очень изменились, — сказал он после паузы. — Почему мы с вами... с тобой не встречались все эти годы? Хотя бы позапрошлой осенью в «Звездном»...

— Простите, я... мне казалось, что вам не хочется меня видеть... Я не понимал почему, но почему-то так думал... Простите, но я не верил, что вы не помните...

— Ну как ты мог, Доброслав? — Самуил Борунь не сдерживал слез, обнимая биокибера.

Они долго смотрели друг на друга.

— Ну... это надо быть биокибером, чтобы такое вообразить... — сквозь слезы говорил Борунь. — А ты сильно изменился.

— Да и вас трудно узнать. Но мы живем. И я всегда говорил себе: это неважно, что он не хочет меня видеть, что забыл обо мне. Главное — мы все выстояли, победили. Осталась Земля... И, знаете, я никогда не держал в сердце обиды на вас... И перенес я все тогда только благодаря вам...

МОНОЛОГ ОДНОГО ОТШЕЛЬНИКА

К воротам Инканского комбината биокибернетики медленно подкатила черная легковая машина. За прозрачным обзорным фонарем кабины застыли фигуры женщины с короной золотистых кос на голове и тучного мужчины. За ними на откинутых сиденьях — кто-то третий, на носилках, тонкое белое покрывало повторяло крупные сильные формы его тела. Ни мужчина, ни

женщина долго не выходили. Сидели, точно уснувшие или смертельно усталые.

Дежурный биокибер Августин заметил подъезжавшую машину и сразу узнал Мартина Реденблека и профессора Ларту Варич. Его удивило их поведение, даже несколько испугало, и он подбежал к ним, чтобы помочь.

— Добрый день, — поприветствовал он и слегка постучал по кабине.

Мужчина с женщиной только после этого пришли в себя и заметили биокибера.

— Добрый день, милый Августин, — постаралась улыбнуться женщина.

— Кто это? — спросил биокибер, взглядом указывая на носилки.

Мартин Реденблек и Ларта Варич молчали. И вдруг Августин сам понял, вспомнив недавние события.

— Это он? Дьондюранг? Наш легендарный биокибер...

— Да...

— Никто из нас не вечен, — вздохнул Августин. — Вам помочь?..

«Вот упругая масса основания барореторты послушно принимает форму моего тела, словно не желает ни в чем препятствовать мне в последней дороге. Опускается прозрачный пластиконовый купол, изолируя меня от окружающего. Включились двигатели энергоблоков — барореторта завибрировала.

Сознание исчезнет последним. Но пока не исчезло. Оно еще мое. Спасибо и на этом. Знаю: на моем лице сейчас уже маска вечного покоя. Весь я неподвижен, как каменное изваяние. Но мыслить еще могу. Спасибо.

Словно видится экран телеинформатора, на котором демонстрируется очередная передача знаменитого Жалио, слепого Жалио, который видит все, но... не глаза-

ми. Артистические улыбки со студийной сцены видятся мне, как часть какого-то представления, где нельзя объективно определить фальшь, ибо нельзя определить степень истинности.

Постараюсь осмыслить прожитое. Когда-то было... уже распадается на хрупкие острые обломки... Никогда уже не допишу своей последней книги. А прежде усматривал в этом миссию своей жизни. Не напишу. В чем же тогда моя миссия? Стать частицей *вечной машины*? Но и это не так-то просто — быть достойной частью вечной машины существования, отлаженной испокон века, могущественной, мудрой и жестокой.

Мне всегда нравилась отведенная мне роль в этом мире. Некоторое время думал даже о превосходстве киберов над людьми. Впервые эта мысль пришла после встречи с профессором биологии Майклом Армом. Он искренне удивлялся, что его жена ничего не понимает в сложных физиологических механизмах пищеварения, но это нисколько не мешает ей нормально питаться, абсолютно не разбирается в проблемах генной трансформации, но умеет рожать детей. Профессор говорил совершенно серьезно, даже усматривал в этом некоторую дисгармонию материи. Я слушал его и думал, что биокибер никогда не размышлял бы так по-детски наивно и рационально.

Почему мне вспомнился этот профессор? Неужели он стоит того, чтобы о нем вспоминать в последние минуты своего существования? Не знаю. Я так и не смог выработать для себя устойчивых эталонов определения значимости. Осознал лишь следующее — то, что сегодня кажется мелким и незначительным, завтра может осмыслиться иначе.

Я счастлив от сознания того, что ни мысли мои, ни опыт не пропадут. Мой центральный анализатор, блоки памяти пойдут на изучение в Инканский информационный центр. Мои жизненные воззрения, принципы будут использованы следующими поколениями.

Чувствую, как из пористой основы, на которой лежу, просачивается прохладная жидкость. Через некоторое время я буду лишен эпителиального покрытия и вместе с ним привычного облика. Представляю, как поднимется гофрированными аркадами респираторный блок; как зашевелится змеей длинная извилистая трубка моего энзимного тракта.

А в мыслях почему-то возник образ старой женщины, которую встретил однажды на Земле. Лицо ее, весь облик представляются такими значимыми, что непременно хочу передать его в наследие другому, кто будет жить после меня.

Женщина стояла посреди небольшой площади провинциального земного космопорта и держала в руках корзину спелого винограда. Она взглядом отыскивала детей и просила угощаться. «Берите, детки, берите. Он чистый. Я его вымыла».

На янтарных гроздьях сверкали большие водяные капли.

Женщина была очень старой. Я понял, что она пережила последнюю земную войну. «Когда наши отступали, подошел ко мне один, кряжистый такой, и сказал: «Вот возвратимся, снова все будет по-нашему. Берегите, люди, все, что остается». Сели на гравитоны и полетели. А мы берегли. Кто теперь умеет работать? Думаете, за вас киберы все сделают? А сами по себе? Я когда-то по два куля носила ежедневно да молола одна. И все людям отдавала. Крала для людей у клятых ворогов. Сама отруби ела. И доченькаменьшенькая со мною жила. Берите, детки, виноград... Он чистенький... Вот говорят все — не в своем уме я. А сыночка моего... О-о-о! Ну если б на фронте, а то дома убили. О-о-о-о, не прощу им и мизинчика сыновьего...» А потом запела что-то древнее, совсем не ведомое мне, про коня и дорогу тоненьким голоском.

Воспоминание это настолько четко, как видеозапись. Думается: люди порой бывают настолько равнодушны-

ми, что не желают понять, казалось бы, элементарнейшего, не хотят не то что разделить чужое горе, просто посочувствовать ему. Я тогда подошел к женщине. Ничего не говорил ей, стоял и слушал. Она долго смотрела на меня, потом сказала тихо: «Благодарю».

А еще вспоминаю Армиляра, биокибера с десятого земного гидроселектора. Его демонтировали только за то, что он сказал: «Дурацкая работа!» Армиляр семнадцать суток не выходил из пультовой селектора. Предупреждал взрыв неисправного реактора. Он был прекрасным специалистом, но стоило ему назвать работу дурацкой, как люди заподозрили серьезные нарушения в его центральном анализаторе. Армиляру требовалось одно — всего лишь отдохнуть. А может, ему никто не сказал простого «спасибо» за семнадцать суток адской работы. Подробностей я не знаю. Тогда были тяжкие времена для биокиберов. Считалось — проще демонтировать.

Когда я работал в Инканском центре проблем долголетия, подвизался там некто Франтишек Зинь — профессор, немолодой уже научный работник, совершенно не способный достичь высот славы, о которой он всю жизнь страстно мечтал. Вся его деятельность воспринимается мною сейчас как абсолютно патологическая, но большинству окружающих казалось, что поведение его не выходило за границы нормальной модели поведения научного исследователя. Так вот, как-то профессор Зинь объявил о запланированной им операции биокибернетического протезирования печени. Я не верил в его способности. Он был типичным неудачником. И, как все неудачники, не умел выбрать ни подходящего момента, ни посильного объекта для осуществления задуманного. К тому времени категорически запрещалось даже ставить вопрос о биокибернетическом протезировании без подтверждения десятию специалистами полного истощения жизнеспособности структур естественного органа. Профессор Зинь решил сам создать для себя

благоприятную возможность. Он предложил оперировать сына рабочего Инканского комбината биопокрытий. Родители мальчика слепо верили в достижения науки и дали согласие на любую операцию. Не хочу вспоминать подробности, хотя они известны мне. Ведь мне осталось существовать так мало... Если бы профессор ставил себе цель помочь человеку, я без колебаний подошел бы к нему и выложил все свои соображения. Но профессора интересовала только слава. И каждое слово моего совета звучало бы обвинением. Поразмыслив, что и сам я могу ошибаться, убедил себя, что, пожалуй, пришла пора широкого биокибернетического протезирования, а операция Зиня просто ускорит общий процесс. Что будет плохого, думалось, если профессор Франтишек Зинь сделает операцию, необходимость которой сомнительна по современным критериям? А какими будут критерии послезавтрашние? Так и думал. Но когда мальчик умер во время операции, я понял, что допустил ошибку. Никогда нельзя утаивать того, что думаешь. Особенно биокиберу. Я начал готовиться к обвинению, как вдруг меня опередил председатель Центра проблем долголетия Николиан Бер. Без всякого объяснения он отстранил профессора Зиня от участия в экспериментальных работах. То ли Бер тоже догадался обо всем, то ли окончательно убедился, что Зинь — неудачник.

А если б Франтишек Зинь не был неудачником? Если бы мальчик выжил? Разве безразлично с какими намерениями делаются, пусть даже добрые, дела?

Из распылителей заструился поток миолизина. Но думать пока еще могу. Спасибо.

«Скажите, как бы вы поступили? — спросил меня Александр Сфагнум, председатель контрольной комиссии, проверявшей достоинства очередной группы биокислов, сошедших с конвейера. — Допустим, у вас есть выбор между тремя моделями существования. В первой получите возможность неограниченного пользования

всеми благами нашей цивилизации, но не будете активным участником их создания. Во второй — сможете существовать в самом бурном творческом процессе, но потребности будут удовлетворены частично. В третьей модели — ни творческого горения, ни удовлетворяющих проблем, но получите возможность длительного спокойного существования. Так на какой же модели вы остановились бы?» Без колебаний ответил: «Если б все зависело от моего желания, не выбрал бы ни одной...» — «Почему? — спросил Сфагнум, листая мой технический паспорт. — Неужели ни одна из моделей не обеспечит максимального проявления вашей личности?» — «Ни одна». — «Можете объяснить?» — «Могу. Неограниченное потребление благ рискованно. Оно приводит к чрезмерной активности системы адаптации и очень быстро лишает способности удерживать необходимый внутренний потенциал. Настолько же патологично — являться творцом, но не пользоваться плодами своего труда. И абсолютно ненормально — функционировать долго и бесплодно». — «Вы вправду мыслите как человек, — усмехнулся Сфагнум. — Хотите быть причастным к каждому из звеньев жизни, выбирая кратчайшие пути к достижению дальней цели. Не так ли?»

Подобную мысль я когда-то встретил у писателя Буркуна. «Выбор удаленной цели оберегает от торопливости в ее достижении, но вынуждает выбирать кратчайшие дороги».

Мне пришлось оказаться свидетелем интересного случая, который произошел с ним в природоведческом музее на астероиде Лазурных Сталактитов. Внимание писателя привлекли наручники, единственный уцелевший экземпляр примитивного орудия древности для лишения свободы. Они висели на таком же древнем крюке, забитом в шероховатую стену пещеры. Я с интересом наблюдал, как засияли глаза писателя. «Что это? — воскликнул он. — Позвольте, так это же наручники?!» — «Да, — ответил директор музея Мартин Реденблек, лич-

но сопровождавший писателя. — Вы не ошиблись». — «Я пишу исторический роман. Позвольте поддержать их в руках? — Голос писателя смешно дрогнул от волнения. — Мне это необходимо... Нет, не просто поддержать. Я обязан все прочувствовать. Вы не должны мне отказать. Наденьте их мне на руки. Я хочу ощутить себя жителем прошлого тысячелетия. Иначе... иначе ничего путного я не напишу. Поверьте мне».

Реденблек колебался некоторое время. А потом действительно не отказал в просьбе писателю. Меня это удивило. Лицо Мартина излучало осознание наивысшей необходимости. Алекс Буркун протянул ему руки, и старинные наручники, глухо щелкнув, охватили его запястья. За свою жизнь я написал несколько книжек, а потому и себя считал немного писателем. Но ни разу мне не приходило желание пережить до мельчайших деталей все, о чем я собирался писать. Вероятно, потому, что я никогда не писал о том, чего не знал. Поэтому странную просьбу я воспринял как писательскую прихоть.

Я собрался уже уходить, как вдруг произошло непредвиденное, заставившее меня задержаться. Буркун захотел возвратиться в современность, и Мартин Реденблек, как исполнительный кибер, вставил в историческую замочную скважину исторический ключ, повернул его... и тут же воскликнул: «Вот напасть!» Древний ключ сломался; известного писателя не отпускало прошлое, крепко держа за руки железными браслетами. Но на его лице не заметно страха. «Помочь?» — спросил я, подходя ближе. «Да, Дьондюранг, видишь, какая неприятность... — Директор смущенно смотрел на добровольного узника. — Я должен был подумать об этом... Это моя вина...» — «Пустяки, — улыбнулся Буркун. — Жаль только портить такой редкостный и единственный экземпляр. В вашем музее найдется какой-нибудь инструмент?» — «Я думаю, наручники следует распиливать одной из музейных пил, — сказал я. —

Это особенно интересно для писателя. Необычная добавочная информация...» — но никто не уловил скрытой иронии в моей реплике. «Да-да, совершенно верно...» — бодрясь, воскликнул Буркун, но в голосе его уже не чувствовалось прежнего запала.

Жаль, что не имею времени припомнить все подробности.

Наручники пилили музейной пилкой четыре часа. За это время многое можно прочувствовать и пережить. Я пилил, а Мартин Реденблек непрерывно поливал водой, чтобы наручники меньше разогревались. Но это не помогло — на запястьях писателя все равно остались темные полосы ожогов. К концу четвертого часа Алекс Буркун стал сам не свой. Даже пить не просил. Сидел с жалким видом на музейной скамье.

Но когда через полгода я прочитал его исторический роман «Свобода», особенно главу о побеге главного героя из тюрьмы, я понял всю глубину своей ошибки. Ему действительно необходимо было все прочувствовать на себе. Никто не смог бы мысленно смоделировать такие убедительные картины, такую гамму чувств. И поэтому сейчас, на последнем этапе моей последней дороги, хочу повторить: для каждого мыслящего существа очень и очень важно быть участником описываемых событий.

Не обращать внимания на зеленоватое табло! Отсчет оставшихся минут может заполнить все существо. Тогда и сознание, единственное, что у меня осталось, парализуется...

Кажется, не могу подобрать точного, нужного слова, чтобы высказать что-то... Но что? Откровение? Итог всего совершенного в жизни? Рецепт счастья биокибера Дьондюранга? Какое же это слово? Какие слова? Зависли в воздухе, как детские надувные шарiki...

Недостает мудрости или знаний, сил или просто времени, чтобы найти наконец магическое слово, которое, как фермент, сгруппирует вокруг себя субстрат прожи-

того, на табло — 308, или разложит его, препарирует, освобождая — 307, освобождая...

Опять вспомнился писатель Буркун. Я ему завидовал в последние годы своей жизни. Он умел писать про заурядные понятия, но всегда необыкновенно, по-новому.

Теперь наконец-то я знаю: если чувствуешь в себе художника, скажем, писателя, то нужно писать обо всем, что видишь и чувствуешь. Не следует пытаться создавать собственную мудрость — она, если есть, родится сама, как плод на дереве. Искусство питает ум, как энергия тело. И каждый день должен быть новый глоток воды, новой воды, хотя и построенной из тех же самых молекул, что и вчера.

Наша сила в понимании своего места в мире. Не рабская покорность и безразличие, как у первых земных киберов, а гармоничное единство частей, составляющих целое. Всеобщее действо длится вечно, но каждый из актеров смертен...

Часть не может быть мудрее и сильнее целого. Сильный тот, кто отвечает требованиям времени, а слабый — кто даже мысленно... На табло — 221... даже мысленно... 220... мысленно... 219...

Жизнь отторгает чужеродное. Порою некоторые отшельники, всю жизнь прожившие независимо от мира, своим существованием хотят опровергнуть это правило... Таким же отшельником стал на некоторое время и я! Скрылся от запрограммированного демонтажа. Начал писать книги...

Скоро наступит очередь моего центрального анализатора. Все блоки тразонных накопителей попадут в информационный центр, где чуткие внимательные автоматы заметят самые слабые сигналы остаточных потенциалов. Ничто не затеряется! Ничто из прожитого не окажется напрасным! Не окажется?

Я же бывал не раз в рабочих корпусах информационного центра. Я ведь знаю все. Я видел все одиннадцать рабочих конвейеров. С интервалом в семь метров

проплывают небольшие шарообразные блоки центральных анализаторов. Блоки памяти прибывают в информационный центр со всех планет искусственного звездного метакаскада... Интервал семь метров. Стоят новейшие бездушные дезинтеграторы. Стоят обыкновенные киберы-исполнители. Датчики сверхчувствительной аппаратуры. Стоят и люди, не имеющие ни минуты свободного времени. Интервал семь метров. Что для них одна единственная вспышка в информационной сетке? Они оперируют миллионами! Выводят среднестатистические зависимости и тенденции. Ничто не исчезнет? Все исчезнет! Превратится в безликую мельтешню сигнальных лампочек, в плоские олады магнитных дисков, в горбатые линии графиков... Нельзя так думать! Нельзя!

Мне теперь все можно! Все!

Теперь уже никто и никогда не услышит моего голоса. Никто и никогда не спросит восхищенно: «О-о-о, вы работали у самого Бера?»

А я уже никогда не улыбнусь в ответ солидно и иронически одновременно. Никогда!

Не буду читать людям и киберам свои книги. Никто уже никогда не заставит меня вторично пережить голодную смерть на дикой планете Ир. И даже в воспоминаниях никто не...

Интересно, что от меня осталось? Я уже ничего не чувствую. Еще мгновение — и я растворюсь в окружающем... Скоро исчезнет грань, отделявшая меня от деревьев и насекомых, от домов и магистралей, от других мыслящих существ. Эта грань определяла мою сущность. Я жил, пока мог сохранять свое уединение. Но уже не могу. И... не хочу. Хочу раствориться... Хочу стать всем сразу и... ничем в частности... 5... 4... 3...»

СОДЕРЖАНИЕ

На планете снов	5
Дьондюранг	34
Дождь	80
Орлан Стах	120
Дети Николиана	149
Испытание добром	207
Программа для внутреннего пользования	236
Я в сердце не держал обиды	249
Монолог одного отшельника	259

Тесленко А. К.

Т 36 **Испытание добром : Науч.-фантаст. рассказы /**
Пер. с укр. Е. Цветкова. — М. : Мол. гвардия,
1984. — 270 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).
80 коп. 100 000 экз.

Главная тема научно-фантастических рассказов молодого украинского писателя Александра Тесленко — биоконструирование, отношения человека с удивительным миром, созданным его умом и талантом. Сюжеты рассказов вытекают из устремлений нашего современника, из его интенсивного научного поиска, из его чувства высокой ответственности за жизнь человека, за судьбы мира.

Т **4702010200—280**
078(02)—84 **Без объявл.**

ББК 84Ук7
С(Укр)2

ИБ № 4418

Александр Константинович Тесленко

ИСПЫТАНИЕ ДОВРОМ

Редактор **Т. Журавлева**
Рецензент **А. Кузнецов**
Художник **С. Соколов**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Г. Варыханова**
Корректоры **Л. Четыркина, И. Ларина**

Сдано в набор 09.04.84. Подписано в печать 24.09.84. А08174.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,9. Условн.
кр.-отт. 12,25. Учетно-изд. л. 12,4. Тираж 100 000 экз. Цена
80 коп. Изд. № 463.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового
Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30,
Сущевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета»
издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». 252119, Киев-119, Пархо-
менко, 38—42. Заказ 4—350.

80 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

АЛЕКСАНДР ТЕСЛЕНКО ИСПЫТАНИЕ ДОБРОМ К